

ББК 76
А 38

**Факультет
журналистики ВГУ
Академия наук
региональной печати**

АЛЬМАНАХ

Выпуск 7-8 (166-167)
2019

Редакционная коллегия:

**В.В. Тулугов —
главный редактор**
А.А. Кажикин
А.М. Шишляникова
(Воронеж)
С.Г. Корконосенко
(Санкт-Петербург)
А.И. Акопов
А.И. Станько
(Ростов-на-Дону)
Ю.Н. Мясников
(Томск)
В.Ф. Олешко
(Екатеринбург)
А.Л. Факторович
(Краснодар)

ISBN 5-900955-02-8

Корректоры – Т. Коновалова,
Е. Рязских

© Факультет журналистики
Воронежского
государственного
университета.

Подписано в печать
18.12.2019. Тираж 150 экз.

Содержание

СЛОВО РЕДАКТОРА Владимир Тулугов Из хроники форума современной журналистики «Вся Россия-2019»	2
Риф Ахмадиев Портретный очерк в писательской публицистике Мустая Карима	4
Мира Тукасова Персонализация в СМИ и принципы феноменологии медийного пространства	10
Никита Смагин Спортивный инфотейнмент — актуальная тенденция спортивного дискурса	13
Наталья Козлова «Тень, отбрасываемая грядущим»	18
Владимир Колобов Создатель видеом	23
Татьяна Немчинова Любовь в пространстве творчества С. А. Медведевой	27
Надежда Перцева Портретная журналистика в современной районной прессе Липецкой области	33
Юлия Уракчеева Чемпионат мира по футболу 2018 г. как пример национального брендинга	37
ДАЙДЖЕСТ	46
СООБЩЕНИЯ	48
РЕЦЕНЗИИ	51
ПАМЯТЬ	57
ТВОРЧЕСТВО НАШИХ КОЛЛЕГ	62
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	75

Владимир Тулунов

Из хроники форума современной журналистики «Вся Россия-2019»

В первый день форума был открыт выставочный центр, в рамках которого состоялась презентация проекта «Главное фото», приуроченного к 100-летию Союза журналистов России. Экспозиция познакомила с работами фотокорреспондентов из 50 регионов страны.

Председатель Гильдии межэтнической журналистики, член Совета при Президенте России по межнациональным отношениям Маргарита Лянге пригласила участников форума на встречу под названием «Национальный вопрос в российском медиапространстве: между общественной значимостью и нулевой рекламоёмкостью», на которой выступил и автор этих строк.

Маргарита Лянге, в частности, сказала: «Кажется, все заинтересованы в добрых межнациональных отношениях, в межнациональном мире и согласии, а писать на межэтническую тему стали меньше. Наверное, потому, что она не рекламоёмкая. Вот почему Гильдия межэтнической журналистики инициировала «Госпрограмму по реализации стратегии госнацполитики». И поскольку есть большое желание привлечь к этому делу молодежь, мы в уже 15 вузах страны внедрили тему межэтнической подготовки кадров. Действуют Школы межэтнической журналистики, в том числе в Воронежском государственном университете».

Действительно, на журфаке ВГУ успешно работает такая Школа, и мы нашли возможность включения спецкурса в программу бакалавриата. Оказалось, студентам интересно заниматься межэтнической журналистикой, и они в своих публикациях поднимают серьезные проблемы. Неслучайно наши ребята ежегодно выигрывают конкурсы, организуемые Гильдией.

На международном мастер-классе «Единая культура и традиции журналистов: перспективы сотрудничества» встретились делегации Союзов журналистов регионов России и представители Монго-

лии. Член Союза журналистов Монголии, доктор исторических наук Монгольского Национального университета Зулкафил Маулет, заявил о готовности принять на обучение на факультет журналистики студентов из Бурятии, Калмыкии, Якутии и Тувы на родных языках.

Качество контента, оперативность и правдивость — вот залог успешности МИА «Россия сегодня» (новостного агентства и радио с мультимедийными информационными хабами в десятках стран). Sputnik, включающий сайты, аналоговое и цифровое радиовещание, мобильные приложения и страницы в социальных сетях, стал признанным лидером по популярности у целевой аудитории, а его новостные ленты круглосуточно выходят на 31 языке более чем в 90 городах мира.

Некоторые СМИ объединяются в холдинги, считая такой вариант функционирования эффективнее и экономнее. Такова позиция министра внутренней политики и массовых коммуникаций Калужской области Олега Калугина: «СМИ не умирают. Просто идет процесс реформатизации. Мелким компаниям нужно объединяться в холдинги, и есть лидеры, к которым и нужно присоединяться. Представители прессы должны понимать, что в холдинге они как раз получают всё то, что не получали на своих отдельных площадках». Его поддержал директор ТК «Губерния» из Самары Юрий Проничев, а генеральный директор ТК «Первый Тульский» Вячеслав Терехин рассказал о неудачном трехлетней давности опыте объединения, так что затем пришлось выделять две структуры: телевидение и интернет, и отдельно — районные и областная газета.

Огромный интерес вызвал мастер-класс главного редактора газеты «Московский комсомолец» Павла Гусева.

Во время перестройки было образовано акционерное общество, в которое вошли все сотрудники «МК».

— Позже, все акции были переведены на одного человека. Им стал я. Почему вдруг журналисты решили отдать мне свои акции? Я пообещал социальные гарантии, и их я выполняю до сих пор. Среди

Об авторе: Тулунов Владимир Васильевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой рекламы и дизайна, декан факультета журналистики Воронежского государственного университета.

них — бесплатные медицинские страховки, оплата лечения. Самая большая сумма, которую наша редакция выделила одной из сотрудниц, была 120 тысяч долларов для операции в США. У нас также есть ресторан, где сотрудники «Московского комсомольца» питаются по ценам советского времени, бесплатная парикмахерская и медицинский кабинет, — рассказал Павел Гусев.

Штат «МК» составляет 1400 сотрудников. Газета имеет представительства в 74 регионах страны и 15 странах мира. У «МК» есть собственное рекламное агентство, налажена система распространения, создана современная типография, которая, кстати, загружена сторонними заказами по нормальным ценам. Нашу газету мы печатаем на других предприятиях, и за счет большого тиража, это обходится гораздо дешевле, — объяснил главный редактор.

Сегодня сайт «МК» один из самых читаемых сайтов в стране, и доход от рекламы интернет-версии впервые превысил прибыль от печатной.

Основной аудиторией бумажной версии газеты является поколение 40+. Люди этого возраста ходят на выборы, а значит, в такой аудитории заинтересованы различные политические партии. «Думаю, что срок печатной прессы еще не пришел, еще лет 10–15 будем работать. К тому же посмотрите на западные тенденции. В Америке спад интереса к печатным изданиям пропал. Потому что многие поняли, что информация в Интернете зачастую необъективна, — заключил Павел Гусев.

«Телевидение против YouTube» — так называлась дискуссия, в которой приняли участие ведущий программы «Время покажет» на «Первом канале» Анатолий Кузичев и предприниматель и YouTube-блогер Мария Про.

Да, ТВ и YouTube могут транслировать один видеоконтент, но сравнивать эти платформы вряд ли правильно. У них и аудитории разные, и уровни доходов-расходов, ведь в той же программе «Время покажет» задействовано более 100 профессионалов. А на канале Марии самое большое количество сотрудников — пять человек. Перенос же общественно-политических программ из ТВ-формата в формат YouTube вообще физически невозможен.

«Если бы у канала “Культура” не было государственного финансирования, канала могло бы в принципе не быть. Потому что рейтинги дают, увы, криминальные истории...», — сказал, завершая встречу, Анатолий Кузичев.

Автор выступил и на круглом столе «Журналистское образование: новые вызовы цифровой эпохи», собравшем деканов факультетов журналистики ведущих вузов страны. Накануне форму в «Журналисте» медиатрениер и главный редактор международного мультимедийного проекта *Russia Beyond* Всеволод Пуля опубликовал свои соображения о том, каким должно быть идеальное образование для журналистов. Он, в частности, рекомендовал включать в учебные планы дисциплины по экономике медиа и маркетингу, хотя — и об этом сказали все участники круглого стола — таковые читаются по меньшей мере уже лет двадцать. Как и предметы, посвященные «мультимедийным форматам, способам организации информации, вариантам группировки или дробления фактов и сюжетов, оформления сайтов». Правда, и здесь необходимо соблюдать меру, чтобы знания о том, «как работают поисковые роботы, зачем страницам нужно заполнять *тег description*, как узнать, какие системы аналитики установлены на сайте конкурента, как настроить *Google Accelerated Mobile Pages* и прочие вещи», не затмили умения грамотно и по делу писать, навыки литературного редактирования и творческого мышления. Чтобы не заворачивать в красивый фантик пустое содержание. А без базовых знаний никакой смартфон не поможет (см. басню «Мартышка и очки»).

Нынешние первокурсники в техническом плане более подготовлены, чем те, кто учился еще несколько лет назад, и на журфаки они поступают, чтобы получить большой объем знаний в гуманитарной сфере, повысить свой интеллектуальный уровень, осознать миссию профессии, освоить методику и технологию журналистского труда. Интеллектуально обогащенный выпускник легко интегрируется в медиасообщество, быстро приобретает новые необходимые навыки и вскоре начинает успешно работать в любом предложенном ему медиаформате.

На закрытии было сообщено, что Форум посетили 1200 гостей: журналистов, общественных деятелей, политиков и предпринимателей практически из всех регионов страны, иностранных представителей из Болгарии, Южной Кореи, Сербии, Китая, Польши, Кипра и других стран. Было проведено 150 мероприятий, подписано множество соглашений о сотрудничестве, представлены уникальные проекты. Впервые в истории в работе Форума приняли участие представители руководящего состава Международной федерации журналистов.

Риф Ахмадиев

Портретный очерк в писательской публицистике Мустая Карима

Аннотация: настоящая статья — первое исследование, посвященное публицистике Мустая Карима. В очерковом творчестве М. Карима вопросы современности переплетаются с проблемами вечного. Главное — это обращение к нравственному началу в человеке.

Ключевые слова: публицистика, проблема, очерк, Мустай Карим, творческий портрет, конвергенция, синтез, актуальность.

Творческий диапазон Мустая Карима¹ широк и многогранен. Он определяется жанрами всех трех родов литературы. Писатель был не чужд и публицистики, которая отличается богатством тематики и разнообразием жанров. Сегодня публицистическое наследие автора составляют портретный и путевой очерки, статьи, репортажи, эссе, литературные обозрения и др. Их изучение дает многое для понимания природы художественного мастерства, творческой эволюции классика башкирской литературы.

Первые журналистские публикации М. Карима относятся к предвоенным годам, затем, будучи сотрудником фронтовых газет «Советский воин», «За честь Родины», он ищет статьи о подвигах советских солдат на полях сражений. Чувством гордости и восхищением проникнуты его строки о воинах прославленной 112-й Башкирской кавалерийской дивизии. Моменты встреч с солдатами между боями, впечатления, полученные от общения с ними, описываются автором во фронтовых зарисовках «Путь в Будапешт», «Парни Нижней Волги», «Имя героя» и др. Завершает перечень произведений

¹ Мустай Карим (Мустава Сафич Каримов) — башкирский и советский писатель, автор широко известных поэтических произведений «Я — Россиянин», «Третий день идет...», «Европа-Азия», повестей «Радость нашего дома», «Долгое-долгое детство», трагедий «В ночь лунного затмения», «Салават», «Не бросай огонь, Прометей!» и др. Народный поэт Башкортостана, Лауреат Государственной премии РСФСР им. К. С. Станиславского, лауреат Государственной премии СССР, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического труда. В этом году отмечается столетие классика башкирской литературы.

Об авторе: Ахмадиев Риф Бариевич — доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Башкирского государственного университета

фронтовой публицистики М. Карима написанный совместно с Н. Атаровым репортаж «Встреча», в котором воссоздается картина встречи советских и американских войск возле города Линц (Австрия) в мае 1945 года.

Послевоенная публицистика писателя расширяет идейно-тематические и жанровые горизонты. Продолжает доминировать в ней военная тематика. Тому подтверждение — очерк «Дерево Победы». Историческое прошлое и современность башкирского народа, дружба и боевое содружество русских и башкир показаны на примере сражений Отечественной войны 1812 года.

В 1960-е годы М. Карим по итогам поездок в Болгарию и Вьетнам написал путевые очерки «В стране утренних улыбок» и «Вьетнам недалеко...» Последний очерк, посвященный культуре и быту народов Вьетнама, был издан в Уфе отдельной книгой.

К концу 1970-х у писателя накопилось немало публицистического материала, который был издан, а затем переиздан в Москве отдельным сборником — «Притча о трех братьях» (М., 1977; 1988). Назовем и уфимские издания книги «Мгновения жизни» (1992; 2002).

Писательская публицистика представляет чрезвычайно многообразное явление. Это объясняется тем, что «писатель может выступать в мире *mass media* не обязательно как публицист-художник, а как аналитик-журналист, <...> и это вовсе не унижает его авторского достоинства» [12, с. 211]. Писательские публицистические произведения как переходное явление представляют собой синтез публицистического и художественного способов мышления, и «... элементы художественного детерминированы в них самой логикой развертывания публицистического дискурса» [2, с. 117–122].

Мустаю Кариму ближе всего был портретный очерк. Достаточно перечислить имена героев его произведений — А. Твардовского, К. Симонова, К. Кулиева, М. Дудина, Р. Гамзатова, М. Турсун-заде, С. Агиша, Г. Ахметшина, Х. Туфана, Р. Бикбаева и др., чтобы оценить вклад писателя в портретную публицистику советского времени. Карим выбирал тех людей, в которых присутствовал нравственный стержень. Создавая портреты талантливых личностей, автор старался раскрывать личности творцов. Его точные характеристики становились образно-

смысловыми центрами изображения, преобразования фактов и ситуаций в художественно-публицистический образ.

Александр Твардовский: «Он из тех подлинных интеллигентов из народа, у кого всё от земли, и немного — от неба. И всё, всё для земли» («Его присутствие»).

Константин Симонов: «Константин Симонов, как непреходящее достояние отечества, принадлежит не только литературе. Он принадлежит эпохе, принадлежит всем» («Воспоминания у кромки моря»).

Мухтар Ауэзов: «Непреходящим уроком для меня — его младшего собрата было то, что сделал он своим талантом, своим гением» («О Мухтаре Ауэзове»).

Хасан Туфан: «Величие поэта измеряется ценностью его творений. Это — первая мера. Потому каждый талантливый поэт — явление в литературе» («О Хасане Туфане»).

Рашит Нигматин: «Его творчество стало неотъемлемой частью духовного богатства башкирского народа. Поэтому народ его назвал своим — народным» («О Рашите Нигматине»).

Расул Гамзатов: «Творчество Расула Гамзатова завидно самобытное, подлинно национальное по своему облику и складу. Его корни уходят в глубь духовного бытия горцев — прежнего и современного» («О Расуле Гамзатове»).

Кайсын Кулиев: «Он щедро дарит и мудрость своей земли, добро и свет своей души, удивляя и восхищая людей» («О Кайсыне Кулиеве»).

Ради достижения желаемого творческого эффекта М. Карим акцентирует свое внимание не только на самом герое произведения, но и на системе образов-понятий, предметном описании природы, репликах персонажей, детализации ситуаций. В том числе инкрустируя образы такими конкретными и абстрактными понятиями, как времена года, состояние погоды, пейзаж, исповедь, монологи и диалоги, предметная деталь. Все это придает героям дополнительные качества, насыщает их портреты психологическими нюансами, линиями, штрихами.

В очерке «Кайсын Кулиев» автор отмечает щедрость души своего друга и щедрость его поэзии: «Там я и вижу его, зачарованного, у бурного Чегемского водопада. Он с детства любовался этой летящей вниз радугой, слушал её гул. Сейчас ему сорок восемь лет, я вижу в его глазах детское удивление и восхищение, словно всё это видит первый раз...»

У героя Чегемский водопад — главное богатство его самого, его родного народа. Вдруг Кайсын, отмечает М. Карим, заглушая шум водопада, кричит:

— Дарю тебе этот водопад!

Я невпопад шучу:

— Заверни!

— Не смей шутить! Дарю тебе его, как стих Пушкина, как музыку Бетховена, как песни Робертино Лоретти. Бери сердцем, уноси в нём эту могучую красоту моей земли.

Автор, продолжая свой рассказ, откровенничает: «Неожиданно для себя я начинаю чувствовать, что гул водопада прорывается в моё сердце, он становится моим, моими становятся горы, легкокрылые белые

облака над нами. Вот так просто взял да подарил он». «В этом весь Кайсын Кулиев, сущность его поэзии».

Так Чегемская картина становится в руках М. Карима тем элементом, посредством которого подчеркивается глубина характера человека.

М. Карим умеет обыграть деталь таким образом, что она становится опорной, сердцевинной как логической, так художественной концепции его произведения. Образы, созданные им, осязаемы, они предстают как живые. Автор находит, отмечает и подчеркивает характерную, оригинальную особенность речи, жеста, лица, улыбки, игры глаз и т. д. Речевое и эмоциональное состояние героя проявляется в каждом очерке, но по-своему индивидуально и своеобразно. Например, характеризуя смех Р. Гамзатова, автор как бы предвидит долголетие аварского поэта: «...Расул Гамзатов умеет улыбаться, смеяться, хохотать. Но он никогда не хихикает. Кто умеет по-настоящему смеяться, тот долго живёт». Другой пример: «Он (калмыцкий поэт Давид Кугультинов. — Р. А.) всегда сосредоточен, и его огромный лоб мне кажется полем боя, где постоянно идет сражение за главную высоту Правды, твоей Правды, поэзия Кугультинова».

При создании творческих портретов М. Карим часто обращается к природным явлениям, используя их в качестве обобщающего образа-детали. Он умеет использовать, в частности, образы дождя и снега. Дождь для поэта — как благотворное, очищающее начало, давнее знание о себе еще во фронтовой лирике (стихотворение «Дождь»). А белый снег помогает раскрыть душу фронтовика-героя: «Тяжелый снег идёт три дня, и рана ноет у меня». Когда М. Карим пишет о товарище по перу Абдижамиле Нурпеисове, казахском прозаике, то представляет его — человека упорного труда — в образе белого снега.

Очерк «Его присутствие», который посвящён выдающемуся советскому поэту, общественному деятелю, редактору журнала «Новый мир» Александру Твардовскому, начинается с небольшого зачина: «Прилетев из Уфы в Москву, на пути из аэропорта Домодедово каждый раз переезжаю реку Пахру... До декабря 1971 года (времени смерти А. Твардовского. — Р. А.) я и внимания не обращал на нее. Река как река — текущая вода. Проскочил по мосту на машине и забыл».

Через несколько строк замечается, что настроение повествователя меняется, и он признается в следующем: «Когда издали вижу дощечку с надписью «р. Пахра», по сердцу проходит дрожь. Колючая дрожь. Наступает она от охватившего меня чувства вины. И так повторяется уже седьмой год...»

Тут же М. Карим задается таким вопросом: «Причем тут река Пахра, скажут мне, с чего начал ты свои записки?». На вопрос, обращенный, скорее всего, самому себе, М. Карим отвечает: «Вдали отсюда, в приднепровских краях, он обрел свои первые надежды, тут, в Подмосковье, оставил последние заветы. Потому и те, и эти пределы священны для тех, кто верует в поэзию».

В дальнейшем р. Пахра, обозначающая название одного из гидронимов, обретает в воображении

писателя особый смысл — значение художественного образа-детали, который обозначает психологическое состояние героя, что вызвано необходимостью исповедоваться перед Твардовским, перед его талантом, перед его памятью. Это породило своеобразный стиль повествования: чередование поставленных вопросов и ответов на них (может и не категоричных), что обретает в ходе развития авторской мысли форму внутреннего монолога.

Среди множества вопросов для М. Карима в данном случае главный, по его определению, такой: «Кем же приходится мне он — Александр Твардовский?!». Последует ответ, но он традиционный, веет от него некоторым равнодушием, начинает походить на анкетный: «Он не был ни моим прямым наставником, ни сверстником, ни другом на равных. По отношению ко мне он и особой опеки не проявлял. Если в «Новом мире» печатал мои стихи, на то он был редактором, если в пору моей тяжелой болезни в 1947 году принимал участие в устройстве меня на лечение, на то он был тогда председателем комиссии Союза писателей СССР по работе с молодыми писателями. Для него то и другое явилось делом естественным, почти служебным...»

Но вот — главный ответ:

«Он был для меня Александром Твардовским. Около четырех десятилетий я просто (может, не так уж просто) живу в атмосфере его творчества и более двадцати лет в атмосфере его личности, общаясь с ним в тех ситуациях и обстоятельствах, в которых сводили нас естественный ход жизни, наши литературные заботы, общественные обязанности. Что же имею я в виду, говоря об атмосфере Твардовского? Это, прежде всего, его кредо:

*Горевать — горделиво,
Не клонясь головой,
Ликовать не хвастливо
В час победы самой.*

Так река Пахра и мост через нее станут для М. Карима тем мостом, которые в метафорическом плане создают условия для вхождения в суть проблемы — воссоздать величественный образ поэта как человека и как творца.

В очерке, посвященном К. Симонову («Воспоминания у кромки моря»), есть такой забавный эпизод. На одном из банкетов, организованном в честь советских и зарубежных писателей, К. Симонов знакомит присутствующих с Мустаем Каримом, делая такое заявление: «он, как я, комбайн: поэт, драматург, прозаик».

В ответ М. Карим скажет: «Я не комбайн, а, пожалуй, гусь, который немного ходит, немного плавает, немного летает...»

В данном случае слово «комбайн» в метафорическом высказывании приобретает обобщающий смысл, становится образной деталью, олицетворяющей многогранность таланта К. Симонова. А его слова, обращенные к М. Кариму, с некоторым авансом, подтвердились полностью — спустя годы адресат утвердил себя писателем многогранным, с широким спектром творческих возможностей: многотемным, многожанровым, многостилевым.

Исповедоваться М. Кариму, как он сам признается, дали толчок дела и поступки А. Твардовского и К. Симонова, смысл и значение которых распознал он по истечении значительного времени, после напряженных размышлений, долгих сомнений по поводу собственной ответной реакции на добродетели друзей. Тем самым открыл новое, незнакомое для читателя, грани в характере своих героев.

В монологе, обращенном одновременно к К. Симонову и читателям, есть исповедальные слова: «Ты (обращение их к самому себе. — Р. А.), пишущий воспоминания, должен более или менее точно определить для себя, кем приходится тебе тот, о ком ты решился говорить и осмелился судить, — друг, приятель, товарищ или просто Человек, который прошел по этой земле, наделив тебя своей светящейся частицей, который для тебя «весь не умер». Ему я мало отвечал делом. Но в том у меня нет угрызений. Ибо у нас не равны были силы и возможности. Я всегда был ему преданно благодарен. И это немалый ответ».

Исповедь дает М. Кариму возможность для поисков необходимых штрихов к портрету героя, через них — передачи внутреннего мира, состояния его души. «Я смотрю на маловыразительные, тусклые фотографии тех дней, — пишет М. Карим. — Вот он (К. Симонов. — Р. А.) сидит... в сирийских песках... Перед ним пустая арена, где, целую вечность тому назад, бушевали страсти, лилась кровь. Его голова склонена вниз. Когда весело, голову так не опускают. О чем он думает — о времени или о варварах? Которое из них страшнее — варвары или время?» Сцена прощания с К. Симоновым в Стамбульском аэропорту описана так: «Он уехал раньше нас. Была у него какая-то тревожная забота. В глубине его глаз затаилась тоска. Как мне померещилось, что по щеке его покатила слеза. Конечно, только померещилось. Но у меня сердце защемило: не случилось бы неправедного. К счастью, ничего худого не стряслось. Но глаза его из памяти не ушли...»

Очерк «Книга Сагита Агиша» можно было бы назвать «Открытая книга Сагита Агиша». Каков был этот писатель в жизни, таково было его творчество, отмечает автор, — открытое, искреннее, умное. В данном случае автор нарисовал обаятельный образ своего старшего друга — известного писателя, мастера рассказа, автора первых башкирских романов.

Автор построил повествование в форме диалога, тем самым вызвав своего собеседника к открытости, непосредственности. Беседа берет старт отнюдь не спонтанно, а начинается с упоминания большого для С. Агиша вопроса, суть которого он сам и изложит: «Вот говорят, что слово у меня во рту не держится...». И выслушав каждый раз несколько шуточных откликов со стороны собеседника, начинал вести разговор к окончанию: «Погоди, тут не до шуток. Хоть во рту слово не держится, но в душе-то секрет удержать могу».

Со своей стороны, автор повествования признается в том, что он немало своих секретов поведал Сагит-агаю. И ни один из них, как образно выражаются, рога нарезав и отрастив хвост, к нему обратно не прибрехал.

М. Карим тепло, с благодарностью вспоминает время, проведенное рядом с Агишом. В последние двадцать пять лет его жизни они делились своими тревогами, огорчениями. «Когда я, доверившись, делился с ним сокровенным, он стал мне особенно близок, как-то особенно свой, — значит, умный был, — вспоминает М. Карим. — Говорить он и впрямь был мастер, на язык скор и остер. Слушая его рассказы, и забавные, и трагические, мы вздыхали: «Эх, записывать бы надо, записывать!» И выражает горькое сожаление о том, что не собрали все истории, что сыпались из уст С. Агиша в последние десятилетия, можно было бы составить и издать уникальный том с не менее уникальным названием — «Книга Сагита Агиша».

«Еще до того, как познакомиться с ним самим, я с увлечением читал занимательные, очень смешные его рассказы. Он был «мой писатель». Автор очерка высоко ценил произведения своего старшего товарища — объемные рассказы, повести, романы. Но редко говорил о них, тем более не давал оценок, хотя выслушивал немало его критики в свой адрес, в частности, по поводу драмы «Одинокая береза».

Автор очерка подходит неординарно к написанию портрета своего героя: описывая путешествия, поездки, встречи, он обращает свой взор лишь на значительные эпизоды происходящего с его участием или на его глазах. Осмыслив случившееся, автор делает выводы, добавляет штрихи к портрету писателя. Так случилось и во время поездки в Оренбургский край, на его родину. Вот как это происходило: «Примерно через час в доме, где мы остановились, снова стал собираться народ. Не надеясь заполучить гостей в собственное застолье, каждый шел со своим угощением. Кто нес отваренное в казане мясо, кто пышный каравай, кто катышек масла, кто медовуху, теперь уже всего и не помню... За два-три часа мы отведали яства всего аула, ощутили его радушие и уважение».

Такое празднество не могло не стать для автора поводом для выражения восхищения увиденным: «Так вот откуда шла душевная щедрость и широта Сагита Агиша! Вот из какого духовного мира пришли в нашу литературу его герои — Махмутов, старик Ташбулат, солдат Фатхи, Зульхиза...»

Основная идея очерка «Книга Сагита Агиша» выражена в следующих словах автора: «... кроме книг, он еще оставил нам образец писания, для которого творчество и совесть неразделимы». Это одно из главных качеств в характере С. Агиша, главный штрих в его портрете. Одним словом, все, о чем рассказывает автор в своем очерке, дополняет друг друга, служит выполнению поставленной цели.

Хорошее знание автором жизни и творчества Расула Гамзатова дает ему основание сказать: «По его стихам можно почувствовать не только тончайшие движения его души, но даже воссоздать внешний облик поэта. Такой силой обладает искренность и достоверность его поэзии», — и сделать вывод: «... талант и мастерство Расула Гамзатова особенно засверкали

еще потому, что он живую водой современности окропил так называемые «вечные темы»: любовь, дружбу, долг, верность...»

Его рано коснулось крыло Пегаса, пробудив дар стихотворца. Расул пошел по стопам своего отца, народного поэта Дагестана Гамзата Цадасы. С тех пор началась работа души и сердца, работа, подчинившая себе всю его сущность. Труд не дает покоя и передышки и за «шумным застольем, и за тихой дружеской беседой, и в мимолетном разговоре, и в ответе на случайный вопрос. Покой таланта — понятие, для него неприемлемое. Он поет как соловей, не обнаруживая своего местонахождения и, разумеется, не ведя счета своим песням».

Получилось так, что в интерпретации публициста образ Расула Гамзатова обрастает новым, доселе неизвестным качеством — соловья-труженика.

У Расула Гамзатова есть такие строки, где пока что молодой поэт задается вопросом:

*Скажи, народ мой, правды не тая,
В моих стихах жива ль душа твоя?*

Таковыми стихами Расул Гамзатов обратился к родному аварскому народу, и тот принял его. Об этом рассуждает М. Карим: «Творчество Расула Гамзатова самобытное, подлинно национальное по своему облику и складу. Его корни уходят в глубь духовного бытия горцев — прежнего и современного. От сложных систем образов до незначительных деталей в нем присутствуют ярко национальное мышление и эстетическое воззрение».

Как признается автор очерка, ему иногда «кажется, что поэт с жадностью и азартом открывает свой народ для себя, познавая его самозабвенно, любит его им». И высказывает свое личное, сокровенное: «Со своими книгами и всем своим человеческим существом вошел Расул в мой мир, в сердца моих соотечественников».

Стремителен и убедителен был взлет Расула Гамзатова в поэзии. Чем упорнее он продолжал свое восхождение, чем глубже проникал в гущу народной жизни, отмечает М. Карим, тем ближе становились великие и малые заботы страны и мира, тем задумчивее и мудрее звучал его голос. И ему любая высота не была препятствием.

Вместе с тем вершины завоеванной Расулом Гамзатовым высоты — это открытие перед всем миром своего народа, восхищение и художественное воссоздание его характера.

Это и есть главное качество портрета гражданина и поэта Расула Гамзатова — явления в аварской, российской и всей мировой литературе.

Статью «Дудин мне говорил...» М. Карим написал, по его собственному признанию, «по случаю шестидесятилетия поэта». Шестдесят лет поэт живет, прочно, основательно, сорок лет работает со словом так же, как живет. Автор вначале касается биографических частности, но основное внимание уделяет единству личности и творчества М. Дудина.

*Волне, баркасу и веслу —
Отчаянному ремеслу —
Не изменю вовек, —*

Так пишет поэт, выражая свою верность морю. Эти строки были созвучны сущности человеческой сущности Дудина, для которой верность — высший принцип, высшая добродетель.

«Первое чувство, которое он проявил ко мне, как я понял, было сострадание, — пишет М. Карим. Тогда, в 1947 году, о моей болезни знали многие, в том числе Дудин». Посещение Башкирии сам поэт объяснит желанием проявить сострадание, сочувствие больному другу. Вскоре, неожиданно, с болью скажет: «До приезда сюда я закончил новую поэму о войне, о нас <...> В моей поэме ты погибашь...»

Только спустя десятки лет тот поймет, что Дудин приехал не просто переводить его книгу стихов — «Цветы на камне» — первую на русском языке, но и подставить свое плечо под его сильно покосившуюся жизнь. Он выделяет самое главное, на его взгляд, в жизни, творчестве и нравственных убеждениях Михаила Дудина: «это жить, творить, совершать поступки не назло злу, а во славу добра... Я крайне редко встречал людей, умеющих дружить так непринужденно, сдержанно и талантливо, как Михаил Дудин...»

Первое Всесоюзное совещание молодых писателей 1947 года М. Карим считает своим, «царскосельским» лицеем, где он впервые встречал Михаила Дудина. На том семинаре он почувствовал себя как на празднике Таланта. Всем на радость и удивление прозвучали стихи Эмина, Тушновой, Гамзатова и других поэтов. Здесь же прозвучал высокий голос Михаила Дудина. Сначала он прочел стихотворения «Мать» и «Хозяйка», ставшие потом широко известными: «меня удивил и поразил дар поэта создавать напряжение мысли и чувств: обращаясь к простым, даже обыденным вещам и фактам. Я не только слышал и ощущал стихи, но и видел их. Это же прекрасно, когда видишь стихи!» В конце он прочитал шедевр своей фронтовой лирики «Соловей». У Мустая Карима, немало повидавшего за войну солдата, как сам он признается, в горле застрял комок боли, когда простонали такие строки:

*Нелепа смерть. Она глупа. Тем боле
Когда он, руки разбросав свои,
Сказал: «Ребята, напишите Поле:
У нас сегодня пели соловьи».*

*И сразу канул в омут тишины
Трехсотпятидесятый день войны.*

Чем больше лет проходит, тем беспокойнее, вдумчивее становится взгляд поэта на мир, — отмечает автор очерка. Дудин становится все более ярким приверженцем той истины, что мало веровать в жизнь, надобно отстаивать ту веру... Влюблен он в этот мир. Оттого — его тревога, боль, решимость.

В дружбе М. Дудин ищет духовную опору, веру, праздник. В то же время для него друг без его родины, поэзия без запаха Земли не существует: он слышит поэта по его земле, землю постигает по поэту.

М. Карим, как сам говорит, каждый раз, перелистывая книги М. Дудина, убеждается в том, что его стихи рождены по зову — по зову мгновения или

судьбы. Тут все, по определению автора очерка, основательно и прочно. «От молодости сохранилось легкоранимое отзывчивое сердце, от бойца переднего края — твердая воля, а раздольную натуру он унаследовал от далеких своих предков — озорных и разудалых скоморохов Дудиных».

Очерк об узбекском поэте Шукрулло М. Карим начинается с упоминания его книги «Опора» на русском языке. ««Опора» — не итоговая и не очередная книга поэта, — замечает автор строк, — она его новая книга, к ней он пришел через опыт, через отображения и потери тех лет, о которых я не мог не вспомнить». Книга «Опора» — хороший повод для ведения разговора о поэзии Шукрулло, да и литературном творчестве, в т. ч. о переводе. По словам М. Карима, не ровен был путь Шукрулло в поэзии. Имя узбекского поэта довольно рано доходило до слуха любителей поэзии и за пределами его родной земли. После Первого Всесоюзного совещания молодых писателей его стихи стали переводиться на русский язык. Но порой бледнел столь блестящий в оригинале стих, исчезал национальный колорит, затушевывались тонкая ирония и благородное лукавство, метафоричность смысла. М. Карим, хорошо знакомый со стихами поэта на языке оригинала и языке перевода, видел причину такого негатива не только в издержках перевода. Он пишет: «Случалось, и сам поэт не всегда был ровен в голосе, разборчив в выборе песен. А в целом большой своеобразный поэт Шукрулло, кого ни с кем спутать нельзя и никем заменить невозможно, существует давно».

Далее М. Карим делится своими мыслями относительно перевода и его проблем, которые имеют практическую значимость на будущее и для всех без исключения литератур. Ценным является его наблюдения о взаимоотношениях двух способов в практике перевода — буквального и вольного. М. Карим считает недопустимым ни один из указанных способов перевода. «Каждая крайность по-своему разрушает живую ткань стиха. Но эти крайности менее страшны, чем приблизительность. Приблизительность убивает наповал».

Благодаря отменному переводу Наумом Гребневым, Риммой Казаковой, Юлией Нейман, Олегом Дмитриевым стихотворений, вошедших в сборник «Опора», эта новая книга стала заметным явлением не только в творчестве самого поэта, но и во всей нашей многонациональной поэзии. В ней доминируют зрелость разума и сердца, достигнутая и прожитыми годами, и пережитым временем.

«Рождение стиха — это не только открытие мира, но и его обновление, хоть и маленькое, а обновление. Вот этот процесс обновления, через постоянную переоценку себя и своих взаимоотношений с жизнью, составляет, на мой взгляд, нравственную основу творчества Шукрулло последних лет», — заключает свое повествование публицист.

В некоторых сочинениях о поэтах-современниках М. Карим приводит в качестве эпиграфа к повествованию отрывки из произведений этих мастеров слова, будущих героев очерка. Так получилось в очер-

ке «О Расуле Гамзатове», «Мудрое сердце» (М. Рыльский), «Воспоминания у кромки моря» (К. Симонов), «О Шукрулло» и др. Рассказ о «возводящем мост» Мирзо Турсун-заде предварялся таким эпиграфом:

*Собеседник орлов,
Ты всходил на гряды,
На ладони держа
Молодую звезду.*

В образе этого поэта, собеседника орлов, несущего на протянутой руке яркую звезду новой таджикской литературы, он представляет Мирзо Турсун-заде. Человека, чье слово и имя к тому времени стали частью общих духовных завоеваний народов нашей страны. Автор очерка уподобляет приход М. Турсун-заде в литературу, его сочную поэзию отсвету далекой молнии.

«Поэт будто шёл к нам не прямо из своей Гиссарской долины, — пишет М. Карим, — а сперва совершил многотысячный и многовековой путь назад, в глубь Востока, потом, снова одолев Гималаи, повернул на Запад. И он, вместивший в своем сердце таджикскую радость и индийскую печаль, достиг других, иноязычных пределов». Поэт хорошо знает, что

*Плач бывает суров,
Плач бывает жесток,
Но никто так не плачет,
Как плачет Восток.*

Юное, восходящее счастье нового Востока и невыплаканные слезы старого Востока стали сутью творчества выдающегося поэта, считает Мустафа Сафич.

Автор размышляет: «Когда я зачарованно слушаю шелест листьев дерева поэзии, выращенного МирзоТурсун-заде, то непременно ощущаю, что корни его находятся в Каратаге, на Памире — земле его отцов. Этим только можно объяснить всенародную известность имени и творчества поэта на его родине, ту любовь и почести, которыми окружена его личность».

Вместе с тем счастливую творческую судьбу таджикского поэта автор строк обосновывает тем, что любовь соотечественников к нему перешла в признание другими народами.

Являясь поэтом таджикско-персидского языка, трудно сравниваться с великими Рудаки, Саади, Хайймом, Хафизом — этими титанами, которые проникли в тайны человеческой души, постигли природу страстей, познали глубины разума. Но нель-

зя быть поэтом вообще, не оставаясь самим собой.

М. Карим утверждает, что М. Турсун-заде не стал эпигоном великих поэтов Востока и не вышел на неравный бой с ними, а стал великолепным и отважным связистом между двумя поэтическими эпохами: «От берега прошлого к берегу будущего он не пустился вплавь, даже не на ладье понесся, а медленно и уверенно пошел по мосту, сам же его выдвигая впереди себя». И далее: «Проникновение в насущные проблемы современности, глубокая вера в нравственные и эстетические идеи, идейные принципы своего времени — вот что помогло и помогает МирзоТурсун-заде творчески освоить поэтическое наследие своих гениальных предшественников, бережно, по-хозяйски распорядиться им». Лирика М. Турсун-заде убеждает своей эпической достоверностью — в такой поэзии не бывает надрыва чувств, суетливости мыслей. Ей присуще неопределенное напряженное спокойствие. Но внешняя сдержанность, неторопливость внутреннего взора поэта, не столько открытость, а обнаженность его сочувствующего, страдающего сердца».

Обзор портретных очерков Мустая Карима свидетельствует о том, что эти произведения составляют значительный пласт в публицистическом творчестве писателя. Автора притягивают творческие личности. В поле его зрения находятся насущные вопросы современности, в том числе проблемы преемственности в развитии национальных литератур, их взаимодействия, подготовки молодой литературной смены. Автора не могут не волновать проблемы современного художественного перевода, в первую очередь, перевод произведений писателей национальных литератур на русский язык.

г. Уфа

Литература

1. Полонский А. В. Публицистика как особый вид творческой деятельности / А. В. Полонский // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2008. — № 1. — С. 56–61.
2. Каминский П. П. Принципы исследования публицистики на современном этапе / П. П. Каминский // Вестник Томского гос. ун-та. Серия Филология, 2007. — № 1. — С. 117–122.

Мира Гукасова

Персонализация в СМИ и принципы феноменологии медийного пространства

Аннотация: современное медиaprостранство невозможно представить без авторитетной личности, обладающей яркой персонализацией. Данная статья, используя феноменологический подход, иллюстрирует проявление персонализации в журналистике.

Ключевые слова: атрибутика личности, интенциональность, основа персонализма, персонализации в медиа, социокультурная проблема, трансценденция, феноменология духа.

Говоря о персонализации в медиа и имманентности внутреннего мира общественно значимой персоны, нужно подчеркнуть, что ее созидательная деятельность способствует развитию человеческого прогресса. Покажем, как в процессе коммуникации журналистка, в данном случае Т. П. Немчинова, расширяет смысловые границы публицистического текста, вовлекая и читателя в решение важных социокультурных задач. Необходимо отметить, что Т. Немчинова одна из первых на Кубани ярко представила величественную красоту — природную и литературную (языковую) — Крыма. Причем сделала она это до известных политических событий на Украине. Например, журналистка заостряет внимание на табличке, гласящей «Здесь 16–18 августа 1820 г. останавливался проездом в Гурзуф великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин». Татьяна Павловна связывает «шедевры лирики великого поэта и величественную природу Крыма» через «внутреннее состояние души» молодого поэта: «Погасло дневное светило; на море синее вечерний пал туман...». Далее автор цитирует Н. В. Гоголя: «...произведения А. С. Пушкина, напитанные... ночами Крыма, имели чудную магическую силу». Восхищаясь поэтическим крымским циклом А. С. Пушкина, во главе которого — романтическая поэма «Бахчисарайский фонтан», Т. Немчинова цитирует яркий отрывок из этой поэмы, которая способна побудить даже равнодушного читателя отправиться на поклон в Крым, прикоснуться к святым местам [6, с. 22–23]. Духовная свобода автора органично связана с его даром восприимчивости классики. Персонализация способствует раскрытию проблемы преемственности в восприятии Прекрасного.

Об авторе: Гукасова Мира Михайловна, кандидат филологических наук, преподаватель факультета журналистики Кубанского государственного университета.

Современный психолог, соединяющий экзистенциальные и феноменологические установки, С. Л. Братченко, в атрибутику личности вкладывал четыре существенных качества: а) субъектность — как высший уровень психического отражения (самосознание) и регуляции (саморегуляция), как способность быть источником собственной активности, причиной поступков, способность изменять себя и мир, относительная независимость от внешних условий, способность отстаивать свое «я» перед их давлением, как суверенность и ответственность за свою жизнедеятельность; б) нравственность — как важнейший модус бытия человека, как гуманистическая основа взаимодействия человека с социальным миром; в) трансцендентность — как постоянное развитие, стремление выйти «за пределы себя», включая понятие творчества как способа бытия личности — и, как следствие, проблемность, незавершенность и противоречивость; г) неповторимость, уникальность, своеобразие каждой конкретной личности, ее внутреннего мира [2, с. 38–46]. Единство этих качеств становится основой феноменологической конкретизации исследуемого материала.

Как вытекает из вышеприведенного анализа, для понимания персонализации значимо соотношение сущности и явления в публицистическом познании. Медийное освещение личности обусловлено феноменологически. Следовательно, необходимо отметить философские положения, актуальные в данном плане. Так, И. Кант писал: лень и трусость — вот причины того, что большинство людей остаются всю жизнь несовершеннолетними. Провозглашая, что просвещение — это выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по своей вине, И. Кант имел в виду, что для просвещения требуется только свобода, и притом, по его словам, самая безобидная — во всех случаях публично пользоваться собственным умом. И тогда «почти неизбежно публика сама себя просветит» [7].

С таким феноменологическим аспектом созвучны положения М. Недонсея. Французский философ и публицист в деле персонализации человека, его личностного становления оригинально соединяет религиозные и эстетические феномены. Внимание заострено на таком искусстве, которое пронизывает человеческую жизнь вдохновением — «сокрытым Богом».

Развитие такого понимания, значимое для медиаведческого понимания персонализации, можно проследить на положениях писателя, публициста

Т. П. Немчиновой. Как она отмечает, «есть еще более интересная страница в истории поэзии, открывают которую удивительным, чудесным образом Библия и Жития святого пророка Моисея. В своем откровении они дают видение и понимание того, что является загадкой: изначально поэтическое творчество дано было в дар человеку для возвещения миру воли Божией, то есть Закона Божьего, и для искреннего благодарения человечеством Творца Вселенной — трепетными прекрасными, изящными, стихами. “И написал Моисей песнь свою в тот день и научил ей сынов Израилевых” (Вт. 32, 22: 30): по велению Божию, святой Моисей составил благодарственные стихи “Пятикнижия” (Библия–Ветхий Завет) и, являя собой пророка-поэта, в преддверии своей смерти, читал “вслух всего собрания Израильтян” свое произведение — Песню-Гимн...» [6, с. 22–27]. Таким образом, логично подчеркнуть: подлинный смысл истории поэзии и духовности вообще — это путь человеческого духа через «лес материального прогресса», летопись «пронесения высоких духовных идей сквозь формалистические открытия версификаторов». Как можно полагать, это осмысление перекликается с одним из теоретических истоков персонализации, а именно с положением Л. Ландсберга о персонализме. Личностное «я» он определяет традиционно в связи с двумя сферами: духовной и биологической. И личность, прежде чем выбрать приоритет, призвана постичь полярные «силы притяжения», испытать их воздействие. В результате же должна определиться солидарность людей, а в связи с ней — персонализация и самореализация также означают подлинное отношение между Богом и личностью.

Остановимся на следующем показательном примере. В публикации Ш. Аюбян «Долг перед Родиной» в «Новой Кубани» [1, с. 3] заслуживает внимания персона видного офицера С. К. Пуликовского. В контексте определенного общественно-политического напряжения для Сергея Константиновича, сына командарма, потомственного офицера, защитника Отчизны, вопросы безопасности государства занимают доминирующее положение, и подготовка молодежи к защите Отечества, к службе в Вооруженных силах приобретает еще большую значимость. Офицер персонализируется через особое освещение миссии защиты Отечества: «Военная служба — это тяжелый, требующий высокой отдачи труд, и сегодня он достойно вознагражден». Если в перестроечные годы «мы сетями ловили призывников, то сегодня положение в корне изменилось».

Персонализация оказывается способом медийного освещения столь значимой и динамичной проблемы, как изменение положения российского офицерства. В представлении образа офицера с 2000-х годов нарастает мотив надежности. Новая публицистическая системность персонализирует его через растущее доверие, которое он вызывает в обществе. Разумеется, с данной тенденцией взаимодействуют иные. Но и они подчеркивают перспективу позитивной персонализации — в контексте возрождения великой страны. Такие ценности, как любовь

к Родине, честь и воинский долг, были и остались непоколебимыми и священными понятиями. Брат С. Пуликовского, Алексей, героически погиб в ходе вооруженного конфликта в Чеченской Республике 14 декабря 1995 года в населенном пункте Шатой при деблокировании захваченного боевиками блокпоста 245-го мотострелкового полка. Как подчеркивает журналистка, ссылаясь на другого военачальника, генерала Г. Н. Трошева, К. Пуликовскому не составляло больших хлопот избавить сына от командировки в Чечню. Но генерал не пошел на сделку с совестью. Кубань стала родной для генерала К. Б. Пуликовского, там похоронен его старший сын Алексей. Как и все мужчины в семье Пуликовских, Сергей не нарушил военную традицию династии, он не скрывает, что имя и авторитет отца сыграли не последнюю роль в его военной, а теперь политической карьере, но он предпочитает собственным лбом пробивать дорогу.

Персонализация Сергея Пуликовского именно как способ освещения социокультурной проблемы проявляется в сохранении и продолжении офицерской династичности, принадлежности защитников государства, его безопасности. С этим связана специфичная динамика образа офицера. Ее освещение в медиа показывает систему обстоятельств, в которой на развитие личности влияют крайне контрастные условия. В данном случае актуально, что персонализация как способ освещения проблем реального статуса офицерства, их миссии и повседневного бытия отражает динамику национального самосознания: «От чувства убогости своей страны до гордости за Отчизну» [4, с. 38–39].

Проблему исторического движения человека, в субъективности которого возрождается природа и создается специфически человеческая среда — культура, персоналисты определяют как проблему трансценденции. Понятие трансценденции в персонализме многогранно. Если проследить философскую традицию его освещения, то вновь следует обратиться к феноменологии. У Э. Гуссерля понятие трансценденции выступает как интенциональность. Гуссерлевское понимание интенциональности, или направленности вовне, «выходения за пределы», включает в себя представление о тотальном всеобщем горизонте, определяемом феноменологом как круг возможных, еще не раскрытых определений предметности, и являющемся исходным пунктом исследования, некоей неосознанной предпосылкой познания.

Для персонализации как способа медийного освещения проблем существенна роль сферы бессознательного. Бессознательное представляет собой хранилище примитивных побуждений плюс эмоции и воспоминания, которые настолько угрожают сознанию, что были подавлены или вытеснены в область бессознательного. Согласно З. Фрейдю, такой неосознаваемый материал во многом определяет повседневное функционирование человека [8].

Отмеченную закономерность проиллюстрируем следующим медийным примером и его анализом. В июньском номере 2017 г. «Новой Кубани» в статье

«Симфония прощания», посвященной памяти выдающегося скульптора А. Аполлонова, в нескольких строчках автор персонализирует монументальную фигуру и манеру скульптора. В единстве явлены пластические решения, сопряженность формы и пространства, «редкое умение точно выражать и одновременно емко заострять характер».

Последняя характеристика может служить одним из ключевых положений для персонализации вообще.

У ранней композиции Аполлонова «Авель и Каин» отмечены философские реминисценции, роль которых растёт «спустя несколько десятилетий, когда многое видится по-иному. Разбросанные по залу фигуры словно исполняют какую-то сложную и безмолвную симфонию прощания». Соединив сиротливую скульптуру с музыкой, публицист называет этот симбиоз симфонией, передавая ее печальные нотки. Журналисты, пишущие о картинах художников, скульптурах скульпторов, нередко обращаются к личности, душе. У одного журналиста пейзаж или храм художника — это его глаза, это его настроение, у другого журналиста тот же храм — это душа художника. Творения художника — это он сам [5, с. 12]. Это его дух. По Г. Гегелю, в этом заключается феноменология духа, являющаяся в мастере и его действовании, которым он порождает себя самого как предмет, но еще не постиг мысли о себе. То есть в некотором роде это инстинктивная работа, «подобно тому, как пчелы строят свои ячейки» [3, с. 353–355]. Таким образом, оно определяется как абстрактная сторона деятельности духа, знающая свое содержание еще не внутри себя самой, а по его произведению, которое есть некоторая вещь. Сам мастер, дух в целом, еще не появился; он еще — внутренняя скрытая сущ-

ность, которая как целое имеется налицо лишь разделенной на деятельное самосознание и на созданный им предмет. Возвращаясь к центральному понятию гуссерлевской интенциональности сознания, то есть направленности на объект, нужно сказать, что объект не рождается без субъекта.

г. Краснодар

Литература

1. Аюбян Ш. Долг перед Родиной / Ш. Аюбян // Новая Кубань. — 2016. — 19 апр. (№ 8). — С. 3.
2. Братченко С. Л. Личностный рост и его критерии: психологические проблемы самореализации личности / С. Л. Братченко, М. Р. Миронова. — Санкт-Петербург, 1997. — С. 38–46.
3. Гегель Г. Феноменология духа / Гегель. — М.: Наука, 2000. — С. 353–355.
4. Колодиев Н. Н. Трансформация образа офицера в российской прессе периода первой и второй чеченских кампаний / Н. Н. Колодиев // Коммуникации в современном мире: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., Воронеж, 13–15 мая 2002 г. / Под ред. проф. В. В. Тулупова. — Воронеж: Факультет журналистики ВГУ. — 2002. — С. 38–39.
5. Лучинский Ю. В. Когда уходит Художник / Ю. В. Лучинский // Новая Кубань. — 2017. — 29 марта (№ 24). — С. 12.
6. Немчинова Т. П. Голос русской поэзии: путешествие в мир русской поэзии, истории / Т. П. Немчинова. — Краснодар: Советская Кубань, 2014. — С. 22–27.
7. Сенокосов Ю. Обществу граждан — гражданское просвещение / Ю. Сенокосов // Общая тетрадь. Вестник московской Школы гражданского просвещения. — Режим доступа: <http://otetrad.ru/article-1627.html> (дата обращения: 25.03.2019).
8. Фрейд З. Введение в психоанализ / З. Фрейд. — СПб.: Алетейя. — Режим доступа: <http://ruwapa.net/book/6565/> (дата обращения: 22.03.2019).

Никита Смагин

Спортивный инфотейнмент — актуальная тенденция спортивного дискурса

Аннотация: статья посвящена спортивному инфотейнменту как явлению современного спортивного новостного дискурса. На материале новостных материалов различных спортивных СМИ даются примеры использования инфотейнмента, формулируются рекомендации аудитории по повышению новостной грамотности.

Ключевые слова: инфотейнмент, спортивный дискурс, новостная грамотность.

Растущий интерес аудитории и СМИ к спортивным новостям и событиям, коммерциализация СМИ, отход от классических форматов подачи спортивных новостей создают предпосылки для развития новостной грамотности аудитории спортивных СМИ. Спортивный инфотейнмент [1], разнообразные манипулятивные подходы, используемые в новостном спортивном контенте [2, 3, 4, 5], выраженная авторская позиция и связанная с ней персонификация в современном спортивном дискурсе [6, 7] формируют специфику новостной грамотности в спортивном дискурсе, затрудняют грамотное восприятие и объективную оценку новостного контента со стороны аудитории.

Новостная грамотность является одним из векторов развития более широкого направления медиаинформационной грамотности [8]. Потребность во владении компетенциями новостной грамотности связана с тем, что новостной контент стремительно усложняется, политизируется и коммерциализируется, в результате чего всё чаще становится инструментом манипулятивного воздействия.

В рамках новостной грамотности рассматриваются такие вопросы, как правдивость и достоверность новостных сообщений, пропагандистские методы и техники манипуляции сознанием, фейковые новости и верификация источников информации, различие между мнениями и фактами, способы анализа сообщений, критичность в восприятии информации.

Проблематика анализа новостного контента с позиций аудитории разрабатывается более десяти лет: в 2007 году при школе журналистики университета Stony Brook в Нью-Йорке был открыт центр по новостной грамотности [9].

Об авторе: Смагин Никита Игоревич – магистрант кафедры медиаобразования Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования Московского педагогического государственного университета.

В фокусе внимания большинства исследователей оказался общественно-политический новостной дискурс. Важность изучения новостной грамотности с учётом специфики спортивного дискурса продиктована тем, что он в силу своего эмотивного характера он представляет удобную почву для манипуляции сознанием аудитории. Благодаря хорошей адаптации спортивных СМИ к новым медийным форматам его аудитория стабильно растет.

Сам спортивный дискурс стремительно меняется. Уходит в прошлое классический формат «голы, очки, секунды». Спорт стремительно коммерциализируется, возрастает роль политической составляющей, всё активнее происходит сращивание спорта с индустрией развлечения. Спортивный новостной контент используется как инструмент рекламы, пропаганды определённых взглядов и продвижения определённых информационных установок. Первое, что необходимо для объективного восприятия и оценки спортивных новостных материалов — понимать актуальные явления и современные тенденции в спортивном дискурсе. К их числу относятся и спортивный инфотейнмент. Остановимся на этом подробнее.

Предпосылки развития и характерные черты спортивного инфотейнмента. На современном этапе глобализации и бурного развития интернет-коммуникаций СМИ в борьбе за аудиторию ведут поиск более привлекательных способов передачи сообщения, потому что в огромном потоке информации аудитория СМИ все с большим трудом воспринимает серьезную официальную информационную повестку. Классические новостные блоки уходят в прошлое [10, 11].

В связи с этим особый интерес представляет такое явление, как инфотейнмент (*infotainment*), жанр, зародившийся в США в 1980-е годы. Этот термин возник в результате объединения двух слов: информация (*information*) и развлечение (*entertainment*) и выражает стремление подавать новости в форме развлекательных передач или с оттенком развлекательности. Инфотейнмент как медиажанр, популярный в первую очередь в политической и экономической журналистике, приходит и в спортивную сферу. Под инфотейнментом понимается возможность развлекательного оформления информации. Это касается тематики, визуальных и вербальных методов.

В новостных материалах спортивного инфотейнмента к информационной составляющей новости добавляется развлекательная, причём чаще всего именно она выходит на первый план. Обычно этот

формат реализуется в виде истории с интригующим сюжетом, который постоянно удерживает внимание аудитории. Своеобразный жанр, в котором прослеживаются черты сериала и новостей о светской жизни, привлекает к спортивному контенту те сегменты аудитории, которые никогда бы не заинтересовались узким форматом «голы, очки, секунды». И. Ю. Люлевич подчёркивает интересный феномен: развлекательная природа спорта дополнительно усиливается элементами инфотейнмента.

Как правило, инфотейнмент обращается не к соревнованиям и их результатам, а к околоспортивной сфере: личной жизни спортсменов, их внесоревновательной деятельности, фанатам и массовым спортивным активностям. Часто в развлекательном формате преподносятся те информационные сюжеты, где на территорию спорта вторгаются политика и бизнес.

Задачам инфотейнмента в спортивных новостях лучше всего отвечают эмоциональная сущность спорта как такового и выразительные средства телевидения и интернет-медиа. Современные медиатехнологии позволяют создать развлекательную атмосферу, вовлечь аудиторию, заставить её сопереживать развитию сюжета.

Спортивный инфотейнмент в редакционной политике телеканала «МАТЧ-ТВ». Часто СМИ сознательно выбирают инфотейнмент как ключевой элемент своей стратегии. Яркий пример — телеканал «МАТЧ-ТВ». Его сетка вещания включает большое количество программ в жанрах ток-шоу и видеорепортажей, которые раскрывают такие аспекты околоспортивной сферы, как антураж спортивных событий, личную жизнь спортсменов, развитие массового и любительского спорта, взаимосвязь спорта и культуры. В качестве примеров можно привести стержневую программу «Все на Матч!», «Специальный репортаж», «Мастер спорта», «Блиц», «Неизведанная хоккейная Россия», «Инсайдеры», «Таёт лёд с Алексеем Ягудиным» и др.

Актуальный пример инфотейнмента на канале «МАТЧ-ТВ» — проведение Кубка Париматч Премьер. Соревнование проводилось с 26 июня по 4 июля 2019 года в Австрии. В нём приняли участие российские футбольные клубы «Краснодар», «Ростов», «Спартак» и ЦСКА. Турнир изначально не имел официального статуса и позиционировался как серия товарищеских матчей в рамках подготовки футбольных клубов к новому сезону. Организаторами стали «МАТЧ-ТВ» и букмекерская контора «Париматч».

Комментаторам «МАТЧ-ТВ» удалось реализовать стратегию освещения турнира в духе инфотейнмента. Во время трансляции матчей они привлекали внимание аудитории к различным аспектам тренировочного процесса и подготовки клубов к новому сезону, делали акцент на футболистах-новичках и особо отмечали социокультурные особенности города Пеллау, где проходил турнир, и Австрии в целом. Более того, они регулярно вели специальные репортажи «Австрийские игры», которые представляли собой программы-дневники событий турнира. Их содержание представляло самые различные развлекательные

сюжеты: корреспонденты посещали детские футбольные школы и любительские соревнования, чтобы показать футбол как часть стиля жизни; осматривали достопримечательности, выявляя социокультурные особенности Австрии; активно общались с местными жителями Пеллау, чтобы выяснить, следят ли они за турниром. Особо отметим эфир от 30 июня 2019 года, где журналисты посетили детскую футбольную школу и показали футбол как развлечение для местных детей.

Отчётливо видны все характерные черты инфотейнмента: стремление создать длительный информационный сюжет по образцу сценария сериала, который заставляет аудиторию напряжённо следить за его перипетиями; поиск развлекательных элементов в сугубо спортивном контенте (в данном случае — трансляция матча); а самое главное — главенство развлекательного над спортивным. Результаты и другие спортивные итоги этого турнира ушли на второй план, уступив место атмосферным информационным сюжетам.

Спортивный инфотейнмент в редакционной политике газеты «Спорт-Экспресс». Выстроить развлекательный сюжет удастся и в печатных СМИ. Регулярно обращается к этому формату газета «Спорт-Экспресс». Во время крупных спортивных событий издание вводит рубрику, раскрывающую его атмосферу. Например, при проведении ЧМ-2018 по футболу журналисты устроили автомобильное путешествие по городам, принимавшим матчи турнира. Каждый вызывающий ажиотаж матч сопровождается рубрикой «За кадром», где передана его атмосфера: перформанс болельщиков и другие окружающие игру события. Любой скандальный информационный повод обыгрывается с помощью опросов читателей, и на основании собранных мнений ему даётся оценка. Проекты в формате инфотейнмента часто проводятся совместно с партнёрами газеты. Например, в проекте издания с компанией Gillette раскрывается мир «Формулы-1». А совместный проект с компанией Datsun, связанный с проведением соревнований по уличной атлетике (воркауту), в развлекательной форме вовлекает аудиторию в участие в массовом спортивном мероприятии.

Сюжеты в формате инфотейнмента часто фокусируются на событиях вокруг определённого спортсмена, группы спортсменов или спортивного клуба. Длительное и многогранное наблюдение за ними создаёт ощущение сериала, аудитория «вживается» в цепь событий и начинает сопереживать их участникам.

В качестве примера рассмотрим серию материалов в газете «Спорт-Экспресс» о предсезонной подготовке футбольного клуба «Спартак» к сезону 2019–2020. Интервью с Олегом Романцевым и Георгием Ярцевым в рамках авторской программы Александра Львова «Начистоту» — «Для чемпионства Кононову надо купить четырёх игроков» (Александр Львов, 15.06.2019) расставляет акценты сюжета: высказываются мнения известных футбольных тренеров о том, что «Спартаку» необходимы новые игроки звёздного

уровня. И аудитория начинает следить за тем, насколько агрессивной будет трансферная политика клуба в межсезонье.

Материал «Девушка Луиза Адриану оценила его стычку с Набабкиным. Как вам такое?» (30.06.2019) напоминает о скандальном эпизоде в товарищеском матче «Спартак» с ЦСКА, когда игрок «Спартак» Луиз Адриану повздорил с футболистом ЦСКА Кириллом Набабкиным. Возникает ощущение, что футболисты «Спартак» максимально увлечены конкуренцией за место в составе, не хотят уступать будущим новичкам и готовы даже полезть в драку, чтобы доказать свою полезность родному клубу.

Однако буквально через пару дней вектор развития сюжета стремительно меняется. Публикуются материалы «Мелкадзе выполнил трюк с подбрасыванием бутылки. Видео» и «Акробатический прыжок Жигу в бассейне. Не вздумайте это повторять» (02.07.2019). Со всех ракурсов анализируется активность футболистов «Спартак» в соцсетях, их общение с болельщиками. В медиаполе сюжета исподволь вовлекаются первые новички команды, которые, однако, не имеют «звёздного» статуса. Впечатление аудитории меняется: читатели видят, что вместо тренировок на грани человеческих возможностей царит едва ли не курортная атмосфера.

И сразу же выходит развёрнутое интервью с Леонидом Федунем «Хотим играть, как Ливерпуль» (Дмитрий Зеленев, 02.07.2019). Трансферная деятельность «Спартак» позиционируется как очень удачная, в сознании аудитории закрепляется информационная установка о том, что команда сплотилась и окрепла. По уровню игры команда всерьёз сравнивается с победителем Лиги чемпионов 2018/19 «Ливерпулем».

Но неумолимая история не даёт завершить информационный сюжет счастливой концовкой. На следующий день «Спартак» продаёт одного из системообразующих игроков — форварда Зе Луиша. Конечно, «Спорт-Экспресс» как издание, симпатизирующее «Спартаку», пытается найти в этой сделке плюсы: выходит материал «Продажа Зе Луиша — это правильно. В новом «Спартаке» он был бы чужим» (Дмитрий Зеленев, 03.07.2019). Но аудитория чувствует, что её одурачили: вместо «покупки четырёх игровых звезд» продали одну из звёзд. Отметим, что почти каждый материал в этой газете даёт возможность комментариев. И текст о продаже Зе Луиша вызывает гневную дискуссию среди болельщиков «Спартак» с крайне нелестными оценками деятельности руководства клуба. Причём критикуют подчас те же пользователи сайта, которые ещё несколько дней назад радовались развлекательным материалам.

Здесь прослеживается ключевая особенность инфотейнмента — превращать обозрение спортивного дискурса в шоу, где аудитория с замиранием сердца следит за развитием захватывающего сюжета. В отношении темы того, что окружает ФК «Спартак», эта стратегия более чем оправдана: информационное поле вокруг одного из самых популярных российских футбольных клубов — благодатная почва для развлечения аудитории, которая только этого и ждет.

Спортивный инфотейнмент как ключевой элемент стратегии многих медиа в социальных сетях. Еще больше возможностей создавать сюжеты в формате инфотейнмента — у медиа в социальных сетях. Интерактивность достигается за счет мгновенной обратной связи и вовлечения аудитории через комментарии, всеохватность связана с самим принципом распространения информации в соцсетях, а развлекательная сущность контента идеально подходит под потребности аудитории. В соцсетях все, что не связано с деловыми вопросами, обречено на весомое воздействие развлекательного элемента. Здесь повышают кругозор посредством развлекательных видео, общаются с целью развлечения, даже проявляют свою индивидуальность — зачастую тоже в развлекательном ключе.

Поэтому редакционная политика многих авторов спортивного контента в соцсетях заточена под создание развлекательных сюжетов, где используются все возможности (рейтинги, голосования, конкурсы и т.д.), чтобы вовлечь аудиторию в интерактивное взаимодействие и заставить ее неотрывно следить за происходящим. Даже если контент является сугубо спортивным (трансляция спортивного события, официальная пресс-конференция и т.д.), его стараются подать сквозь призму развлекательного сюжета, который как бы окружает и расширяет основной информационный повод. Так действуют блогеры, авторы каналов YouTube на спортивную тематику, группы, сообщества и другие структурные образования в соцсетях.

Рассмотрим подробнее пример канала YouTube *Karatid International* с регулярными спортивными трансляциями матчей Кубка Губернатора Баскетбольной Ассоциации Филиппин (*PBA Commissioner's Cup*) [12]. Каждая трансляция превращается в красочное шоу, которое как бы передаёт совокупность мероприятий вокруг матча, объединяемую термином *matchday*, посредством видео. Перед матчем пара комментаторов проводит своеобразный «разогрев» аудитории, рассказывая о событиях из жизни команд, а также личной, «внеспортивной» жизни игроков. Началу игры предшествуют зрелищные номера, например акробатические композиции танцевальных ансамблей. В них фольклорные традиции соединяются с промоакциями, проводимыми совместно с коммерческими партнёрами. Но и когда игра уже началась, развлекательный «фонтан» не иссякает. Манера репортажа, интонационное и лексическое богатство комментаторов (они используют английский и испанский языки, а также местные наречия) — всё направлено на создание того самого шоу-идеала, к которому стремится инфотейнмент. Можно смело сказать, что как медиапродукт эти программы-трансляции ближе всего подходят к модели «хлеба и зрелищ», воспетой ещё древними римлянами.

К формату инфотейнмента часто прибегают СМИ, чья аудитория не слишком интересуется спортом, в тех ситуациях, когда спортивный дискурс по тем или иным причинам возглавляет повестку дня. Как правило, это происходит во время крупней-

ших международных спортивных событий, особенно если они проходят на территории нашей страны. Редакции требуется показать аудитории социальную значимость соревнований и благоустройства инфраструктуры, связанных с ними. Но как это сделать? Если обрушить на головы читателей поток материалов в классическом формате «голы, очки, секунды», интереса не будет. Поэтому СМИ обращаются к инфотейнменту в надежде привлечь тех, кто любит следить за развлекательными сюжетами в других сферах жизни.

Контент-анализ материалов «Российской газеты» для поиска примеров спортивного инфотейнмента. На основе контент-анализа 765 спортивных новостных материалов «Российской газеты», посвященных Олимпийским играм в Рио-де-Жанейро 2016 года, удалось отобрать около 50 материалов, которые по сюжетному характеру можно квалифицировать как примеры инфотейнмента. Они связаны со скандальными, курьезными, драматическими и развлекательными событиями. Приведем заголовки лишь нескольких материалов:

- Болт танцует самбу. Знаменитый ямайский спринтер Усейн Болт станцевал самбу;
- Опрос: Выберите самых красивых спортсменов Олимпиады-2016;
- Бабушка тайского штангиста умерла, не увидев выступления внука на ОИ;
- Байдарочник столкнулся с затопленным диваном во время заплыва в Рио;
- Усэйн Болт пропустил церемонию открытия Игр из-за лени.

Как видно, некоторые материалы акцентируются на негативных, даже трагических событиях. Это связано с желанием привлечь обширную часть аудитории, которую интересует, увы, именно негатив.

Можно сформулировать рекомендации, как оценить материал в формате спортивного инфотейнмента с позиций новостной грамотности.

Самое главное в процессе восприятия материала в формате спортивного инфотейнмента — оценить его правдивость, чтобы распознать реальные факты за информационными установками, которые пытаются навязать «под соусом» развлекательного формата. Не вызывает сомнений, что спортивный инфотейнмент по самим законам жанра даёт значительно больше возможностей для вольной интерпретации фактов и их придумывания, чем сухой новостной текст. Аудитория больше фиксирует внимание на форме подачи информации, на ярких деталях, а не на самой информации. Информация воспринимается не рационально, а эмоционально. словно конфетка, она упаковывается в яркий фантик...

Поэтому аудитории необходимо уметь отличать материал в формате спортивного инфотейнмента от стандартного новостного материала, отделя журналистику фактов от журналистики мнений. Чтобы критично осмысливать информацию, упакованную в оболочку инфотейнмента, необходимо применять базовые компетенции новостной грамотности: умение оценивать общее качество СМИ

и их повестку дня, умение оценивать достоверность новости и умение понимать авторскую позицию и её влияние на изложение материала. Рассмотрим подробнее каждую из компетенций.

Умение оценивать общее качество СМИ и их повестку дня. Предрасположенность СМИ к частому использованию спортивного инфотейнмента напрямую зависит от его редакционной политики. На нее, в свою очередь, влияют такие факторы, как природа источников финансирования, отсутствие или наличие коммерческой, политической и идеологической составляющей, спектр интересующих тематик в медиаполе и характерные черты целевой аудитории. Совокупность этих факторов в сочетании с возникающими каждую секунду информационными поводами создаёт повестку дня СМИ, в контексте которой и нужно оценивать его материалы. Руководствуясь таким подходом, легче понять, насколько серьёзно СМИ относится к определённому событию, какие акценты хочет сделать.

Понимание общего качества СМИ также позволяет оценить материал с точки зрения его объективности и возможной предвзятости. Насколько СМИ дорожит своей репутацией? Как оно позиционирует себя? Как вольно оно привыкло трактовать факты? Замечено ли оно в адаптации контента других СМИ или его перепечатке? Задавая себе эти вопросы, аудитория может проще оценить качество материала.

Умение оценивать достоверность новости. Технология фактчекинга — проверка фактов утверждений, которые приводятся в тексте, поможет отличить достоверную новость от фейковой. Процесс верификации требует отдельной статьи, здесь же кратко укажем, что в настоящий момент уже существуют сервисы, позволяющие оценить достоверность новостей, например Фактограф [15].

Один из таких ресурсов — *The UK's Independent Fact-checking Charity* [16] — даёт следующие рекомендации по проверке фактов:

- необходимо критически относиться к заголовкам новостных публикаций. Как правило, сенсационные и шокирующие заголовки позволяют усомниться в правдоподобности материалов;
- необходимо внимательно изучить источники информации и определить, можно ли им доверять. Безличные конструкции («по мнению экспертов») и ничем не доказанные утверждения («набирает популярность»), как правило, показывают, что материал не опирается на проверенные источники информации;
- необходимо обратить внимание на внешний вид ресурса, публикующий новость. Часто такие сайты бывают яркими и кричащими, а их текстовое и графическое оформление изобилует опечатками и ошибками;
- необходимо обратить внимание на используемые фотографии и видеотрекеры. Часто они содержат следы обработки и монтажа, вырваны из контекста. В используемых «документальных» видеороликах могут быть использованы постановочные трюки;

— необходимо проверять хронологический порядок дат, упомянутых в материале. В фейковых новостях часто бывает нарушена их последовательность;

— необходимо проверять аргументы и приводимые свидетельства. В фейковых новостях они отсутствуют или идет отсылка к экспертам, имена которых не называются;

— необходимо сверить данную информацию с информацией из других источников, которым вы доверяете.

Умение понимать авторскую позицию и ее влияние на изложение материала. Этот критерий оценки качества материала — самый абстрактный и субъективный. Он не предполагает готовых формул и рецептов. Однако если аудитория регулярно воспринимает контент, создаваемый конкретным автором, понимание особенностей его творчества может существенно облегчить оценку качества материала в формате спортивного инфотейнмента. Важно разбираться в картине мира автора: понимать круг его интересов и ценностных ориентаций, знать его отношение к определённым спортсменам и явлениям, выявлять особенности его выразительных средств. Это помогает анализировать качественные характеристики материала. В качественном материале перечисляются факты, а не домыслы, представлены позиции всех сторон, особенно если речь идет о конфликтной ситуации, есть и мнение независимых экспертов. Аудитории не навязывается какая-либо точка зрения, а предоставляется информация и возможность самостоятельно делать выводы.

Инфотейнмент, в том числе спортивный, рассматривают с самых различных позиций: единого мнения в среде исследователей новостной и медиаграмотности пока не сложилось. Диапазон оценок этой тенденции различается от мнения Нила Постмана, который считал, что из-за установки на развлекательность все сферы жизни в интерпретации массмедиа превращаются в придаток шоу-бизнеса [13], до восприятия инфотейнмента как нового медиажанра, в который облакается информация, чтобы облегчить ее понимание для максимально большого количества адресатов [14]. Мы можем лишь предположить, что спортивный инфотейнмент в спортивном новостном дискурсе будет развиваться с возрастающей силой, так как ввиду особенностей аудитории он обрёл благодатную почву для развития. В интересах аудитории приспособливаться к новому формату, уметь оценивать корректность фактов и общее качество материала.

Литература

1. Люлевич И. Ю. Инфотейнмент как тенденция в мире спортивных СМИ: разрушение или перспектива? / И. Ю. Люлевич // Сборник материалов университетских научно-практических конференций «Информационное пространство современного спорта: социокультурные и лингвистические аспекты» и «Спорт в пространстве культуры и социальных коммуникаций» / под общей редакцией И. Ю. Люлевич и М. В. Аверьяновой. — М.: РГУФКСМиТ, 2016. С. 7–12.
2. Фролова И. И. Информационная война в современных СМИ как фактор манипулятивного воздействия на общество: монография / И. И. Фролова, А. А. Фролова // — Курск: Университетская книга, 2018.
3. Губарев В. В. Лексическая организация Интернет-текста и публикаций СМИ о спорте в стилистической коммуникации / В. В. Губарев // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. — № 8 (112). — С. 223.
4. Цыбина Л. В. Приемы речевого манипулирования в англоязычном спортивном дискурсе / Л. В. Цыбина, Г. В. Лещенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 2–2 (80). — С. 395–397.
5. Мальцева И. А. Ожидания аудитории и приемы воздействия спортивного журналиста в электронных СМИ. Историческая и социально-образовательная мысль / И. А. Мальцева. 2017. 9(5/1): С. 101
6. Соловьев Г. М. Феномен персонификации в современном медиатексте / Г. М. Соловьев // Журналистика и литература в социокультурном диалоге современности: сборник научных трудов / под ред. Р. И. Мальцевой. — Краснодар: Кубанский государственный университет, 2015. — С. 7–8.
7. Малышева Е. Г. Дискурсивная языковая личность в русском спортивном дискурсе / Е. Г. Малышева // Медиастилистика, Выпуск № 1. — 2011.
8. Шомова С. А. News Literacy: Модный бренд или насущная необходимость? / С. А. Шомова // Вестник Университета № 21. — 2013. — С. 306. То же [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/news-literacy-modnyy-brend-ili-nasuschnaya-neobhodimost>
9. Center for News Literacy [Электронный ресурс] URL: <https://www.centerfornewsliteracy.org/>
10. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В. Л. Инноземцева. — М.: Academia, 1990. — С. 494.
11. Тоффлер Э. Шок будущего / Э. Тоффлер. — М.: АСТ, 2004. — С. 391–393.
12. Kapatid International [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/channel/UCSKdvBlaN8j-3IzEoKpYYg>
13. Postman N. Wir amüsieren uns zu Tode: Urteilsbildung im Zeitalter der Unterhaltungsindustrie / N. Postman. — Frankfurt-am-Main, 2008. — S. 12.
14. Bernhard U. Infotainment in der Zeitung. Der Einfluß unterhaltungsorientierter Gestaltungsmittel auf die Wahrnehmung und Verarbeitung politischer Informationen / U. Bernhard. — Baden-Baden, 2012. — S. 23.
15. Фактограф [Электронный ресурс] URL: <https://www.factograph.info/> (дата обращения: 11.04.2019)
16. The UK's Independent Factchecking Charity [Электронный ресурс] URL: <https://fullfact.org/> (дата обращения: 11.04.2019)

Наталья Козлова

«Тень, отбрасываемая грядущим»

К. Арсеньев – литературный критик

Аннотация: статья посвящена литературно-критической деятельности одного из самых известных публицистов рубежа XIX–XX вв. в журнале «Вестник Европы» 1880-х — начала 1890-х гг. Она меняет сложившиеся на сегодняшний день представления о месте К. К. Арсеньева в истории русской литературной критики этого сложного периода, ставшего преддверием эпохи модернизма в отечественной культуре.

Ключевые слова: русская литературная критика XIX в., журнал «Вестник Европы», литературный процесс 1880-х гг.

Исполнилось 100 лет со дня смерти Константина Константиновича Арсеньева (1837–1919). Его имя в истории русской литературной критики до сих пор, как правило, упоминается вскользь. Однако внимательное изучение творчества этого автора дает основания для гораздо более высокой оценки его роли в осмыслении литературного процесса рубежа XIX–XX вв.

Блестяще образованный юрист с многолетней адвокатской практикой, К. Арсеньев в начале 1880-х гг. стал профессиональным журналистом и до конца жизни сохранял статус ведущего сотрудника журнала «Вестник Европы», являясь также одним из постоянных авторов газеты «Русские ведомости». Политический обозреватель, литературный критик, автор сотен статей по вопросам права и местного самоуправления, европейской политики и русской общественной жизни; первый исследователь творчества М. Салтыкова-Щедрина, почетный академик по разряду изящной словесности, земский деятель, автор программы партии демократических реформ, созданной в 1906 г. на базе «Вестника Европы», — журналист с такими характеристиками явление крайне редкое во все времена существования журналистики не только в России, но и в других странах.

Пик литературно-критической деятельности К. Арсеньева пришелся на 1880-е — начало 1890-х гг. «Вестник Европы» в этот период — один из самых популярных и авторитетных толстых журналов, лидер либеральной оппозиции политике контрреформ. В отличие от предшествующего десятилетия, ведущую роль здесь стал играть отдел публицистики,

в первую очередь благодаря приходу К. Арсеньева в качестве политического обозревателя, выступавшего ежемесячно под рубриками «Внутреннее обозрение» и «Из общественной хроники». Литературный же отдел выглядел гораздо более скромно. «Переходный» литературный процесс 1880-х гг. (определение, которое он давно получил в историко-литературных исследованиях), со сменой литературных поколений, началом нового этапа в развитии реализма, первыми опытами символизма, быстрым расширением читательской аудитории, усложнил для русского толстого журнала проблему наполнения литературного отдела. «Вестник Европы» потерял авторов, составивших его литературную славу в 1870-е гг.: И. Тургенева, А. Островского, А. Толстого, И. Гончарова. М. Салтыков-Щедрин, публиковавший здесь почти все свои произведения последнего периода жизни, выглядел одиноко в кругу писателей «второго ряда». Не найдя возможностей сохранить общий высокий художественный уровень публикаций литературного отдела, редакция сделала акцент на общественных позициях их авторов, привлекая тех, кто мог поддержать репутацию ведущего либерально-демократического журнала. Так, второе после Щедрина место по количеству и объему публикаций занимал П. Боборыкин. В результате картина литературного процесса, представленная в этой части издания, была далеко не полной.

С наибольшей полнотой литературный процесс 1880-х гг. отразился в литературной критике «Вестника Европы». Она переживала очевидный подъем благодаря К. Арсеньеву. Начиная с публикации в 1883 г. цикла «Русская общественная жизнь в сатире Салтыкова» и до 1892 г. каждый год выхода журнала был отмечен двумя-тремя его большими статьями о современной русской и зарубежной литературе и десятками реплик, обзоров, рецензий, подписанных псевдонимом или без подписи, которые были рассыпаны по разделам «Литературное обозрение», «Внутреннее обозрение», «Из общественной хроники». Тенденциозность и художественность литературы, классика и современность, новое в литературе, связь литературного процесса в России с литературным процессом на Западе, своеобразие творчества отдельных писателей, сущность эстетического и литературно-критического наследия 1840–60-х гг., восприятие литературы аудиторией — так можно обозначить проблематику литературно-

Об авторе: Козлова Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и литературы Воронежского госуниверситета.

критических выступлений К. Арсеньева. Также ряд статей был посвящен осмыслению роли, целей, задач современной литературной критики, достижениям в разработке ее теории.

Весьма актуальной продолжала оставаться проблема тенденциозности и художественности литературы, вокруг которой кипели страсти в предыдущие три десятилетия. В 1880-е гг. критики-«социологи», «утилитаристы» вроде бы одерживали верх над «эстетиками», сторонниками «чистого искусства». Но у победивших очевидно не хватало ресурсов для осмысления сложного и противоречивого литературного процесса этого периода. Н. Михайловский, А. Скабичевский, с одной стороны, В. Буренин — с другой, оказались не в состоянии адекватно оценить как новых, «нетрадиционных» авторов (в первую очередь А. Чехова), так и «традиционных» (А. Фета, Я. Полонского).

Подходы К. Арсеньева к этой проблеме наиболее полно были обозначены в работах, посвященных творчеству М. Салтыкова-Щедрина, которого критик считал главной фигурой современного литературного процесса. «Сатира, — писал он, — кореняся в реальной жизни и черпая из нее свою главную силу... не стесняется в выборе и группировке красок, не заботится о равномерности распределения теней и света. Ей мало показать, объяснить, — она хочет заклеймить, ударить, пригвоздить к позорному столбу, запечатлеть бичуемый образ не только в памяти, но и в воображении читателя... Сатира немислима без тенденции, — но это нимало не влияет на ее художественное достоинство» [1, с. 730–731]. Еще более определенно та же мысль звучала в характеристике романа «Господа Головлевы» — по мнению Арсеньева, вершины творчества Салтыков-Щедрина — художника. «Лиризм “Господ Головлевых” разлит широкой струей. Автор часто говорит от собственного лица. Уменьшается ли от этого художественное значение романа? Нисколько. «Господа Головлевы» служат лучшим опровержением новейших ультра натуралистических теорий, приписывающих романисту полное спокойствие и бесстрашие» [1, с. 697]. К. Арсеньев выводил тенденциозность произведения из природы дарования писателя, особенностей его таланта: «Какие бы демаркационные черты ни придумывались доктринерами, жизнь всегда перешагнет через них, — перешагнет в лице художника, натуре которого чужда безусловная объективность, и в лице публики» [2, с. 357]. Любопытны его размышления о связи тенденции с идеей художественного произведения: «В основании тенденции всегда лежит идея, но идея не всегда переходит в тенденцию. Тенденция — это стремление провести идею в жизнь, приготовить ее торжество, приблизить действительность к идеалу... Идеи философские располагают к этому гораздо меньше, чем идеи политические или социальные» [3, с. 272]. В связи с этим следует обратить внимание на оценку критиком творчества Г. Успенского. Характеризуя его знаменитый очерк «Власть земли», Арсеньев писал: «...публицист преобладает над беллетристом... Мы говорим это

не в осуждение г. Успенского... Деление литературы на строго определенные жанры отжило свой век: перегородки, некогда установленные эстетикой, потеряли свою обязательную силу... Делаются попытки заменить одни условные правила другими, обречь беллетриста на абсолютную объективность, изгнать из романа и повести тенденцию, даже идею; но этим попыткам не остановить течения, освобождающего искусство от всяких стеснений... Г. Успенский создал для себя особый литературный род — и совершенно прав, оставаясь ему верным» [4, с. 693–694]. О возможном проникновении тенденции в саму ткань художественного образа говорил Арсеньев, анализируя произведения В. Гаршина.

Конечно, К. Арсеньеву, как приверженцу и активному проводнику определенной социально-политической программы, были ближе произведения «с направлением», с «тенденцией» — согласной или несогласной с его гражданской позицией. Но когда речь шла о художнике, в творчестве которого этот компонент или отсутствовал, или имел крайне расплывчатые очертания, критик и здесь признавал его правоту. Яркий пример — его рецензия на сборник А. Фета «Вечерние огни», вышедший в 1889 г. к пятидесятилетию творческой деятельности поэта. Арсеньев восхищался стихотворениями Фета как образцами высокого поэтического искусства, называя главными источниками его вдохновения природу и любовь. «Эта глубокая область подвластна г. Фету всецело, здесь для него... нет ни преград, ни тайн» [5, с. 252]. Этот пример не единичен, как и приведенные выше высказывания критика «Вестника Европы» о творчестве разных авторов. Они позволяют говорить о том, что ему удалось уловить «тень, отбрасываемую грядущим», — так он однажды выразился, характеризуя произведения своего любимого Салтыкова-Щедрина. Десятилетие спустя свобода творчества как неотъемлемое право художника и необходимое условие реализации всех его творческих возможностей будет провозглашена одним из основополагающих принципов модернизма как направления в русском искусстве рубежа XIX–XX вв. Поэтому неудивительно, что К. Арсеньев из всех критиков-восьмидесятников оказался наиболее чутким в подходах к творчеству молодых авторов. Его статьи о Чехове стали едва ли не первой попыткой критики этого периода выявить художественное своеобразие произведений будущего классика русской литературы.

Впервые обратившись к творчеству А. Чехова в статье «Беллетристика последнего времени», Арсеньев писал: «Его талант не подлежит никакому сомнению, станет ли ему тесно в сфере, из которой он до сих пор не выходил, попробует ли он и сохранит ли свою силу в другом жанре, более широком, не знаю... Стакан, из которого пьет художник, может, по известному изречению Мюссе, быть и небольшим, лишь бы только он всецело принадлежал художнику; и этому условию стакан г. Чехова удовлетворяет» [6, с. 775]. Здесь же шла речь о «поэзии контрастов» в рассказах молодого автора; о том, как «из самых обыкновенных, заурядных элементов

складывается материал для драмы»; что «всего выше поднимается он (Чехов. — Н. К.) тогда, когда рисует душевное состояние, когда средоточием рассказа служит не «происшествие», а момент — комический или драматический — из внутренней жизни человека»; что он «обладает искусством олицетворять ее (природу. — Н. К.), заставляет жить точно человеческую жизнью, — и вместе с тем он свободен от подражания образцам, представляемым нашею и западноевропейскою литературами»; что у Чехова есть рассказы, «замысел которых легко мог бы наполнить и более обширную рамку» [6, с. 770–775]. И для Арсеньева вообще не стоял вопрос о «безыдейности», «безморальности» Чехова, который муссировался критиками на всем протяжении творческой деятельности писателя: в 1880-е гг. — народниками, в начале 1900-х — автором под псевдонимом Антон Крайний (как известно, так подписывала свои критические выступления в журнале «Новый путь» З. Гиппиус). Потому что «обязательным для художника нельзя признать не только ясно выраженного», но даже и просто «определенного мнения» по затронутому им вопросу [7, с. 752].

В связи с творчеством Чехова и других молодых прозаиков 1880-х гг. Арсеньев первым среди критиков заговорил о небывалом распространении «малых форм» как новым литературным явлением и в числе трех причин популярности «миниатюрной формы беллетристики» назвал «известность, доставленную ею г. Чехову». «Произвести впечатление совокупностью рассказов гораздо труднее, чем одним крупным произведением, — писал он в статье «Модная форма беллетристики». — Нужно большое, своеобразное дарование, чтобы сказать многое в немногих словах, чтобы воспроизвести несколькими штрихами живое лицо, хотя бы один короткий момент его жизни» [8, с. 680].

Вообще, следует особо отметить высочайшую степень внимания и доброжелательности К. Арсеньева к молодым авторам. Он сам считал это чуть ли не главной чертой своей критической деятельности и одновременно едва ли не самой большой слабостью. Одно из свидетельств — его письмо редактору «Вестника Европы» М. Стасюлевичу 15 декабря 1887 г.: «Следует ли мне продолжать свои критические статьи? Вы знаете, что критиком я сделался случайно и оставался им главным образом за отсутствием в “Вестнике Европы” другого сотрудника по этой части... Писать иначе я не могу, и следовательно, и на будущее время меня можно будет упрекать в излишней снисходительности к молодым поэтам, вредной для них самих» [9, с. 680]. И если среди молодых прозаиков он выделял Чехова, то среди молодых поэтов — С. Надсона, уловив в творчестве последнего ту гамму чувств и настроений, которые сделали его одним из предтеч поэзии Серебряного века. В произведениях Надсона, писал Арсеньев, «отражаются, как в зеркале, впечатления, переживаемые значительной частью современной молодежи... Между доктринерами и фанатиками, на все имеющими готовый ответ, или индифферентами, вовсе не заботящимися об ответе, идет длинная

вереница ищущих, сомневающих, надеющихся, рвущихся вперед, волнуемых то отчаянием, то надеждой. К этой веренице принадлежит г. Надсон... Глубокою искренностью, свежестью, горячностью дышат лучшие страницы г. Надсона, соединяющие в себе летопись его внутренней жизни с отголосками движения более широкого и общего» [10, с. 367–368].

Обращения к традиции русской литературы XIX в. занимали в критике К. Арсеньева довольно скромное место. Просто потому, что величие этой традиции было для него бесспорным. «Подобно Тургеневу, Герцену, Достоевскому, Островскому, Салтыкову, — Гончаров всегда будет занимать одно из самых видных мест в нашей литературе. Обломов — тип столь же вечный, как и Онегин, Чацкий, Печорин, Чичиков, Рудин, Бельтов, герой “Бедных людей”, Иудушка Головлев. Не забудется и “Миллион терзаний” — этот редкий пример критической оценки художника другим — равноправным и равновеликим», — писал Арсеньев в отклике на смерть И. Гончарова [11, с. 880]. Аристофан, Ювенал, Свифт, Барбье, Гоголь, Грибоедов, Салтыков — присутствие в одном ряду этих имен также представлялось ему само собой разумеющимся. Весьма критическое отношение к толстовству, которое Арсеньев неоднократно высказывал на страницах «Вестника Европы», никак не мешало признанию грандиозного масштаба личности и художественного таланта Л. Толстого. Деятели церкви, считал он, дискредитируют себя, поднимая руку на такие произведения такого автора. Небольшую рецензию на только что вышедшую «Смерть Ивана Ильича» критик поместил под рубрикой «Из общественной хроники», считая, что художественное достижение такого уровня, с его изумительной психологической глубиной и жизненной достоверностью является «событием дня» [12, с. 453].

Таким образом, для К. Арсеньева-критика художественность являлась главным критерием оценки произведения, принадлежало ли оно маститому писателю или начинающему автору. Под художественностью он понимал по традиции, идущей от В. Белинского, «не безусловное совершенство формы... но гармонию между мыслью и словом, при которой последнее поддерживает первую, освещая ее соответствующим ей светом, сливаясь с ней в одно целое» [13, с. 211]. А художественность, в свою очередь, была важнейшим условием, можно даже сказать, гарантией правдивости произведения, его верности действительности. Эта точка зрения по сути совпала с точкой зрения Ф. Достоевского, высказанной им в статье 1861 г. «Г-н -бов и вопрос об искусстве». Исходя из того, что искусство имеет свои собственные законы, и на этом основании отвергая «Крайности доктрины» как представителей «реальной критики», «утилитаристов», так и сторонников «чистого искусства», Достоевский утверждал: «Художественность — самый лучший, самый убедительный, самый бесспорный и наиболее понятный для массы способ представления в образах именно того самого дела, о котором вы (утилитаристы. — Н. К.) хлопочете...» [14, с. 78].

И хотя Арсеньев неоднократно называл себя последователем Н. Добролюбова, «писателя, которым могла бы гордиться всякая европейская литература» [15, с. 377], он в своей критической практике очевидно был ближе к Белинскому и особенно Валериану Майкову. Не случайно последнему им была посвящена большая статья, где критик «Вестника Европы» писал: «Исходной точкой переворота, совершенно уничтожавшего у нас на время чисто эстетическую критику, следует считать диссертацию “Эстетические отношения искусства к действительности”, а выводы этой диссертации расходятся с мнениями Майкова... Он допускал тенденциозность в искусстве, но не требовал ее во что бы то ни стало. В этом отношении он стоял гораздо ближе к Белинскому, чем к своим преемникам Добролюбову и Писареву... Критика Добролюбова была кульминационным пунктом движения от чисто эстетического до чисто публицистического взгляда на искусство, критика Писарева была уже... утрировкой, за которой должна была наступить реакция. Она наступила и продолжается до сих пор в целом ряде протестов против тенденциозности... Следует ли отсюда, что близок новый крутой поворот?... Мы думаем — что нет. Борьба мнений переходит все больше и больше на научное почву; искусство изучается как факт, как продукт разнообразных психологических и социологических условий — а этим путем едва ли можно прийти к осуждению целых областей искусства, объявлению их вне закона» [16, с. 822]. Точной характеристикой литературной критики самого К. Арсеньева можно считать сказанное им в заключение этой статьи: «Отсутствие односторонности, составляющее отличительную черту Майкова, — это не половинчатость, не вялость, не эклектизм, пытающийся примирить непримиримое; критик не балансирует между двумя крайностями, а просто занимает, вдали от той и другой, положение, наиболее соответствующее громадной и сложной задаче искусства» [16, с. 823].

Победа большого художника над узостью им самим созданной или заимствованной извне доктрины была лейтмотивом выступлений Арсеньева, посвященных европейской литературе, которые по количеству и диапазону охвата авторов и произведений почти не уступали написанному им о литературе русской (Ч. Диккенс, В. Гюго, Г. Гейне, Г. Флобер, братья Гонкуры, П. Бурже, А. Додэ, Э. Золя, с особым вниманием к творчеству последнего как самого талантливого представителя ставшего модным натурализма). «Дорога, по которой идет современный французский роман, в действительности гораздо шире, чем на планах, чертимых эстетиками натурализма; мы видим, что она не исключает ни психологического анализа, ни тенденциозности и субъективного элемента... пример нарушения закона подают сами законодатели» [17, с. 313]. Или: «В последних произведениях Золя много “механического”... На каждом шагу чувствуется здесь циркуль и линейка... Механизм тяжеловесен, но красив... С механизмами ли, однако, желательно встречаться в области романа? ...Только большое природное дарование могло так

долго удерживать Золя над уровнем “механического” производства, к которому его влекла... сумма предвзятых взглядов» [18, с. 770].

Внимательно следил К. Арсеньев и за процессами в европейской литературной критике, с большим воодушевлением отмечая, что «господствующим девизом критики становится свобода... в выборе жанра и приемов, направления и манеры, но не свобода от требований правды и вкуса. Субъективность и объективность, тенденциозность и равнодушие, спокойствие и страстность, точное воспроизведение действительности и погружение в мир мечты — все законно, все позволительно, лишь бы были налицо искренность настроения и художественность формы. Только в таких широких рамках и возможно беспрепятственное поступательное движение литературы» [19, с. 362].

Но «критик не может отрешиться от самого себя, не может не иметь симпатий и антипатий, отчасти случайных, отчасти глубоких и постоянных. Все дело в том, чтобы подсказываемые ими выводы не оставались без проверки... нужно многое припомнить, многое взвесить, о многом подумать» [19, с. 347]. А главная трудность этого рода деятельности в том, что «критика имеет дело не только с законченными эпохами, с течениями, совершившими полный свой цикл; она соприкасается с современностью, с новыми людьми, с новыми направлениями. Она стоит посреди борьбы... Удержаться от «оценки» писателей и произведений — задача, исполнимая далеко не для всех и уже поэтому одному не для всех обязательная... Критик... тот же публицист; он раздает удары, потому что сам их получает. Симпатии и антипатии неизбежны даже в чисто эстетических вопросах, а выражение их равносильно похвале или порицанию» [19, с. 360–361]. Насколько более гибким и глубоким в понимании природы литературно-художественной критики оказался К. Арсеньев по сравнению с А. Волынским, чей знаменитый цикл «Русские критики», опубликованный в журнале «Северный вестник» в начале 1890-х гг., провозгласил несостоятельность «наследства» 40–60-х гг., представители которого, по его мнению, не смогли дать сколь-нибудь адекватную оценку достижениям литературы своего времени. Возражая ему, Арсеньев писал: «Умственная лень, узость кругозора, шаблонность или односторонность вкуса... Ничего подобного не представляет, конечно, деятельность критиков, высокомерно осуждаемых “Северным вестником”. Можно соглашаться или не соглашаться с их теориями, но нельзя — без несправедливости, граничащей с нелепостью, — относить их числу писателей... ничего не внесших в русскую литературу... Обвинять критику сороковых и пятидесятих годов в том, что она не разнесла по всей Руси свет, хранящийся в русской поэзии, — значит не видеть именно главной ее заслуги». И далее: «Деятельность Добролюбова и его современников — не святыня, которой не следует касаться; она допускает критику, требует ее как всякое крупное явление, сделавшееся достоянием истории; но... пускай в ней слышится то чувство

меры, которое так легко сохранить, говоря о давно прошедшем, имеющем бесспорные права на наше уважение и благодарность» [20, с. 774–775].

Но, отдавая должное «наследству», критик «Вестника Европы» преодолевал его ограниченность, развивая в своей практике то, что позволяло ему быть состоятельным в условиях новой литературной ситуации. Он мог ошибаться, утверждая, например, что «во Франции будущее принадлежит, конечно, не так называемым *decadents*, щеголяющим чудовищностью вымысла и формы; еще меньше места для подобных явлений на нашей почве» [21, с. 247]. Однако в понимании специфики искусства, сложности процесса художественного творчества, его природы он не только не уступал адептам зарождающегося «нового искусства», но и превосходил их — когда речь шла о начертании неких законов, по которым оно должно развиваться. «Всякий художник творит во времени, подчиняясь, в большей или меньшей степени, его веяниям и влияниям... Что касается до “правоты”, то она принадлежит человеку — т. е. человечеству — не как нечто данное, а как нечто искомое» [22, с. 348]. «Произвол, хищения, пустота... Не от этих соединительных звеньев между “веком нынешним и веком минувшим” зависит... главная сила “Ревизора”. Эта сила — высокая художественность произведения» [23, с. 439]. И наконец, «чтобы быть сильным, нужно прежде всего быть самим собою — а в новых путях, в новых способах действия, в новых источниках вдохновения никогда не может быть недостатка. Никаких неподвижных, неизменных законов — в смысле правил, соблюдение которых было бы обязательно для каждого художника, — в мире искусства нет» [24, с. 260–261].

Таким образом, подробное исследование творчества К. Арсеньева показывает, что в русской литературной критике 1880-х гг. он занимал лидирующие позиции, поскольку оказался практически единственным из критиков-современников, кому удалось отразить сложный и противоречивый литературный процесс этого периода во всем его многообразии. Опора на достижения современного литературоведения, тонкий художественный вкус, бережное отношение к таланту, неприятие морализаторства, глубокое понимание специфики художественного творчества позволили ему в его критической практике найти органическое сочетание сложившихся традиций и новаций, что было крайне важным перед лицом грядущей эпохи модернизма.

2. Воронеж

Литература

1. Арсеньев К. Русская общественная жизнь в сатире Салтыкова / К. Арсеньев // Вестник Европы. — 1883. — № 2. — С. 730–751.
2. Арсеньев К. Современный русский роман в его главных представителях / К. Арсеньев // Вестник Европы. — 1885. — № 3. — С. 343–369.
3. Арсеньев К. Новые сборники русской поэзии / К. Арсеньев // Вестник Европы. — 1884. — № 5. — С. 258–273.
4. Арсеньев К. Лесная правда и высшая справедливость / К. Арсеньев // Вестник Европы. — 1883. — № 10. — С. 673–694.
5. Арсеньев К. Новый литературный юбилей / К. Арсеньев // Вестник Европы. — 1889. — № 3. — С. 250–263.
6. Арсеньев К. Беллетристы последнего времени / К. Арсеньев // Вестник Европы. — 1887. — № 12. — С. 767–785.
7. Арсеньев К. Современный русский роман в его главных представителях / К. Арсеньев // Вестник Европы. — 1885. — № 2. — С. 731–753.
8. Арсеньев К. Модная форма беллетристики / К. Арсеньев // Вестник Европы. — 1889. — № 4. — С. 679–695.
9. ОР ИРЛИ (ПД), ф. 293, оп. 1, № 165/3, л. 60.
10. Арсеньев К. Посмертные стихотворения Надсона / К. Арсеньев // Вестник Европы. — 1887. — № 11. — С. 351–368.
11. Из общественной хроники // Вестник Европы. — 1891. — № 10. — С. 862–880.
12. Из общественной хроники // Вестник Европы, 1886. — № 7. — С. 453–467.
13. Арсеньев К. Русская общественная жизнь в сатире Салтыкова / К. Арсеньев // Вестник Европы. — 1883. — № 5. — С. 183–216.
14. Достоевский Ф. М. Об искусстве / Ф. М. Достоевский. — М.: Искусство, 1973.
15. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. — 1884. — № 9. — С. 365–380.
16. Арсеньев К. Валериан Майков. Из истории критики сороковых годов / К. Арсеньев // Вестник Европы. — 1886. — № 4. — С. 796–823.
17. Арсеньев К. Французский роман в 1884 г. / К. Арсеньев // Вестник Европы. — 1884. — № 11. — С. 288–314.
18. Арсеньев К. Новый роман Золя («Деньги») / К. Арсеньев // Вестник Европы. — 1891. — № 4. — С. 770–791.
19. Арсеньев К. Новые течения во французской критике / К. Арсеньев // Вестник Европы. — 1889. — № 11. — С. 345–362.
20. Из общественной хроники // Вестник Европы. — 1893. — № 5. — С. 758–775.
21. Арсеньев К. Содержание и форма в новейшей русской поэзии (А. Н. Апухтин, С. А. Андреевский, С. Надсон, С. Г. Фруг) / К. Арсеньев // Вестник Европы. — 1887. — № 1. — С. 243–269.
22. Арсеньев К. Старый вопрос о тенденциозности в искусстве / К. Арсеньев // Вестник Европы. — 1889. — № 1. — С. 340–355.
23. Из общественной хроники // Вестник Европы. — 1886. — № 5. — С. 426–442.
24. Арсеньев К. Пейзаж в современном русском романе / К. Арсеньев // Вестник Европы. — 1885. — № 5. — С. 239–261.

Владимир Колобов Создатель видеом

[Из дневниковых записей А. В. Жигулина
о А. А. Вознесенском]

Аннотация: 1 января 2020 года исполняется 90 лет со дня рождения Анатолия Владимировича Жигулина (1930–2000), известного русского поэта, прозаика, узника сталинских лагерей, уроженца Воронежского края.

В данной статье, подготовленной на основе изучения дневника А. В. Жигулина, рассказывается о его творческих и личных отношениях с поэтом А. А. Вознесенским (1933–2010).

Ключевые слова: история отечественной литературы и журналистики, Анатолий Жигулин, Андрей Вознесенский, массовая культура.

Одна из первых записей А. В. Жигулина уже содержит квинтэссенцию его отношения к творчеству выдающегося поэта-футуриста, ученика В. В. Маяковского, Б. Л. Пастернака и С. И. Кирсанова:

«7 октября 1960 года, пятница. <...> Прочитал нынче книжку стихов Андрея Вознесенского «Мозаика». Это первый его сборник, издан во Владимире. Хорошо издают стихи некоторые областные издательства... В Курске, Белгороде — прекрасно издают.

А. Вознесенский — поэт, безусловно, талантливый, многие стихи мне нравятся, но всё-таки эти <эксперименты> в направлении аллитераций, рифм — дело никчёмное. Ведь главное заключается не в том, чтобы поразить, оглушить читателя подбором одинаковых согласных или гласных, а в том, чтобы взволновать его».

В конце 1950-х — начале 1960-х годов Андрей Вознесенский стремительно ворвался в поэтическое пространство страны. Выход каждой его книги, публикация каждого стихотворения становились событиями в литературной и общественной жизни. Поэтические вечера с его участием в Политехническом музее проходили в заполненном до отказа зале, а книги сразу же сметались с прилавков книжных магазинов.

Характерная запись в дневнике А. В. Жигулина: *«3 декабря 1960 года, суббота. <...> Заходили в книжный магазин на ул. Мира (в центре Воронежа. — В. К.). Мне удалось добыть через заведующего сборник А. Вознесенского «Парабола»».*

На протяжении всей жизни А. В. Жигулин с интересом наблюдал за творчеством А. А. Вознесенского, создавшего новый вид поэзии, новый жанр искус-

ства — видеомы, успешно экспериментировавшего на стыке сразу нескольких сфер (литература, журналистика, архитектура, музыка, живопись), но сам был сторонником классического стиля отображения действительности.

В период «оттепели» в культурной жизни страны возникли такие явления, как поэтические вечера в Политехническом музее, фестивали бардовской песни, литература «самиздата» и «тамиздата» и т.д. Один такой эпизод запечатлён в культовом фильме советского режиссёра В. Меньшова «Москва слезам не верит» (1979). Речь идёт о сцене, в которой поэт Андрей Вознесенский сыграл самого себя, читающего стихи у памятника Владимиру Маяковскому.

Поэтические вечера в Политехническом музее и Центральном Доме литератора, собиравшие многочисленную аудиторию, послужили одним из поводов для издания ежегодного литературного альманаха «День поэзии». Как и А. Вознесенский, Жигулин был постоянным автором альманаха и в середине 1970-х годов даже был главным редактором одного из его выпусков.

Демократизация политической и общественной жизни, вызванная историческими решениями XX съезда КПСС, создала для власти неожиданные проблемы, в том числе в сфере литературы и искусства. Не ограничившись критикой культа личности Сталина (что на определённом этапе соответствовало курсу партии), деятели культуры стали «копать» глубже, остро критиковать недостатки советской действительности, бюрократизм и равнодушие чиновников, задумываться над причинами низкого уровня жизни населения, объективно анализировать сильные и слабые стороны марксизма-ленинизма. Возникла реальная опасность потерять партийный контроль над интеллигенцией.

В этих условиях власть пыталась найти новые, адекватные времени формы взаимодействия с «мастерами культуры». К официальным встречам в Доме приёмов на Ленинских горах и в Кремле, раздаче привилегий послушным деятелям и публичной критике инакомыслящих добавились многолюдные заседания Идеологической комиссии ЦК КПСС, беседы в неофициальной обстановке за городом, на государственных дачах с обильными пиршествами и возлияниями, личное участие руководителей партии и государства в различных выставках и форумах. Иногда такие мероприятия заканчивались полным конфузом и грандиозными скандалами.

Об авторе: Колобов Владимир Васильевич, доктор филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна факультета журналистики Воронежского государственного университета, член Союза российских писателей.

Так случилось, например, 7 марта 1963 года во время встречи Н. С. Хрущёва с творческой интеллигенцией в Кремле, на которой разгневанный Первый секретарь ЦК КПСС обрушился с критикой на А. А. Вознесенского, обвинив поэта в антипартийной позиции и предложив ему покинуть страну. Под «горячую руку» попали также В. П. Аксёнов, который посмел поддержать коллегу аплодисментами, и скульптор Эрнст Неизвестный, запомнившийся Хрущёву по экстравагантной выставке в Манеже.

Половинчатость и противоречивость реформ Н. С. Хрущёва, практически не затронувших основу тоталитарного режима — командно-административную систему, эпатажность и непредсказуемость его идей (например, разделение обкомов на промышленные и сельские, гонения на личные подсобные хозяйства, кукурузная кампания и т. д.) привели вначале к утрате им личной популярности, поддержке со стороны партийно-хозяйственного актива и значительной части интеллигенции, а затем и к его отставке.

«20 ноября 1970 года, пятница. Вечер в ЦДЛ. <...> А. Вознесенский. Читает хорошо. <...> Стихи про аварию с Олжасом Сулейменовым, «Лёд-бэ» и другие. <...> Да. Ещё на сцене был разговор с А. Вознесенским. Он, оказывается, не знал, что я был в лагере.

Я говорю:

— Читать надо братьев-поэтов! Я книги три стихов о лагере издал.

— Да что вы! А нет с собой?

Книг у меня не было. И не пошло ему, пожалуй, хоть он и попросил. Он, видно, кроме себя, никого и не читает! Экий самозабвенный эгоизм!

Последние фразы были явно несправедливы по отношению к А. Вознесенскому и написаны под влиянием мимолётной обиды. Вскоре А. В. Жигулин выполнил просьбу собрата по перу и вручил ему свои книги.

«11 декабря 1970 года, пятница. Приехал в ЦДЛ уже в двенадцатом часу... В вестибюле встретился А. Вознесенский:

— Прочитал «Кострожоги». Это потрясающе! Жаль в «Полярных цветах» уже нет этого стихотворения. Дай жму твою руку! Здорово!»

«5 октября 1971 года, вторник. <...> А. Вознесенский о моих стихах в «Смене»:

— Чудесные!.. Прекрасные!..

Прочёл в самолёте.

«24 декабря 1971 года, пятница. <...> Вознесенский — опять похвалил моё стихотворение в «Смене» («Трещит горящая береста...»), я его ещё не видел, это в № 24). Похоже, что Андрей постоянный читатель «Смены».

Дневник Жигулина отражает двойственное отношение части интеллигенции к невероятно высокой в советские годы популярности А. Вознесенского, к его достаточно частым зарубежным поездкам и встречам с иностранными государственными и общественными деятелями.

В апреле 1974 года американский политик Эдвард Кеннеди, младший брат президента США Джона Кеннеди и сенатора Роберта Кеннеди, посетил СССР и на встрече с Генеральным секретарём ЦК

КПСС Л. И. Брежневым предложил обсудить вопросы о полном запрете на испытания ядерного оружия и об упрощении эмиграции. Во время визита сенатор встретился с представителями демократической творческой интеллигенции, в том числе с А. А. Вознесенским.

А. В. Жигулин иронически пишет: «8 мая 1974 года, среда. Андрей Вознесенский и его рассказ о визите к нему Эдварда Кеннеди. Красочный, живописный рассказ. Да... Специально их содержат (Вознесенского, Евтушенко и др.) для подобных посещений. Экзотика, так сказать. Вот колокольня Ивана Великого, вот театр Образцова, а вот наши передовые поэты. Пожалуйте в гости!».

В 1972–1975 годах отношения между Жигулиным и Вознесенским развивались в плоскости не только «поэт — поэт», но и «редактор — поэт». В это время Жигулин работал заведующим отделом поэзии, членом редакционной коллегии журнала «Дружба народов».

Как творческому человеку, Жигулину порой было трудно удержаться от субъективных, эмоциональных оценок произведений авторов, в том числе всенародно известных поэтов. В его дневнике запечатлён один из таких случаев, связанный с рассмотрением рукописи поэмы Вознесенского «Дама трэф».

«10 октября 1974 года, четверг. Утром написал «Внутренний отзыв о поэме А. Вознесенского «Дама трэф»... Перепечатал, дал С. Баруздину, оставил в редакции. Чтобы не было нареканий. А то о прошлом варианте поэмы два часа говорил с Баруздиным перед отъездом в Дубульты, и он же меня потом обвинил, что я уехал, не высказав своего мнения. <...> В редакции — беседы с Баруздиным и Теракопяном о поэме А. Вознесенского. Позже — о том же и с Леонардом «Лавлинским».

«24 октября 1974 года, четверг. <...> О редколлегии. Она началась в час: командировки, договора и обсуждение рукописи А. Вознесенского «Дама трэф». Споры».

«31 октября 1974 года, четверг. <...> Вечером дома — звонок А. Вознесенского:

— Боялся, когда увидел, что Рига... Боялся «туризма»... Два стихотворения — прекрасные: второе по счёту и как бросаешь монеты. И высокое, и точное. Не по поверхности. А концовка — наповал!.. Молотки в газете — дали так много — не «датские» стихи, не к случаю.

А стихотворение, где «В годы печали и зла», я читал и оглядывался».

«4 ноября 1974 года, понедельник. <...> Беседа с А. Вознесенским о поэме. Обиделся Андрей за мои, как он выразился, ремарки (заметки на полях — о «писанье» и о «девочке по кругу»; см. внутренний отзыв — то же (короче) было и на полях). Сначала, дескать, не обиделся, а потом всё-таки обиделся. Как, мол, ты — поэт — меня не понял. Обидные, дескать, замечания, их тон. Что ж, может, Андрей и прав. Может, надо было помягче, чёрт его знает. Общая беседа о поэме: Андрей, С. Баруздин, Л. Лавлинский, я. Спор о «девочке по кругу». Я — чтоб вымарать или смягчить».

Сомнения у А. В. Жигулина вызвал следующий фрагмент из поэмы А. Вознесенского «Дама трэф»:

Круговой порукою общая подруга —

девочка по кругу, девочка по кругу!

«Ну и жмурки! Это Эдик или Витя?

Ты, Валюта — Валентиночек в миру?!

Вы сестру свою покрепче обнимите,
я ко всем сейчас от нежности умру!
Не при свечках, а при плачущих лучинах
из смолящихся нащепленных икон...

Я вас всех собою обручила,
всех сплела возлюбленным венком!
От рождения глаза мои сухие,
ни опасность, ни разгул не помогли.

Помогите, помогите, дорогие,
разрыдаться мне от боли и любви!
Валентиночек, ты что, уже кемарить?
Всё как плачу, да не выплачусь до дна...»

«14 ноября 1974 года, четверг. <...> Приходил Андрей Вознесенский. Вычитывал свою поэму. Помирились (или как сказать? — объяснились) мы с ним. Что не хотел я его обидеть и что — хрен с ней! — подпишу я его «девочку по кругу». А то начальство не подпишет. Выяснили, что любим друг друга, что мы — поэты. Андрей написал на клочке бумаги слово «обида» и мелко изорвал бумажку и бросил в корзину. Всё, мол, конец! А я прочитал стихотворение А. Блока о поэтах со слов:

Так жили поэты.
Читатель и друг!
Ты думаешь, может быть, — хуже
Твоих ежедневных бессильных потуг,
Твоей обывательской лужи?..

— до конца. Мы очень разные с Вознесенским люди — и по судьбам, и по воспитанию, по вкусам, по всему. Но мы оба — поэты, хоть и не всегда понимаем, приемлем друг друга. Об этом тоже говорилось. Точки соприкосновения всё-таки есть».

После доработки редакционных замечаний поэма Андрея Вознесенского «Дама трэф» (подзаголовок: Оп-опера-детектив в гражданских актах, иконах) была опубликована в журнале «Дружба народов», 1975, № 2, с. 165–176.

Одна из тем разговоров с А. Вознесенским — оружие времён Великой Отечественной войны. Причина такого интереса обоих поэтов была очевидна: военное детство. На одной из страниц дневника Жигулина красочно изображены несколько пулемётов. Шутливая надпись гласит:

«17–VII-75 г. Пулемёты для Андрея Вознесенского. Очень хочется ему иметь пулемёт».

«15 мая 1977 года, воскресенье. <...> Вечером — беседа с А. Вознесенским (о войне и немецком шестиствольном миномёте, который наши фронтовики называли: «Ванюша». У нас была «Катюша», а у них — «Ванюша». Жуткая штука этот «Ванюша» — сразу шесть больших мин швырял). А Вознесенский Андрюша сразу придумал (после моего разъяснения) типичную свою строку: «Шестиствольный Серафим».

«16 мая 1977 года, понедельник. В «ЛГ» <...> книга от А. Вознесенского с изображением шестиствольного миномёта «Ванюша»... на гусеницах. Не видел Андрюша «Ванюши»! В Средней Азии был, в эвакуации. И что забавно — я, когда ехал в «ЛГ», вспомнил, как выглядел этот немецкий миномёт...»

Ниже — рисунок и шутливое обращение Жигулина к Воз-

несенскому: «Дорогой мой друг Андрюша! / Вот как выглядел «Ванюша» / Шестиствольный миномёт. / Время — сорок третий год».

В вышеприведённой записи Жигулина содержится неточность: во время Великой Отечественной войны восьмилетний А. Вознесенский с матерью были эвакуированы из Москвы и жили в городе Кургане (это Зауралье). В зрелые годы, вспоминая ту пору, Вознесенский писал: «В какую дыру забросила нас эвакуация, но какая добрая это была дыра!».

«17–V-79 г., четверг. <...> Встреча с А. Вознесенским. Я:

— Ну, что же ты — премию получил, пулемёт купил! Взял бы да позвонил: Толя, приходи — постреляем!..».

«29 октября 1975 года, среда. <...> А. Вознесенский, пробегая мимо, сказал:

— Я был в Саратове, но слышал, как ты положил зал на обе лопатки на вечере Саши Иванова...»

Неоднозначную оценку А. В. Жигулина вызвало сатирическое стихотворение Андрея Вознесенского «Духовное взяточничество», опубликованное 19 мая 1983 года в газете «Правда».

Разве взятка машина «Вятка»?
Но бывает, ещё шуриша,
Процветает духовное взяточничество.
И нищает наша душа.
Мы улыбку даём, как рубчик.
Подхалимы бряцают туши.
Пострашнее других коррупций
лихоимство отдельных душ.
Прозаический шеф журнала
начинает писать стихи,
и критические журчалы
сразу патоккой истекли.
Ты не Пушкин, даже не Вяземский.
Плох твой стих. Зато пост хороши.
Ты, товарищ, — духовный взяточник.
Ты борзыми статьями берёшь.
Может, новый Есенин и Хлебников
в дверь издательскую не прошли,
где редактор товарищ Сребреников
потирает ручки свои.
Понимаю, что жизнь — не святки...
Но молчит иная душа,
Разменявшаяся на взятки.
Ей не пишется ни шиша.

По слухам, сразу разнѣсшимся в московской литературной среде, стихотворение А. Вознесенского было направлено против Леонарда Лавлинского, известного в ту пору критика, занимавшего пост главного редактора журнала «Литературное обозрение».

«...Стихотворение А. Вознесенского... не достигает цели, — пишет А. Жигулин. — Из-за одного неточного слова: «Прозаический шеф журнала». Если б было сказано, например: «Видный критик, редактор журнала» — было б иное дело. Понятен ход мысли Андрея. Он полагал под словом «прозаический» значение — обыкновенный, простой, ничем не выделяющийся и т. п. Но в том-то вся и суть, что сказать так о редакторе журнала нельзя. Можно сказать: обыкновенный милиционер, обычный библиотекарь, прозаический счетовод... У нас-то редакторами

литературно-художественных журналов работают обычно писатели — поэты, прозаики, критики. Читатель сразу ищет адресата стихотворения среди писателей-прозаиков. Ищет редактора журнала — прозаика, начавшего вдруг писать стихи».

Интрига заключалась в том, что А. Жигулин находился в приятельских отношениях с Л. Лавлинским, который, кстати, позвонил ему сразу же после этой публикации.

Строки из дневника: «Как о самом заурядном спросил меня Лавлинский, читал ли я подборку А. Вознесенского в «Правде». В «Правду», мол, пробился, а стихи плохие. А последнее <стихотворение> в колонке не только плохое, но и непонятное. Не ясно, к кому обращено. Кто из нас, из редакторов журналов — прозаиков, начал вдруг писать стихи? Я бы, дескать, подумал, что речь идёт о Баруздине, если б не знал, что они дружат. Может, он Колю Старшинова имел в виду? Но Коля наоборот — стал прозу писать, да и стихи ещё пишет. Он, правда, давал разгромную статью о Вознесенском в альманахе «Поэзия».

В общем я сказал, что попытаюсь найти газету и потом позвоню».

Судя по всему, продолжения щепетильная тема не имела. Впоследствии А. Вознесенский внёс правку в стихотворение (в частности, были изменены две

первые строки: «Разве взятка система «Вятка»? «Лада» в лапу не хороша...»). Но главный герой стихотворения — «прозаический шеф журнала» — остался прежним.

Ещё одна запись в дневнике А. В. Жигулина:

«13 июля 1983 года, среда. С 29 июня не писал дневника, т.е. ещё со времени пребывания в кардиологическом санатории «Переделкино». <...> Помнится, что провожал нас Андрюша Вознесенский, помогал сносить чемоданы из нашего люкса на 4-м этаже, рядом с библиотекой. Дочь свою он назвал Ариной и радуется этому имени, как поэтической находке. Между тем, это самый первый, самый распространённый народный синоним имени Ирина. И в Свяцах Арины нет, есть Ирина».

Подобные записи, конечно, не имеют научного или исторического значения, но наглядно свидетельствуют о дружеском характере отношений между поэтами.

г. Воронеж

Текстовые источники:

1. Жигулин А. В. Дневники и рабочие тетради. — Воронежский областной литературный музей им. И. С. Никитина.

Татьяна Немчинова Любовь в пространстве творчества С. А. Медведевой

В истории русской национальной культуры огромную роль играет художественная литература. Поэзия и проза. Словотворчество передовых писателей — подлинных мастеров словесности, языковой грамотности.

Трудно переоценить, на сколько всеобщее понимание этой простейшей догмы подняло бы уровень современной культуры нашего сообщества.

Пальмой предпочтения в этой связи — в создании хороших, умных, интересных книг — мне объективно хочется отдать кубанским писателям, легко и элегантно, красочно, живым языком творящим уникальные произведения, литературные шедевры нашего кубанского культурного достояния.

В созвездии истинно талантливых литераторов Кубани давно уже ярко сияет имя Светланы Афанасьевны Медведевой, выпускающей сегодня в свет свое новое детище — лирический сборник стихов с названием «Солнечный мост», прочтя который невольно вспоминаются строки А. С. Пушкина, написанные детской писательнице А. О. Ишимовой 27 января 1837 г., т. е. в день и часы перед самой дуэлью: «Сегодня я нечаянно открыл вашу “Историю в рассказах” и поневоле зачитался. Вот как надобно писать!».

С уверенностью, именно фразой непревзойденного величайшего русского гения «Вот как надобно писать!» хочется одобрить талантливую поэтическую лирику о любви кубанского писателя С. А. Медведевой.

Многими десятилетиями оттачивалось, мужало и зрело ее мастерство — чувство художественной формы языка и стиля. Служа литературе пером поэта и прозаика, публициста, мемуариста и переводчика, С. А. Медведева заняла по праву прочное место в ряду истинных мастеров и деятелей российской и кубанской литературы, культуры.

Литературная биография будущей писательницы началась с ранних юношеских лет. Но вхождение в Храм современной русской литературы последовательно освещалось выпуском в свет ее книг: «Луч души» (1990), «Одуванчик» (1991), «Лунная прядь» (1992), «Лукошко любви» (1997), «Суровая нить» (1997),

«Зеркало судьбы» (2001), «Рождественская сказка» (2006), «Горсть огня» (2011), «Свет воспоминаний» (2016).

Формирование и становление Медведевой-писателя как поэта и прозаика отмечено особыми чертами. Весь литературный поэтико-прозаический мир ее, весь путь складывавшегося мировоззрения личности — это неисчислимы мгновения, сотканые в года и спрессованные в эпоху. А время ее эпохи исчислялось как раз теми историческими десятилетиями, которые вобрали в себя величайшие катаклизмы XX и XXI вв. Это и длительная, четырехлетняя Великая Отечественная война; и послевоенный труднейший социальный путь возрождения родной страны из руин; и строительство социалистического общества в Советском Союзе; и вероломный разлом СССР; и тяжелейшие 90-е годы, названные перестройкой...

Детские и юные годы Светланы Медведевой проходили в трудных жизненных обстоятельствах. Но природа генетически наделила ее ясным умом, характерной силой воли, поразительной памятью и наблюдательностью, т. е. теми качествами, за которые она с неисчерпаемой любовью и бесконечной благодарностью чтит память своего рода и, прежде всего, воспитавших ее родителей: Медведевых — отца Афанасия Федоровича и мать Надежду Васильевну, фамилии которых с гордостью носит.

Она от рождения осилила невзгоды, взрослея — все превозмогла, преодолела и достойно смогла взойти на пьедестал своего Олимпа. Генетически врожденная всепоглощающая страстная влекомость к научным знаниям, к образованию подчинили себе все ее существо: среднюю школу она окончила с золотой медалью; педагогический институт — с красным дипломом. Хорошее воспитание и годы учебы в институте заложили основу ее мировоззрения, помогли систематизировать полученные знания. Она чрезвычайно умна, честна и ответственна. Вся деятельность С. А. Медведевой доказывает то, что она отличник всегда и во всем: отличник просвещения СССР; заслуженный учитель школы РФ (более сорока лет жизни которой посвятила); кавалер ордена Дружбы народов; лауреат премии администрации Краснодарского края в области науки, образования и культуры; заслуженный работник культуры Кубани; лауреат литературной премии имени А. Д. Знаменского.

И сегодня Светлану Афанасьевну характеризуют неукротимая энергия деятельности, твердость характера, настойчивость, жажда знаний, стремление к самообразованию, к познанию мира, к накопле-

Об авторе: Немчинова Татьяна Павловна, писатель-критик, литературовед, член Союза писателей России, Союза журналистов России и Международной федерации журналистов, лауреат журналистской премии «Золотое перо Кубани», лауреат муниципальной литературной премии им. А. Д. Знаменского.

нию и передаче знаний; нетерпимость к косности и бескультуре.

Каждый новый период творчества писателя обусловлен ее предшествующей литературной и общественной деятельностью, и чувство неудовлетворенности, свойственное подлинному художнику, никогда не покидает С. А. Медведеву. Как писатель она постоянно находится в динамичной мыслительской деятельности, а значит, в развитии. Это очевидно: всякий раз выходящая из под ее пера очередная книга — проза это или поэзия — чем-то обогащает принцип предыдущей. И каждое новое произведение свидетельствует о немеркнущей молодости и творческой силе ее писательского таланта.

Необыкновенную, неординарную личность С. А. Медведевой невозможно представить вне творчества. Она живет и трудится по принципу, сформулированному русским поэтом-классиком Е. А. Баратынским: «Дарование есть поручение, должно исполнить его, несмотря ни на какие препятствия».

Светлана Афанасьевна не перестает размышлять о гражданском писательском долге перед Родиной, перед самой собой. Она в постоянном поиске того пути, на котором с наибольшей выразительностью проявилась бы ее художественная индивидуальность. И, безусловно, обрела его. Она — подлинный патриот с неумным интересом к стране, к людям; искусный творец, любящий жизнь во всех ее проявлениях.

Результативным свидетельством всего этого и явилась ее новая книга с красивым, привлекательным названием «Солнечный мост» — сборник лирической поэзии о любви — состоящая из трех глав: «Женщина — соль Земли», «Переводы», «Посвящения», представляющая собой уникально созданное, крепкое, цельное поэтическое здание.

Любовь — по библейскому православному определению — есть духовно-душевное чувство, пронзительно проходящее через сердце человека, имеющее в своей качественной палитре бескорыстие, милосердие и долготерпение. В Любви нет зависти, нет гордости, нет превозношения, нет зла, нет бесчинств. Она предполагает саму радость, и в этой функции Любовь радоваться может только Истине. Она никогда не исчезает. В своем безграничном пространстве Любовь бесконечна (см. «Первое послание к Коринфянам» св. апостола Павла, 13: 4–7).

По всей вероятности, именно кристально-чистую Любовь по Божьему Промыслу (современная наука не отрицает такую взаимосвязь!) было даровано познать Светлане Афанасьевне как избраннице. Озаренная Ее светом, поэтесса мастерски, как из гранита вырубив, написала удивительное стихотворение «Солнечный мост», в метафоре и контексте которого прочитывается Закон Природы: все нити, связующие времена и поколения, изначально созданы и создаются только лишь беспредельным могуществом Любви!

В этом произведении свою поэтическую речь Медведева уверенно направила к потомкам:

*Мост не порушат ни зависть, ни злоба.
Выдержит мост груз немислимых бед.*

*Наша любовь высшей солнечной пробы
Будет лить теплый негаснущий свет...*

Собственный опыт позволяет писательнице утверждать это. Таинственность этой феноменальности подчеркивается ею в стихотворении «Солнечный ветер»:

*Солнечный ветер любовь обожает,
Лаской воздушной ее окружает...*

И тут же, с прозорливостью художника, размышляя, как бы проводя анализ своего видения и полнокровного понимания Вселенского, основанного на Любви Закона, поэтесса тем самым блестяще показала масштаб собственного воззрения:

*Связывает всех жгутом тумим
Тот закон, которому подвластны
Ночь без звезд и день весенний ясный,
Жизнь и смерть, кто любит и любим.
Закон природы*

Таинства познания, прошедшего через ее душу и через всю ее жизнь, поэтесса изящно, весьма зримо, с художественной точностью корректно касается и в очень кратком, но, по большому счету, объемном стихотворении «Укрытие», из содержательной глубины которого раскрывается главный стержень творчески деятельной личности самой С. А. Медведевой:

*Душа к спокойствию причалила.
Все хорошо?! А что же далее?..
В прозрачно-радужном прозрении
Слезой горячею умытая
Душа желает воспарения,
Любовной негой укрытая...*

В сгущенном лиризме первой главы этого сборника явствует очевидное: именно полученные С. А. Медведевой знания из универсального Родника вечности — от «теплого негаснущего света» Любви, энергия которой, по авторской метафорической оценке, представляет собой «высшую солнечную пробу» — без сомнения, являются определяющими и жизненными путеводными направляющими для всего человеческого сообщества, но и, прежде всего, для профессиональной личности самой Медведевой — человека-гражданина, писателя-просветителя, патриота-пропагандиста, публициста-трибуна, заявившего весьма обнажающе смело и мужественно:

*Твержу открыто, не тайком:
Владею кодом русской нации —
Ее великим языком.*

Код

Да, истинно владеет. Живым словом любви дышат все ее стихи. Язык для С. А. Медведевой является наиглавнейшим орудием — носителем непреходящего значения современной русской передовой литературы и культуры. Поэтесса придает огромное значение умению говорить с читателем правильным, красивым слогом, интересным и понятным для благостного читательского восприятия.

Все стихотворения автора этого целостного по своей концептуальной структуре сборника отличаются языковой точностью, лаконичностью и легкостью. В поэтических строках и строфах нет пустых,

ненужных слов. Язык красочен и многогранен, иногда с присутствием легкой иронии.

Внимательному читателю нетрудно разобраться в том, что в этой талантливой, поучительной книге о любви высвечивается и летопись жизни самого автора. Совершенно очевиден и предельно откровенный автопортрет поэтессы в стихотворениях, таких как «Вопрос — ответ», «Я вышла», «Мир и я», «Светлана», «Музыка любви», «Мелодия», «Рецепт себе» и многих других. Она предстает перед читателями такой, какова она есть в жизни: в гармоничном совпадении внутреннего и внешнего.

«Кто я?» — задает себе вопрос поэтессы, и тут же четко звучит ее ответ, наполненный национальной гордостью:

*Славянка на кубанских тучных нивах,
Скифянка древней солнечной красы.*

Кто я?

Своим самым сокровенным, личным — любовью к семье — исповедально делится писатель с современниками, тем самым неся в мир нравственную животворную искру человеко- и жизнелюбия. Показательно это в ряде стихотворений: «Лукошко любви», «Скифский взгляд», «Если не я», «Когда», «Просто», «Мамино кольцо» и других. Художественно точно в этих произведениях сияет золотым сечением Истина:

*Любовь — командует парадом,
Парадом жизни на земле!*

Командор

А в стихотворении «Что такое любовь?» на образном примере диалога между несколькими поколениями, героями которого являются и сама автор, ее мама, сын и внук, она мудро выделяет главные, понятные определения — столпы — являющиеся маяками в построении семейного благополучия:

*«Это верность от свадьбы
по гроб жизни нашей».*

*«Это верность любимым
в несчастье соленом».*

«Это гордая верность, забота и сила...».

В рамках произведений этой книги любознательный читатель получит от автора в качестве подарка бесценные советы, позволяющие также глубже познать и особенности самовыражения поэтессы, затаенные в стихотворениях «Обиталище», «Кузница любви», «Две сестрицы», «Две семьи», «Бог и ты» и других. В них она безо всякого назидания учит житейским премудростям.

Светлана Афанасьевна Медведева — сильная, харизматичная личность, человек большого ума, житейского опыта и широких знаний, истинный художник своего времени. Большие общечеловеческие чувства искусно высвечены ею на современном историческом фоне перемен в нашем обществе.

Обнаруживая глубокую проницательность и способность постигать самые сокровенные тайны природы человеческой души и сердца, С. А. Медведева с особой осознанностью роли и значимости женщины в социокультурном пространстве, с полноценным пониманием ответственности женской доли от ее первородства отводит самую значительную часть

своего труда именно этой теме. Начиная от заглавия «Женщина — соль Земли», в словесном сгустке которого заострено внимание на земной миссии женской и наиважнейшей, возведенной в самую высокую степень, ее ответственности, — на страницах главы органично льются строки, переливаясь, искрсясь, переключаясь друг с дружкой в непрерывной связи большого, интересного авторского монолога в стихах, посвященного труженицам нашей планеты. Со свойственной поэтессе задушевной теплотой она одой воспевает «подругу, маму, бабушку, сестрицу», подчеркивая в этих образах и красоту, и женское природное назначение — продолжательницы и хранительницы всего рода человеческого:

*О, женщина — великая загадка,
Как аромат духов летучих,
сладких,
Горчишь, как мед любви,
ты и тревожишь,
И без любви на свете
жить не можешь!*

О, женщина!

Какая-то, мастерски созданная, едва улавливаемая музыка, звенящая в лирическом звучании этих строк, проникновенно усиливает духовную суть всеохватной мысли поэтессы, емко выраженной в кратком словосочетании. Автор указывает здесь на то, в чем заключается женское могущество. В любви. Только в любви оно заключается!

И далее в стихотворениях она неоднократно подчеркивает, усиливая тем, эту изначальную закономерную данность:

*Любовь, как солнца вечный дар,
Дарует женщине природа.
Волшебный дар
Гордись! Ты женщина на свете!
С рожденья! И стихи не лгут:
Мужчины на родной планете
Осанну лишь тебе поют!*

Стружка

Палитрой больших человеческих чувств окрашено все цельное произведение книги, все ее три главы. В лирике отчетливо явствуют и трезвый анализ, и радость жизни, взволнованная грустинка и жизнеутверждающая сила духа, остроумие и сюжетная линия, точный, строжайший, виртуозный подбор слов и своеобразие поэтической рифмы, музыкальность и новаторство.

Любовь к жизни, к литературе, к своей творческой профессии, сочетаемая с уважением к своим коллегам — собратьям по перу, ясно высвечивают все произведения поэтессы. Но с какой-то особой, необычайной искренностью, трогательно и пронзительно она поверяет читателю в стихотворении «Код» свое откровенно-прямолинейное признание:

*С душой, открытой нараспашку,
Иду по жизни и пою,
Отдам последнюю рубашку
Друзьям, которых я люблю!*

Энергия любви наполняет смыслом и содержанием весь быт и всю жизнедеятельность Светланы

Афанасьевны. Она дает ей силы преодолевать трудно забываемые удары совсем нелегкой судьбы, не ропща на горечь невзгод:

Судьба моя в черной косынке
Военных голодных годов
Топтала ногами босыми
Стерню и тропинки садов.
Судьба

Вопреки пережитому, она убеждена в своей мужественной выносливости, в стойкости. Идя уверенно по жизни, она всегда просветленно знает, чем следует заниматься, а чего не следует делать. Невзирая ни на что, она всегда находит в себе силы для работы.

С исключительной изысканной пристальностью видения мира, как истинный мыслитель-философ, в искусном изображении сложностей судьбы, где просвечивает реальность человеческих страстей, форм и поисков красоты, поэтесса, обладающая высшей математикой стиха, сумела, с мудростью Сократа, многослойным поэтическим текстом выразить процесс сущего бессловесного созидательного мышления, что в подлинности являет собой суть жизненную:

...для душевного роста
Дивные силы мысль множит.
Мысль одевают словами,
Истины не изрекая,
Смело из собственной драмы
Корень судьбы извлекает...

Корень судьбы

Экстравагантный писательский взгляд, ее зоркий глаз чрезвычайно наблюдателен — не пропускает никаких мелочей. Поэтесса — блестящий мастер в описаниях природы. Пейзажным зарисовкам С. А. Медведевой присущи краткость и простота, которыми она стремится более рельефно, выразительно изобразить художественный образ. Эта особенность хорошо видна в ряде стихотворений, таких как «Весна», «Не беги» и других:

И снова март. И снова снег —
Цветущий снег вокруг!
Любовь опять берет разбег,
И шире жизни круг!

Весна

Мир человеческих чувств и мир природы у поэтессы неразделимы. Ее словесное искусство позволяет читателю увидеть и ощутить все грани бытия в круговороте вечности: и смену времен года, и цветение, шелест луговых трав и щебетание птиц, запах моря и лунную тишину...

Поэтесса обладает остроумием, редчайшим искусством давать меткую характеристику тем или иным явлениям поэтическими слоганами, которые легко запоминаются, как афоризмы. Сверкающие точными формулировками — они свежи и актуальны, что означает — у этих стихотворений есть будущее:

Зачем колодец рыть, коль можно пить из лужи.

Зачем

Как просто и мудро любить всей душой.

Просто

Любить — не бить, всяк это знает.

Рецепт

Кому-то яму рою, то, стало быть, себе...

Данность

От ларчика со счастьем у нас одни ключи.

Лукошко любви

И все же, с точки зрения канонов эстетики и литературы, очень важно подчеркнуть, что самым главным, самым большим и самым ярким украшением в поэтической лирике С. А. Медведевой является цикл стихотворений, посвященный патриотической теме, ее любви к своей Родине. Этот цикл, имеющий законченную зрелую художественную форму, можно назвать Симфонией любви к России. И занимает это священное чувство особое место в поэзии достойной, славной дочери великой страны. Сильно и открыто в них слышен ее голос любви:

То, что родом завещано, —
Честь, Отчизну, семью —
Я, пусть слабая женщина,
По-солдатски люблю.

Снадобье

В оригинально созданном произведении «Россы», явственно в котором слышится гул нашей родной истории, поэтесса в былинно-сказательном жанре, с применением сказочных элементов, глубоко и верно раскрыла сложную тему, умело удерживая при этом последовательно точно сюжетную линию, проявив в этом труде себя, словно сквозь лакмус, человеком-эрудитом, прекрасным знатоком летописи Руси:

Русалка обитала в Русе
И лапти липовы плела,
Чтоб молодцу свет-русому
Дорога легкою была.

Интересно, с эпической масштабностью и объективной изобразительностью, удивительно легко, как бы сами собой, разворачиваются здесь картины изначальной древней жизни Руси до нынешнего тысячелетия: прочное многовековое славяно-русичное прошлое зримо врывается в сегодняшний день со словами «заплачки», «понева», «славница», «свита», «лучина», «лепота»...

Владеющая огромным чувством материнской любви и заботы, С. А. Медведева волнуется о судьбе Родины и на пороге XXI в., и дальнейшем ее грядущем будущем. Позиционируя свою высокую гражданскую ответственность и человеколюбие, она миротворчески — как наивысшую ценность — проповедует мир в России и на всей Земле.

Истинно патриотичный поэт-певец, прославляющий свою родную Державу, С. А. Медведева через образ Памяти ритмично, четко, во всю духовную силу провозглашает свято-бережную любовь к сакральной святине — государственному Флагу — одному из главных символов России:

Флаг — память о времени ратном.
Флаг — время и, значит, он — жизнь.

Личность писателя, его лицо определяются творческой деятельностью в целом, его общественной направленностью, умением провидеть ход событий и донести это до читателей. У поэтессы сердце не остается равнодушным к страданиям своих со-

временников. Вся душа ее наполнена милосердием и состраданием к людям любой национальности. И в этом заключена ее писательская современность. В звучащем с актуальной остротой, с признаками эпосно-повествовательного стиля, историко-драматическом, публицистическом произведении «Боль», зеркально отражающем международные глубинные катаклизмы сегоднешнего времени, ярко выражено беспокойство поэта-гуманиста, с горечью смотрящего правде в глаза:

*О чем украинская мама кричит?
Не плачет ли сербский ребенок в ночи?
Где русские беженцы кров обретут?
И что белорусы сегодня поют?
Хочу ведать духом и сном обо всем.
Славянский синдром...*

Стихотворение отличается ясным пониманием процессов современной истории, глубиной мысли и подлинным поэтическим мастерством. В нем есть ощущение исторического движения, восприятие поэтессой моментов перехода от минувших событий к настоящему и грядущему будущему.

«Русь — это свет» — не единожды встречается это емкое словосочетание на страницах лирики. Подспудно Светлана Афанасьевна с чувством восторженности подчеркивает корневую и синонимическую связь этих слов. Свет ведь, как известно, является Победителем тьмы. Таким образом, мощь и непобедимая сила общероссийского национального единства слышится в произведениях зрелого мастера русского изящного слова, мудрого и неутомимого литературного наставника молодых писателей, эстетика-просветителя, пропагандиста отечественной культуры С. А. Медведевой. Она пишет о жизни языком, понятным современнику. Ее глубокий и обширный взгляд на все окружающее составляет целую гамму впечатлений, невольно заставляет читателя серьезно задуматься, поразмышлять над прочитанным.

Пройдя все жизненные коллизии, труднейшие испытания, писательница не утратила интереса к судьбе русской литературы, культуры. Обогащая литературную копилку из собственного духовно-глубокого «Лукошка любви», она успешно движется к дальнейшим вершинам:

*Судьба с сединою заметной
Смеется и плачет со мной —
Не все еще песни допеты
На трудной дороге земной.*

Судьба

«И вперед мой парусник светланный / Мчитса на душевных парусах», — оптимистично утверждает она, окрыленная неувядаемой любовью ко всему земному и Небесному, в стихотворении «Встреча», где исподволь как будто заверяет сказанное личным автографическим росчерком пера с расшифровкой своего имени Светлана («светланный»), подчеркивая тем самым такой поэтической находкой свою нераздельно-тесную, кровную связь с Отческой Православной седовласой Русью, Родиной, Россией.

В замыкающем первую главу стихотворении «Материнский завет» Светлана Афанасьевна Медве-

дева — с высоты своего Олимпа, как с Амвона со светоносной проповедью — во имя светлого будущего заботливо обращается к потомкам строками, проникновенно врезающимися в память:

*Любите живых, ослепительно юных,
И старых, с печалинкой светлой в глазах...
...Любите живых, как бы ни было трудно:
На них и стоит, и стоять будет мир.*

В целом это, набатом звучащее произведение, с очень точно выдержанным ритмическим рисунком, без волнения нельзя читать. Оно выражает доподлинно всю высоконравственную сущность неординарной, человеколюбивой личности, прозорливой писательницы, глубоко верящей в действенную силу слова, искусства.

Думаю, в это надо верить и всем нам, так как чистое, умное русское слово — подлинное искусство — может все.

Не переставая чувствовать ответственность за все реалии сегоднешней эпохи и в этом ключе соединяя свою неиссякаемую писательскую потребность с деятельностью общественного служения времени, целью которой имеет сохранение и сближение молодого поколения с истинной культурой, С. А. Медведева расширяет границы своего творчества, по зову сердца взявшись за серьезнейший жанровый вид литературного искусства — переводы произведений всемирно известных классиков и менее известных поэтов-современников.

*Сегодня времена другие.
Понятно сердцу и уму:
Искусства мало, есть благие
Порывы, что ведут к нему.*

Порывы

Вторая глава «Переводы» сборника «Солнечный мост» автором посвящена творчеству именно в этом литературном жанре.

Следует отметить, что в силу своих культурно-образовательных взглядов С. А. Медведева всегда ценила этот вид искусства. А профессиональные знания иностранных языков (немецкий, английский и латинский преподавались ею учащимся в школе несколько десятилетий), данность увлеченности к владению языками мира и усердие позволили Светлане Афанасьевне много и плодотворно потрудиться и в этом, бесспорно, трудном, ответственном, но интересном, оригинальном литературном творчестве.

В этой связи к месту хочется процитировать О. Э. Мандельштама — поэта, точно определившего высшую степень требований к трудам литературно-художественных переводов — прозы и поэзии: «Перевод — один из трудных и ответственных видов литработы. По существу, это создание самостоятельного речевого строя на основе чужого материала. Переключение этого материала на русский строй требует громадного напряжения, внимания и воли, богатой изобретательности, умственной свежести, филологического чутья, большой словарной клавиатуры, умения вслушиваться в ритм, схватить рисунок фразы, передать ее — все это при строжайшем самообуздании».

Думаю, здесь следует сказать несколько слов об истории этого вида творчества. В XX в. на мировую арену взошло множество великих литератур, состоящих из многообразия национальных языков, что обусловило в литературном искусстве переводов необходимость возникновения нового вида как жанра. Интересно, что здесь преуспели немецкие поэты-романтики, первыми осознавшие сию необходимость. Но еще до исторически введенного в литературу новшества в России самыми яркими классическими первопроходцами этого направления считаются В. А. Жуковский (поэмы «Одиссея», «Илиада» Гомера) и П. П. Гнедич (пьесы Шекспира «Зимняя сказка», «Гамлет») — переложившие эти и другие произведения так блестяще, что превзошли оригиналы.

Перевод — это, безусловно, не замена оригинала. Но для того, чтобы широкие массы многонационального народа нашей страны смогли ознакомиться с великой поэзией, прозой, культурой народов мира, русские писатели — начиная от золотого века — предвидевшие в этом движении путь к прогрессивному развитию человечества, во имя этого приложили немало жертвенных усилий. Как видим, их труды по достоинству оценены временем: они являются бесценным национальным культурным достоянием.

В разные эпохи в нашей стране по многим причинам интерес к этому жанру литературы то обострялся, то угасал. Характерно, что осознавший себя отдельным жанром литературы, поэтический перевод за последние два столетия породил несколько антологий и отдельных изданий, отражающих историю переводов, возвратив миру, таким образом, большой пласт утраченных старых и новых имен авторов и их произведений.

На страницах этой книги представлены литературные труды поэта-полиглота С. А. Медведевой — переводы по подлинным источникам с языков — латинского, английского и немецкого. Это произведения И. Гёте и Г. Гейне, Ф. Шиллера и В. Шекспира, И. Бехера, Г. Гесса и Д. Китса. Заслуживают пристального внимания выполненные поэтессой (по подстрочнику) переводы на русский язык народных песен с адыгейского и ассирийского, греческого, древнегреческого и крымско-татарского языков, а также поэтических строчек белорусского автора Л. Долбиковой.

Думается, что переложения близки к оригиналам: совсем нелегко судить с близкого расстояния.

Время покажет. Заострить читательское внимание хочется на весьма интересном факте: великолепно выполнен автором перевод одного из ста пятидесяти четырех сонетов Вильяма Шекспира. И, таким образом, наша землячка вошла в список больших мастеров-переводчиков великого английского классика.

В небольшой третьей главе «Посвящения» поэтесса свои стихотворения сфокусировала на самых дорогих ее сердцу персоналиях: они посвящены брату, внукам, родным и самым близким и верным друзьям. С бесконечной чувственной теплотой, очаровательной нежностью льются в строках слова ее любви и уважения к этим людям.

Проникнутая духом современности, книга С. А. Медведевой «Солнечный мост» — это поэтический учебник мудрости, сверкающий гранями сверхдрагоценного камня, именуемого Любовью. Она учит смотреть глубже, связывать духовно выстроенным «солнечным мостом» прошлое с настоящим и будущим. Вся лирика и воздушна, и в то же время по своей ценности и значимости — весома. В ней присутствует великое благородство. Она каждому без противопоказаний: своевременный духовный лечебно-профилактический бальзам. Каждому — мудрый наставник. Ее можно характеризовать как возвышенный гимн поэтессы Любви к Родине, к людям, к Земле и ко всему живому, что населяет нашу Планету.

В стихах выдержан высокий художественный уровень. Любое стихотворение этой замечательной, полезной книги может послужить поводом для вдумчивого разговора о поэзии, прозе, культуре и обо всей жизни. Произведение не только доставит удовольствие от чтения, но обогатит читателя.

Уместным здесь считаю подчеркнуть и оригинальность художественного оформления книги, всецело отражающего время и особенность нашей эпохи, а также расположенных на страницах цветных инсталляций, высвечивающих характерную образность авторских строк.

И если первую главу мудро завершает стихотворение «Материнский завет», а в третьей — авторской находкой для подведения итога всей цельной ткани материала являются слова А. С. Пушкина «! ВОБЮЛИ-МАНС» — «С НАМИ ЛЮБОВЬ!», несомненно, следует подчеркнуть главное — именно они, каждый в своем звучании и в совместной слитности, являются восхитительной огранкой всего сборника.

Надежда Перцева Портретная журналистика в современной районной прессе Липецкой области

Аннотация: Актуальные тенденции в сфере СМИ оказывают значительное влияние не только на федеральные издания и телеканалы, но и на периодику местного уровня, в том числе на выбор наиболее востребованных жанровых форм. В статье исследуется портретная журналистика в местной прессе на примере газет Липецкой области. Рассмотрено понятие портретной журналистики, жанровые формы, используемые в СМИ для создания документального образа человека, а также средства его создания.

Ключевые слова: портретная журналистика, местная пресса, районная газета, портретные и «околопортретные» тексты.

Портретная журналистика представляет значительный интерес для исследователей современных тенденций в массмедиа. Но основное внимание они уделяют федеральным средствам массовой информации и телевизионным форматам. Местные издания, как правило, остаются в стороне. Какие тенденции в подаче портретных текстов можно наблюдать сегодня на страницах районных газет? Каков типичный герой «малой» прессы? Уделяют ли вообще локальные издания внимание портретным текстам или выполняют лишь функции официального источника местных новостей и площадки для обмена мнениями, являясь в первую очередь оперативным информационным каналом, как об этом пишут в своих работах А. А. Грабельников [1], С. Г. Корконосенко [4] и др.?

Ответы на эти вопросы в полном объёме невозможно найти в трудах современных авторов. В нашей стране районные газеты представлены достаточно широко, и, несмотря на влияние общемировых и всероссийских тенденций, в различных регионах ситуация в сфере СМИ складывается по-разному. При этом свежих исследований, посвящённых портретной журналистике как таковой, практически нет. Это позволяет говорить о недостаточной степени изученности темы научным сообществом, а значит, и об актуальности нашего исследования.

Изложенное выше позволило сформулировать его гипотезу. Районные издания в наше время предпочитают информационные жанры, позиционируя

себя как официальный источник локальных новостей и оперативный новостной канал. Это приводит к тому, что тексты о людях (портретные публикации) занимают на страницах местных газет незначительную часть общей площади, они небольшие по объёму, в основном «околопортретные», а не собственно портретные. О герое в них рассказывают в связи с определённым событием, например, в преддверии профессионального праздника, личность человека полностью не раскрывается, представляется лишь одна (или немного) сторон его жизни.

Эмпирическую базу составили публикации районных газет Липецкой области «Сельский восход», «Донские вести», «Задонская правда» за ноябрь 2018 — январь 2019 года. Эти издания были выбраны случайно. Согласно рейтингу районных газет за третий квартал 2018 года, составленному специалистами Управления информационной политики Липецкой области, в котором оценивается содержание и дизайн изданий, «Донские вести» находятся в лидерах, «Сельский восход» располагается посередине рейтинга, а «Задонская правда» занимает одну из последних позиций. Таким образом, анализ столь различных газет позволяет составить более полное представление о тенденциях, характерных для районных изданий данного региона.

Понятие портретной журналистики тесно связано с понятием «портрет». Последнее, прежде чем занять своё место в сфере журналистики, неоднократно уточнялось и изменялось, приспосабливаясь к различным сторонам жизни человека. В журналистике понятие «портрет» употребляется в широком значении и обозначает «художественное изображение, образ литературного героя».

Портретная журналистика — это часть журналистики, предметом отражения в которой являются люди, личности. Портретные жанры тесно связаны с понятием интенции — определёнными характеристиками героя текста, которыми руководствуется автор при создании портрета. При этом важнейшим критерием портретности по-прежнему остаётся сходство изображения с оригиналом. В случае с журналистским портретом оно достигается за счёт передачи духовной (внутренней) сущности героя, а также типичных для его эпохи и социальной среды черт и индивидуальных особенностей. Совокупность уникальных и типичных для определённых социальных групп качеств и составляет основу личности.

Об авторе: Надежда Перцева — выпускница факультета журналистики ВГУ 2019 года, редактор отдела социальных проблем районной газеты «Сельский восход», с. Измаково, Липецкая область.

В узком понимании портретная журналистика включает в себя только собственно портретные публикации — журналистские материалы с главным акцентом на герою и отражении его личности.

Широкое понимание «портретной журналистики» включает в себя не только «портретные», но и «околопортретные» публикации, в которых личность отражается в связи с чем-то социально значимым. В таких текстах герой по-прежнему играет ключевую роль, но журналист не ставит перед собой задачу раскрыть личность человека в полной мере. Он может лишь в некоторой степени коснуться его профессиональных или личностных качеств в связи с определённым информационным поводом.

Героем портретного текста, по мнению большинства исследователей, может стать любой человек. Многие из авторов исследовательских работ предлагают определённые классификации портретов. Так, А. В. Колесниченко выделяет четыре типа героев: «наши знакомые», «андердог», «потерянные души» и «идолы» [3, с. 87–90]; М. И. Шостак — три типа: «встреча для вас», «человек на своём месте», психологический портрет [6, с. 40–49].

В журналистском сообществе сложилось несколько подходов к классификации жанров, свойственных портретной журналистике. Но они во многом схожи. Большинство исследователей выделяет жанр портретного очерка или портрета, основа которого — рассказ о человеке, его жизни и мнениях. Главная задача автора портретного очерка — дать аудитории определённое представление о герое своей публикации, показать, каким ценностям он служит и в чём видит смысл своего существования (по А. А. Тертычному) [5, с. 250]. А. В. Колесниченко разделяет жанры «портрет» и «портретный очерк». В основе первого — формула «Человек = Семья + Работа», в основе второго — жизнь человека, но не сама по себе, а как иллюстрация общественно значимого явления или проблемы [3, с. 194–202]. М. Н. Ким выделяет биографический, политический, психологический и портретно-проблемный очерки как разновидности портретного очерка [2, с. 120].

Особое место среди портретных жанров занимает портретное интервью. Цель жанра — раскрыть личность собеседника, «нарисовать его портрет» при помощи вопросов, отвечая на которые, человек проявит себя с новой стороны. Портретное интервью также имеет несколько разновидностей. Так, например, М. Н. Ким выделяет событийное, портретное, юбилейное и политическое интервью [2, с. 95].

Также среди портретных жанров в классификациях исследователей довольно часто встречаются портретная зарисовка и портретный репортаж.

Журналист, который создаёт образ героя на страницах печатного издания, использует определённый набор образных элементов. Среди них можно выделить деятельностную, речевую, портретную и предметную характеристики, деталь, пейзаж. Все эти компоненты одновременно используются крайне редко. Чаще всего журналист выбирает какую-то их комбинацию. Выбор зависит от задач, которые он перед собой ставит.

Таким образом, в профессиональном журналистском сообществе на сегодняшний день сложился достаточно устойчивый подход к портретной журналистике, к понятию, жанровой классификации и методам работы, используемым в средствах массовой информации. Но изменения, которые постоянно происходят в сфере массмедиа, неизбежно влияют и на портретные жанры, в первую очередь на частотность и периодичность их использования на страницах прессы, в радио- и телеэфире. Приоритет отдаётся оперативной новостной информации, информационным и аналитическим, а не портретным интервью. Свойственны эти особенности во многом и районной прессе. Как отмечают исследователи, вышеперечисленные тенденции влияют и на жанровую палитру портретных текстов. Довольно часто можно наблюдать диффузию жанров. При этом портретные (и иные) тексты на страницах газет уменьшаются в объёме. Газетчики стремятся разместить на полосе как можно больше небольших информационных заметок вместо, например, одного портретного очерка. На этот выбор журналистов влияют и изменяющиеся предпочтения аудитории, которая отвыкла от «долгого» чтения.

В подаче портретных текстов на страницах районных изданий «Сельский восход», «Задонская правда» и «Донские вести» можно выделить несколько общих тенденций.

В первую очередь, это схожесть героев публикаций, большинство из которых — простые сельские труженики. Встречаются, конечно, и исключения, когда газета пишет об известных за пределами района людях. Но все они так или иначе связаны с районом: либо родились здесь, либо посвятили значительную часть жизни работе в нём. Если говорить о типах героев (по классификации А. В. Колесниченко [3, с. 87–90]), то в основном встречаются «наши люди», значительно реже «андердог». Типов «потерянные души» и «идолы» за исследуемый период выявлено не было.

Также стоит отметить некоторую шаблонность в структуре большинства портретных публикаций. Многие из них, к сожалению, похожи на краткие биографические справки о героях. Особенно это свойственно текстам, которые мы условно назвали «юбилейными». Их герои — долгожители района или супружеские пары-юбиляры. Авторы, как правило, ограничиваются кратким описанием жизни своих героев, не вдаваясь в подробности. Лишь в некоторых текстах чувствуется творческий подход, когда журналист старается подойти к поставленной задаче с новой стороны. В таких публикациях основное внимание уделяется не фактическим сведениям: где человек родился, в каком году окончил школу, куда поступил и в какой воинской части служил. Автор останавливается на интересных деталях, случаях из жизни, которые повлияли на судьбу и мировоззрение героя. Такой подход позволяет выделить материал среди ему подобных, привлечь и удержать внимание читателя.

Шаблонность наблюдается в подаче не только «юбилейных» публикаций, но и материалов о представителях профессии. Особенно это заметно, когда авторы текстов останавливаются лишь на одной — профессиональной — стороне жизни героя, обходя вниманием личную жизнь и увлечения. В таких случаях материал сводится к описанию должностей, которые занимал герой в тот или иной период своей жизни, в чём заключались его обязанности (об этом, как правило, написано сухим официальным языком), какими профессиональными наградами был отмечен. Именно поэтому большинство текстов о работниках той или иной сферы можно назвать «околопортретными». Личность героя раскрыта в них лишь поверхностно, иногда в публикациях нет даже его прямой речи (речевой характеристики), не говоря уже о деятельностной характеристике, которая могла бы помочь читателю сформировать более живой и детальный образ реального человека, живущего рядом с ним — со своими реальными проблемами и повседневными трудностями. К сожалению, авторы упускают это из виду, и портреты героев получаются безликими и однотипными. Все они «ответственные работники, грамотные сотрудники и высококвалифицированные специалисты». За этими клишированными фразами не видно самих людей, их мироощущения и характера.

В текстах, где авторы применяют формулу А. В. Колесниченко «Портрет = Работа + Семья», образы героев раскрыты гораздо лучше. Используются пейзажные зарисовки, речевая и деятельностная характеристики, в отдельных случаях детали, которые помогают сделать повествование более образным. При этом встречаются материалы, где семейная и профессиональная жизнь показаны фрагментарно, перечислены «сухие» факты, за счёт чего публикация снова становится похожа на краткую биографическую справку. Такие тексты не выполняют поставленных перед ними задач, а потому лишь с большой долей условности могут быть названы портретными.

Если рассматривать количественные показатели, можно отметить, что объём и периодичность выхода портретных публикаций несколько разнятся. Так, в «Сельском восходе» и «Донских вестях» материалы значительно объёмнее тех, что можно найти в «Задонской правде». В задонском издании средний объём публикаций — до 2 тысяч знаков, в «Донских вестях» и «Сельском восходе» — 4–5 тысяч. В последнем издании встречаются публикации, в которых около 13 тысяч знаков.

Анализируя периодичность публикаций, можно заметить, что в «Задонской правде» портретные тексты обнаруживаются лишь в каждом третьем номере, а в «Сельском восходе» и «Донских вестях» они встречаются практически в каждом. При этом, если в некоторых выпусках портретные материалы отсутствуют, то в других можно найти до 3–4 публикации подряд.

Отдельно стоит остановиться на жанровой палитре портретных текстов. В основном среди них можно выделить материалы очеркового типа. Они

представляют собой краткий рассказ о герое, в котором, как мы уже отмечали выше, авторам не всегда удаётся раскрыть его образ в полной мере. Тексты представляют собой либо краткие биографические справки, либо материалы, в которых показана только одна сторона жизни персонажа (профессиональная, личная). В результате публикации не в полной мере выполняют задачи, которые ставятся перед портретным очерком как жанром. Их можно отнести скорее к «околопортретным» публикациям.

Полноценными очерками можно назвать немногие из проанализированных нами текстов. В их числе, например, публикация о Нине Шеларь «Рифмы сердца в прозе жизни». Дело не в том, что текст и его элементы (иллюстрации, врезки, цитаты) занимают целый газетный разворот. В материале рассмотрены многие проблемы современности сквозь призму жизненного пути героини, её ценностей и приоритетов; характер представлен читателю в нескольких ракурсах, дана подробная речевая и деятельностная характеристика человека.

Гораздо реже в изданиях встречаются портретные публикации других жанров. В выпусках, взятых нами для анализа, можно найти лишь несколько портретных интервью и зарисовок.

Исследование, целью которого стал анализ использования портретных текстов (с учётом таких их характеристик, как периодичность, объём, тип героев, структура, жанр, образные элементы), создаваемых журналистами районных газет, а также выявление тенденций, свойственных портретной журналистике районной прессы в зависимости от целей, задач и приоритетов издания, показало, что ситуация в районных изданиях существенно отличается от той, которую можно проследить сегодня в СМИ федерального уровня.

Это во многом связано с тем, что районная периодика обладает целым рядом особенностей, характеризующих её как тип прессы, наиболее близкий к читателю. Коллективы редакций стремятся поддерживать как можно более тесную связь с аудиторией, что влияет на всю редакционную политику, в том числе и на использование портретных жанров, в особенности на их периодичность, объём и жанровые формы, к которым журналисты обращаются наиболее часто.

Исследование позволило обозначить основные тенденции, которые прослеживаются в подаче портретных текстов на страницах современных районных газет. Как выяснилось, здесь играют роль не только тематическое своеобразие районных периодических изданий и творческие приоритеты журналистов, работающих в них, но и глобальные тенденции, которые прослеживаются в сфере СМИ. Среди изданий ещё остаются такие, для которых важно быть не только оперативным новостным каналом, но и уделять внимание простому сельскому труженнику и рядовому жителю села (учителю, врачу, культработнику), своему потенциальному подписчику, рассказывать жителям района об их земляках, которые живут и трудятся с ними бок о бок.

Это выражается в первую очередь в схожести портретных публикаций, начиная с выбора однотипных героев — простых людей (тип «наши знакомые» по классификации А. В. Колесниченко) [3, с. 87–90]. К сожалению, по тем или иным причинам журналистам районных газет не всегда удаётся рассказывать о каждом новом герое по-новому. Достаточно часто можно наблюдать некоторую шаблонность в структуре публикаций о людях, многие из которых больше напоминают краткие биографические справки, чем полноценные портретные тексты. В таких «около-портретных» публикациях можно отметить минимальный набор используемых образных средств. В большинстве случаев автор ограничивается несколькими деталями и речевой характеристикой, гораздо реже встречается пейзаж или деятельностная характеристика. Из-за этого герои становятся похожими друг на друга, в текстах раскрываются лишь типичные черты (например, представителей той или иной профессии), индивидуальным чертам уделяется крайне мало внимания. Это затрудняет полноценное знакомство аудитории с героями журналистских материалов.

Решение поставленных нами исследовательских задач позволило выявить и индивидуальные особенности районных газет. Они выражаются в первую очередь в периодичности публикации портретных текстов. Так, в «Задонской правде» материалы о людях встречаются в три раза реже, чем в «Сельском восходе» и «Донских вестях». В двух последних изданиях портретные тексты можно встретить практически в каждом номере, а в отдельных выпусках размещалось даже несколько материалов.

Индивидуален подход в каждом из взятых нами для анализа изданий и к вопросу об объёме портретных публикаций. В «Задонской правде» средний объём до 2 тысяч знаков, а в «Донских вестях» и «Сельском восходе» — 4–5 тысяч. При этом коллектив редакции газеты «Сельский восход» не стремится полностью отказаться от больших текстов и перейти, по примеру «Задонской правды», на формат дайджеста (как можно больше кратких заметок на одной полосе каждого номера). Наоборот, в издании можно встретить достаточно большое количество объёмных, хорошо структурированных публикаций (с врезками, крупными фотографиями, инфографикой).

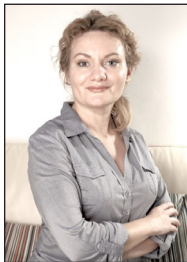
Гипотеза исследования подтвердилась частично. Современные районные издания, действительно, стремятся к тому, чтобы стать оперативным новостным каналом, но не ограничиваются лишь информационными жанровыми формами. Среди них есть такие, в которых, как мы и предполагали, тексты

о людях (портретные публикации) малы по объёму и публикуются достаточно редко в сравнении, например, с информационными материалами («Задонская правда»). При этом встречаются среди районных газет и такие, в которых человек занимает ключевое место. Героем публикации в них может стать практически каждый житель района. Ярким примером подобных изданий служит газета «Сельский восход». Среди публикаций здесь встречаются портретные тексты, объём которых достигает 13 тысяч знаков. В январе 2019 года коллектив газеты приступил к реализации проекта «Живая тема», идея которого — встречи и откровенное общение с жителями Измалковского района, внесшими большой личный вклад в развитие и судьбу малой родины. Несмотря на то, что не все тексты о людях, опубликованные в ней, можно назвать собственно портретными (прослеживается некоторая шаблонность в «юбилейных» текстах и публикациях о представителях профессий; личности героев не всегда достаточно хорошо раскрыты), сотрудники редакции, как правило, стремятся найти к каждому из героев индивидуальный подход.

Тема, взятая нами для исследования, требует дальнейшего изучения, в ходе которого можно было бы проследить тенденции развития портретной журналистики в районной прессе различных регионов и страны в целом. Это позволило бы высказать обоснованные предположения о дальнейшем развитии портретной журналистики в местных изданиях, в том числе ответить на вопрос: продолжит ли районная газета трансформироваться в дайджест региональных и федеральных изданий и трибуну для представителей муниципальной власти или сместит фокус на подготовку полноценных аналитических и художественно-публицистических публикаций, важное место среди которых будут занимать портретные тексты.

Литература

1. Грабельников А. А. Работа журналиста в прессе / А. А. Грабельников. — М.: Рипхолдинг, 2007. — 222 с.
2. Ким М. Н. Жанры современной журналистики / М. Н. Ким. — СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2001. — 336 с.
3. Колесниченко А. В. Настольная книга журналиста: учебное пособие / А. В. Колесниченко. — М.: Аспект-пресс, 2013. — 400 с.
4. Корконосенко С. Г. Основы творческой деятельности журналиста / С. Г. Корконосенко. — СПб.: Знание, 2000. — 272 с.
5. Тertyчный А. А. Жанры периодической печати: учебное пособие / А. А. Тertyчный. — М.: Аспект Пресс, 2000. — 312 с.
6. Шостак М. И. Журналист и его произведение: Практическое пособие / М. И. Шостак. — М.: Гендальф, 1998. — 96 с.

Юлия Уракчеева

Чемпионат мира по футболу 2018 г. как пример национального брендинга

Аннотация: В статье на основе многих публикаций в международных СМИ рассмотрены составляющие и этапы формирования национального брендинга в связи с Чемпионатом мира по футболу 2018 года.

Ключевые слова: футбол, чемпионат мира, бренд, национальный брендинг, имидж.

Чемпионат мира по футболу 2018 стал, наверное, самым значительным спортивным событием в современной России, наряду с Сочинской олимпиадой 2014 года, а также самым дорогим — но и самым прибыльным — чемпионатом в истории ФИФА. Его матчи посмотрели более трех миллиардов телезрителей. Что он принес имиджу России?

Рассмотрим этот вопрос как кейс национального брендинга (nation branding).

Немного теории вопроса

Родоначальником термина *nation branding* стал британский исследователь и правительственный консультант Саймон Анхольт. К единому определению национального брендинга исследователи еще не пришли, но в целом это практика формирования и транслирования целевой аудитории определенно имиджа страны. Явление начали обсуждать, когда концепция «мягкой силы» (термин *soft power* ввел в обиход политолог Джозеф Най) встретила с маркетингом, который в эпоху глобализованных экономических связей стал актуален и для государств. Национальный брендинг отличается от публичной дипломатии именно потому, что мыслит страну в рыночных терминах, как продукт, который может продаваться лучше или хуже (приносить инвестиции,

Об авторе: Юлия Уракчеева – практик и исследователь в области массовых коммуникаций и PR. В 2003 г. закончила магистратуру факультета филологии и журналистики Ростовского государственного университета (сейчас ЮФУ). С 2001 года работала журналистом в ряде ростовских СМИ, в частности в еженедельнике «Город N», а затем несколько лет работала региональным руководителем по связям с общественностью в крупной международной компании. Сооснователь нишевого коммуникационного агентства *Sova Communications*. В 2019 г. закончила с отличием магистратуру университета *La Sapienza* (Рим), защитив магистерскую диссертацию «Роль мегасобытий в национальном брендинге» (*The Role Of Mega-Events In Nation Branding*).

международные соглашения, политические решения в пользу страны, доход от туризма и экспорта, приток квалифицированных специалистов). Речь может идти как об общем «бренде» (позитивном и самобытном имидже) страны, так и о создании репутации в какой-то конкретной сфере. Чаще всего выделяют четыре направления, в которых государства конкурируют друг с другом с помощью национального брендинга. Это:

- туристический бренд страны — ее привлекательность для путешествий, в идеале повторных;
- привлекательность страны для иностранных инвестиций;
- привлечение талантов (привлекательность страны для переезда на учебу / работу) — имидж «Made in», или «фактор страны происхождения» (является ли плюсом для экспортируемого товара тот факт, что он сделан в Японии / Италии / России и т. д.).

А судьи кто? Существуют десятки рейтингов и ранкингов, измеряющих бренды стран мира по собственной методологии. Они могут основываться на объективных экономических показателях, на экспертных оценках или на международных социологических опросах. Далее в этой статье будут цитироваться наиболее авторитетные из них: основанный С. Анхольтом *Nation Brand Index (NBI)*, его конкурент с оригинальной методологией *FutureBrand Country Index (FCI)* и масштабный аналитический проект «Лучшие страны» от *US News & World Report*. Кроме того, о силе бренда судят по опросам общественного мнения, экспертным оценкам (в частности — инвестиционным рейтингам и прогнозам) и непосредственно поведению целевой аудитории.

Международные **мегасобытия** — то есть масштабные, широко освещаемые мероприятия, вызывающие массовый интерес и эмоциональную вовлеченность — дают принимающей их стране уникальную возможность для национального брендинга. В том числе поэтому страны так добиваются права провести Олимпиаду или Чемпионат мира по футболу. К мегасобытиям другого рода можно отнести конкурс «Евровидение» или Экспо (Всемирные выставки), проводимые в неизменном формате, но со сменой локации. Впрочем, единственное, что обеспечивает сама природа проводимого события — это сфокусированное внимание огромной аудитории. Как использовать эти «лучи прожекторов»? Транслировать смыслы. Рекламирывать сильные стороны националь-

ной идентичности. Привлекать туристов. Разрушать негативные стереотипы (в идеале — не вместо, а после реальных реформ, в случае, если стереотипы сложились небезосновательно). Для этого применяется много техник из пиара, коммерческого брендинга, символические действия (в том числе создание визуальной айдентики), делаются официальные заявления, привлекаются бренд-амбассадоры и т. д. Чаще всего проведение мегасобытия способно оказать влияние на общее восприятие страны или города проведения и на туристический бренд. Привлечение инвестиций, талантов и продвижение товаров «Made in ...» — задачи, гораздо меньше соответствующие эмоциональной, праздничной природе мегасобытий.

Где мы?

К моменту начала проекта ЧМ-2018 международный имидж России был противоречивым. Многие высказывали мнение, что Россия «застряла» между своим прошлым и нынешним образом, или, как формулирует публицист Л. Бершидский, «колеблется между тем, чтобы закрыться от мира, и тем, чтобы оставаться такой же открытой, как в 90-х». Западные эксперты в подавляющем большинстве случаев изучают Россию с точки зрения ее влияния на геополитическую ситуацию. Очень мало исследований с «пользовательской» точки зрения: насколько привлекательна Россия для посещения, учебы, работы. В целом, она относится к странам, которые, по выражению С. Анхольта, «очень важны, но не всеми любимы».

Рассмотрим некоторые аналитические показатели. В 2012 г. Nation Brand Index (NBI) ставил Россию по сумме всех аспектов имиджа на 41 место из 50. По критерию «Спортивные достижения» она заняла 6 место, но по критерию «Вклад в международный мир и безопасность» — 42-е. Низкими были и показатели восприятия страны как гостеприимной. «Средняя температура по больнице» отличалась в зависимости от национальности респондентов: турки ставили Россию на 13 место, поляки на 49-е. Эта же ситуация наблюдается и в других замерах, например, от Pew Research Center (США): есть медийные цифры, которые при ближайшем рассмотрении оказываются суммой контрастных точек зрения на Россию в зависимости от региона, возраста и политических предпочтений респондентов. Весной 2018 г. опрос общественного мнения от Pew Research Center в 25 странах показал, что усредненное мировое общественное мнение считает глобальную роль России возросшей за последние десять лет. 34% выразили положительное отношение к России.

Что касается привлекательности страны для иностранных инвестиций, агентство Standard & Poor's повысило рейтинг России до ВВВ в феврале 2018-го и позже в том же году его подтвердила, считая, что российская экономика способна противостоять негативным последствиям возможных новых международных санкций.

Другую грань имиджа России — привлекательность для «талантов», т. е. квалифицированных ино-

странных работников и студентов — сложно оценить с помощью генерализованных рейтингов. В ряде стран — прежде всего развивающихся, но также у коллег по БРИКС — престиж российского высшего образования высок. МГУ им. Ломоносова — 33-й в рейтинге *The Times Higher Education World Reputation Rankings* (2018). 22% студентов МГУ — иностранцы. Россия не первая страна выбора для квалифицированных специалистов, но известно, что с середины 1990-х Москва переживала рост притока менеджеров-экспатов и зарубежных специалистов, привлеченных более чем конкурентоспособными зарплатами.

Что касается брендированного экспорта, имиджа товаров «Сделано в России», «гуру» теории национального брендинга Кейт Динни отмечал, что Россия недостаточно использовала эту стратегию. Политолог Грегори Саймонс считает, что ассоциации с советским прошлым слишком устойчивы: «Такие известные бренды и товары, как «Правда», балет Большого театра, спутник, «Калашников», «Фаберже» и водка способствуют усилению символов культуры и агрессии» [13]. Миру известен «Газпром», но это из области политики, а не потребления. Среди инновационных товаров, которые можно приобрести, назовем «Антивирус Касперского».

Портал RBTH (Russia Beyond) опубликовал тест «Угадайте, какие из этих брендов российские» — и это оказалось сложно из-за «глобализированных» названий, маскирующих российские бренды под немецкие, итальянские и др. Можно сказать, что российские потребительские бренды еще ищут путь к международному признанию.

Что касается представления россиян о самих себе, есть интересные и довольно противоречивые результаты замеров. Уже упомянутое исследование Pew Research Center весной 2018 г. показало, что россияне считают себя влиятельной нацией: 72% российских респондентов считают роль России на мировой арене более значительной, чем 10 лет назад.

С. Анхольт комментирует опрос россиян, проведенный в 2005 году: они оценивали себя как «лучшие в мире с точки зрения туризма, культуры, людей, инвестиционного и иммиграционного климата и даже пятые в мире по качеству брендированного российского экспорта (интересный случай победы национальной гордости над реальностью ввиду почти полного отсутствия брендированного экспорта). При этом россияне поставили Россию на самое последнее место по критерию «управление страной» [1].

Наконец, посмотрим на то, что представлял собой «туристический бренд» России, ее имидж как направления для туристических поездок. В последние 10 лет власти выражали четкое намерение развивать въездной туризм, но он никогда не был стратегическим направлением. Известные сложности на этом пути — проблемы с инфраструктурой, невысокий уровень сервиса вне столиц, слабое знание английского в России. Визовый режим, относительно сложный, тоже не облегчает России международную конкуренцию за путешественника. В 2011 году на туризм приходилось 2.5% ВВП. В 2017 г., по дан-

ным Всемирной туристической организации ООН (UNWTO), в Россию приехали 22.5 млн. туристов из-за рубежа — примерно столько же, что и в 2010 г. В рейтингах туристической привлекательности Россия всегда имела слабые позиции.

Некоторые потенциально сильные стороны российского туристического бренда вообще не известны. Например, русская кухня: имея богатые, особенные и варьирующиеся от региона к региону гастрономические традиции, страна не рекламирует свою еду. Исследование территориального брендинга в Центральной России [3] показало отсутствие какой-то либо гастрономической информации в большинстве официальных промоматериалов региональных управлений по туризму.

Г. Саймонс обоснованно называет Санкт-Петербург образцом для подражания для других российских городов в привлечении зарубежных туристов и в инвестировании в улучшение инфраструктуры и сервиса. Саймонс считает, что туристического брендинга достойны также Татарстан с его сочетанием мусульманской и православной культуры, Великий Устюг, уже знаменитый в России, но не за ее пределами, и Золотое кольцо. К этому списку можно добавить и вулканы Камчатки, и Байкал, известные узкому кругу активных туристов.

К какому имиджу стремимся?

В принятой в 2016 г новой версии Концепции внешней политики Российской Федерации есть и такая задача из области «мягкой силы» (soft power): «укрепление позиций российских средств массовой информации и массовых коммуникаций в глобальном информационном пространстве и доведение до широких кругов мировой общественности российской точки зрения на международные процессы». Комментируя международный имидж России в последние десять лет, официальные лица делали упор на искажение образа России предвзятыми зарубежными СМИ. Как отмечал Владимир Лебедеко (тогда — начальник департамента в МИДе) в разборе российского кейса в классической книге о национальном брендинге, «настоящие соавторы не соответствующего действительности имиджа России — западные СМИ и информационные центры <...> Примечательно, что опросы общественного мнения показывают: обычные жители западных стран гораздо лучше относятся к России, чем их элиты, особенно СМИ» [6]. Такова была общая позиция в середине 2000-х, когда началась активная работа по выстраиванию имиджа. В 2005 году была организована телесеть *Russia Today* (теперь RT) с целью транслировать российскую точку зрения на важнейшие мировые события. Та же цель у информационного агентства *Sputnik* с контентом на многих языках. Проект RVTN производил приложения к крупнейшим изданиям по всему миру.

Внешние консультанты тоже были вовлечены в выстраивание имиджа России. PR-агентство *Ketchum* в 2006–2014 гг. продвигало Россию как «страну с благоприятным климатом для иностранных инвестиций». В 2008 г. Было основано Россотрудничество,

федеральное агентство, среди задач которого — обеспечивать «объективное восприятие современной России» в мире и укреплять положительное к ней отношение. Вносить свой вклад в формирование имиджа России как высокотехнологичной державы должен проект «Сколково», называемый образно в некоторых СМИ «русской Силиконовой долиной».

Наращивая «мягкую силу», Россия последовательно принимала у себя саммиты международных организаций и крупные международные события.

В чем, собственно, состоит альтернативный образ, который Россия хочет сформировать в отношении себя? Оставляем за скобками политическое позиционирование, которое в двух словах можно охарактеризовать как «одна из важнейших мировых держав», но которое не является предметом рассмотрения этой статьи.

Во многих официальных заявлениях чиновников, в том числе по поводу ЧМ-2018, Россия прямо характеризуется как *открытая, гостеприимная, быстро развивающаяся страна с богатым наследием*.

Ожидания России от Чемпионата мира по футболу 2018 г.

В последние несколько лет Россия последовательно инвестировала в проведение международных спортивных событий: Универсиада-2013 в Казани, зимняя Олимпиада-2014 в Сочи, в 2016 году — Чемпионат мира по хоккею.

Российские власти четко видели имиджевые возможности спортивных соревнований, прежде всего Олимпиады и ЧМ-2018. И не только власти. Перед Сочинской олимпиадой респонденты в опросе ВЦИОМ сообщили, что ожидают от этого события роста престижа страны (52%), развития спорта (48%), роста национального самосознания (26%).

Председатель Оргкомитета Россия-2018 Аркадий Дворкович сказал в телешоу, посвященном подготовке, что принимать Чемпионат — это «огромная выгода с точки зрения восприятия нашей страны в мире — нашей открытости, гостеприимства и готовности работать вместе с партнерами». Гендиректор оргкомитета Алексей Сорокин по тому же поводу упомянул, что мегасобытие может поспособствовать укреплению туристического бренда страны, «но долгосрочный эффект, конечно, потребует реализации целого ряда мер...»

Учитывая, как мало мир знал о России, основной имиджевой функцией ЧМ-2018 должно было стать повышение осведомленности (awareness-raising) широкой публики о российских реалиях, с сопутствующей целью разрушения «русофобских» стереотипов в западных СМИ. Из экономически значимых эффектов от ЧМ ждали увеличение въездного турпотока. Эти ожидания были интерпретированы западными СМИ как государственная цель придать образу России дружелюбия. Так, некоторые аналитики называли ЧМ-2018 «шоу для опровержения западных представлений о российской угрюмости и brutality» (<https://www.counterpunch.org/2018/07/17/putins-football-gambit-how-the-world-cup-paid-off/>).

Интересно, что ни одно международное спортивное или культурное событие последних лет насколько не трактовалось так единодушно, как *проект одного человека*. Если в 2008 году в заголовках материалов о Пекинской олимпиаде в мировой прессе действующим лицом называли Китай, а, например, во время Экспо-2015 в Милане действующими субъектами называли Италию и Милан, в случае с ЧМ-2018 героем заголовков был лично Владимир Путин. ИА *Bloomberg* назвало чемпионат “*Putin’s \$11 Billion World Cup*”. И исследования цитируют его как главного драйвера успеха ЧМ-2018. Британская газета *Guardian* писала в период заявочной кампании: «Страна, и ее лидер в частности, очень хотели извлечь преимущества из этого бума (экономического роста, сильно связанного с рекордными ценами на нефть и другие ресурсы) чтобы снова утвердиться в роли мировой державы. Право проведения Кубка мира по футболу, который увидят сотни миллионов людей по всему миру, безусловно, помогло бы укоренить эту идею, продемонстрировав силу и стабильность».

Международный опрос общественного мнения от Ipsos зафиксировал в целом позитивное отношение к проведению ЧМ-2018 в России. 56% респондентов согласились с утверждением «Я стал думать о России лучше, раз она принимает Чемпионат мира».

Национальный брендинг в действии

Так называемые символические действия (которые С. Анхольт описывает как важный этап любой кампании по национальному брендингу) в случае спортивных мегасобытий выражены в визуальной символике и в шоу на церемониях открытия и закрытия соревнований, символических по своей природе.

Противоречивая эмблема ЧМ-2018 осталась в памяти у многих. Согласно официальному описанию, она изображает собственно кубок и мяч в движении; а также символизирует исследование космоса, иконопись и любовь к футболу. Ее дополнял специально разработанный тем же португальским дизайн-агентством декоративный шрифт «Душа» в старинном русском стиле. По словам В. Мутко, на тот момент министра спорта, источником вдохновения для логотипа стали богатые российские художественные традиции и история амбициозных достижений и инноваций, а президент ФИФА Зепп Блаттер заявил, что логотип отражает «сердце и душу» страны. Затеяливо срежиссированная церемония презентации эмблемы началась с российских космонавтов, которые показали миру эмблему в эфире с борта МКС, а затем изображение эмблемы было спроецировано на фасад Большого театра и показано в вечернем телеэфире. Символизм очевиден: подразумеваются лидерство России в космосе и ее всемирно известный классический балет. Затем в космосе побывал и официальный мяч Чемпионата.

На церемонии открытия ЧМ-2018 отчетливо транслировался месседж равновеликости мирового (в данном случае мировой массовой культуры) и российского. Поп-звезда мирового класса Робби Уильямс спел и соло, и дуэтом с российской оперной дивой

Аидой Гарифуллиной. Активно была задействована в церемонии и супермодель Наталья Водянова — она давно часть мирового бомонда, но не забывает свои корни.

Матч открытия, в котором Россия обыграла Саудовскую Аравию со счетом 5:0, международные СМИ освещали очень благосклонно, с комплиментами уровню организации и игре команды-хозяйки.

Поскольку на период проведения ЧМ-2018 пришелся большой дипломатический конфликт между Россией и Британией, официальных лиц этой страны ни на одном из мероприятий турнира не было: бойкот. На церемонии открытия первых лиц государств было совсем немного, но на финале присутствовали главы обеих стран-соперниц — Франции и Хорватии, и 12 других лидеров. Хотя церемония награждения чемпионов была отмечена неловким моментом с зонтом (во время внезапно начавшегося ливня зонт раскрыли только над В. Путиным — и в соцсетях быстро появились десятки «мемов»), общее настроение и публики, и комментаторов было очень позитивным. Главная причина тому не поддавалась контролю ни с чьей стороны: захватывающий футбол. На ЧМ-2018 каждый матч был по-своему драматичен. Действующий чемпион — команда Германии — выбыла в групповом этапе, сыграли свои дебюты новички Кубка — команды Исландии и Панамы; российская сборная играла неожиданно сильно, и мало кто мог прогнозировать выход Хорватии в финал.

Качество и зрелищность игры автоматически создали в массовом сознании позитивные коннотации с российскими городами, принимавшими матчи. Также и тот факт, что именно на ЧМ-2018 была впервые — и успешно — использована видеосистема VAR, обеспечивающая более объективное судейство, создавало позитивную коннотацию *инновации-Россия*.

Футбол и народная дипломатия

11 российских городов, принимавших матчи ЧМ-2018, прошли многочисленные процедуры «фейслифтинга» и строительства новой транспортной инфраструктуры. При этом «потёмкинские деревни» даже при желании построить бы не удалось из-за расстояний и масштаба события. Следовательно, болельщики, посещавшие матчи в нескольких городах (напомню, владельцы Fan ID имели право на бесплатный проезд по железной дороге к месту проведения матча), увидели настоящую, не туристическую, российскую жизнь. Мир открыл для себя Россию за пределами двух столиц. Футбольный комментатор издания *Guardian* был впечатлен Казанью. Британский актер Том Розенталь написал «Послание к англичанам: придите в Россию и почувствуйте любовь», назвав организацию чемпионата фантастической.

A *Telegraph* составил список удивительных фактов о России.

Но главная роль в этом процессе оказалась не у прессы, а у самих болельщиков и туристов. ЧМ-2018 создал возможность для «народной дипломатии». Около 800 тысяч болельщиков въехали в стра-

ну по Fan ID. Данные по общему числу прибывших на чемпионат, опубликованные различными ведомствами, расходятся очень сильно в зависимости от методики подсчета. По предварительной статистике ФИФА, в структуре спроса на билеты 46% приходилось на россиян, 54% были разделены между многими странами. Топ-10 стран по числу приехавших из них болельщиков: США, Бразилия, Колумбия, Германия, Мексика, Аргентина, Перу, Китай, Австралия и — Англия, несмотря на политическую ситуацию. На каждом матче присутствовали в среднем 47,4 тыс. зрителей. Опираясь на эти данные, несложно оценить, что впервые в истории десятки тысяч иностранцев побывали в Ростове-на-Дону, Самаре, Волгограде, Саранске — городах, никогда не переживавших прежде такой концентрации зарубежных гостей. Атмосфера международного праздника проникла туда, куда никогда не проникла. Некоторые болельщики из Австралии, Китая и Японии приехали на матчи в европейскую часть России по Транссибу — так казалось логистически удобнее. Даже в привыкшей к потоку иностранных туристов Москве улица Никольская, ставшая основным местом спонтанного празднования, преобразилась и напоминала «Лондон Восточной Европы, улицу Пикадилли в самый звездный ее час», по выражению журналиста Леонида Парфенова.

Российская жизнь, увиденная болельщиками, контрастировала с самыми распространенными стереотипами: они нашли вкусную еду и неплохое пиво, дешевое такси, чистые центральные кварталы, бесплатный wi-fi, быстрое метро, круглосуточные магазины и аптеки. Они познакомились с местными, фотографировались с ними и вместе праздновали в фан-зонах и новых барах с англоязычными вывесками. Результатом стала волна свидетельств в персональных текстовых и видеоблогах; причем у блогеров из западных стран преобладала риторика «все вовсе не так плохо, как пишут наши СМИ». Вернувшись домой, приятно удивленные болельщики стали «адвокатами» — или «посланниками бренда» — России на многие годы. Ярким примером можно назвать видео 17-летнего лондонского видеоблогера и футбольного фаната Тогдена «Ожидания vs реальность в России» (Thogden. “Expectations vs Reality In Russia”), которое он записал вместе с отцом после их поездки на ЧМ-2018. Сюжет получился около 560 тысяч просмотров (по состоянию на 20.08.2019). Как сказано в одном из комментариев к видео: «Тот случай, когда парень со своим отцом за 2 недели сделали для улучшения отношений между гражданами двух стран больше, чем правительства этих стран за 10 лет».

Видео было посвящено разоблачению русофобских мифов британского массового сознания. Миф «Русские хулиганы избьют тебя в ту же минуту, как ты приедешь» был опровергнут их опытом общения с множеством открытых и приветливых людей, миф «Русские угрюмы» пал, когда в Самаре им купили пирог, а кто-то бесплатно подвез до стадиона, мифу «Русские ненавидят англичан» пришлось противо-

поставить тот факт, что «оба наших народа любят чай», а русские знают и любят английскую культуру. Россия — серая страна? Миф. Судя по волжским пейзажам, она заслуживает стать популярнейшим туристическим направлением. Ну а Санкт-Петербург — «один из красивейших городов Европы». Единственное, что не понравилось лондонцам — политика авиакомпании «Победа», которая берет деньги с родителей за возможность получить место на борту рядом с детьми.

Эффект «сарафанного радио» и свидетельств очевидцев — лучшая реклама России для новых потенциальных туристов. В деле разрушения стереотипов «народная дипломатия» может оказаться гораздо более эффективной, чем контролируемые СМИ. И это главное пиар-наследие ЧМ-2018.

Итоги

Успех России в проведении Чемпионата мира был признан ФИФА, международными СМИ и собственными очевидцами соревнований.

Российские власти заявили, что это был успех для имиджа страны. В. Путин сказал после финального матча: «Миллионы людей изменили свое мнение о нашей стране» (это была часть ответа на вопрос журналиста «Чувствовали ли вы себя победителем сегодня?») [18]. А. Дворкович комментировал, что национальный имидж теперь больше соответствует реальности, и это создает базу для доверия, открытости и новых международных партнерств.

Президент ФИФА Джанни Инфантино, как будто отвечая, заявил: «Все увидели прекрасную гостеприимную страну, которая хочет показать миру, что все, что говорилось раньше, может и не правда. Многие предрассудки изменились, потому что люди увидели настоящую Россию». Инфантино объявил ЧМ-2018 лучшим Кубком Мира за всю историю (а по другому поводу назвал его также и «самым красивым»). И у него были на это причины.

Согласно финансовому отчету ФИФА за 2018 г., «за цикл 2015–2018 доход ФИФА достиг новой высоты — 6,421 млн. долларов США, из которых 5,357 млн. или 83% приходится на доходы от Кубка мира-2018 в России, самого прибыльного чемпионата в нашей истории» [8].

Президент США Дональд Трамп в своем Твиттере отметил «фантастическую работу России» во время Кубка мира. На следующий день после закрытия турнира в Хельсинки прошел саммит Россия-США.

По официальным данным, на подготовку и проведение турнира Россия потратила 688 млрд. рублей. Оргкомитет Россия-2018 в своем специальном исследовании сделал вывод, что суммарный вклад ЧМ в ВВП составил около 17 миллиардов долларов (952 миллиарда рублей), что превышает эффект от проведения Кубка мира в Бразилии, Южной Африке, Германии и Южной Корее и близко к показателю, достигнутому в Японии в 2002 г. В относительных величинах, экономический эффект от ЧМ-2018 был около 1.1% от годового ВВП. По прогнозам, — долгосрочный ежегодный эффект ЧМ-2018 для ВВП России

после проведения чемпионата в перспективе 5 лет составит 150–210 млрд. рублей, из которых третья часть приходится на увеличение туристического потока в Россию.

Как отмечает эксперт в брендинге территорий Ирина Шафранская (ГУ ВШЭ), хорошая погода, неформальное гостеприимство и сам чемпионат сделали даже самые нетуристические города привлекательными для туристов, но это краткосрочный эффект. Пост-эффект от эксперимента с безвизовым въездом для владельцев Fan ID был подсчитан в исследовании Сбербанка. Согласно ему, каждый десятый иностранный болельщик вернулся в Россию в августе-декабре 2018 года или просто задержался подольше после окончания чемпионата. Они составили 5,4% от общего турпотока в Россию в 2018 г. Было подсчитано, что их траты по банковским картам в этот период составили по крайней мере 9,9 млрд. рублей. Самыми посещаемыми городами и регионами предсказуемо стали Москва, Санкт-Петербург, Краснодарский край и Татарстан. Туристический бизнес счел этот результат позитивным. Российский союз туроператоров предложил правительству меры по дальнейшему упрощению визовых процедур для иностранных туристов и введению системы электронных виз.

В финальном отчете Оргкомитета приводятся результаты опроса иностранных болельщиков на стадионах во время матчей чемпионата. 84% опрошенных сказали, что изменили свое мнение о России к лучшему после ЧМ и планируют вернуться, а 90% порекомендовали бы друзьям и родственникам побывать в России [16].

Еще один небольшой опрос для полноты картины. Британское издание *Telegraph* поместило на своем сайте опрос «ЧМ-2018 пробудил в вас желание посетить Россию?» с вариантами ответа «Нет, такие места не по мне» (37%), «Совершенно точно да, выглядит потрясающе» (39%) и «Я уже побывал в России» (24%).

Что касается позиций России в репутационных рейтингах, их новые издания (основанные на данных, собранных после завершения ЧМ-2018), за редким исключением, еще не публиковались, и это затрудняет анализ «было-стало». В индексе FCI (июнь 2019 г.) Россия находится на 27 месте по репутации среди стран мира, на 4 позиции выше, чем в предыдущем выпуске FCI (2014–2015).

Рэнкинг «Лучшие страны» USNews & World Report в 2019 г. ставит Россию на 24 место, на 2 позиции выше, чем в прошлом году. Понятно, что влияние ЧМ-2018 на эту динамику можно только предполагать. В этом рэнкинге основным фактором репутации в России стала «Сила» (Power) — критерий, включающий военную мощь, лидерство, участие в сильных международных альянсах, экономическое и политическое влияние. Другая категория, где оценки России выше средних — «Динамичность», в частности потому, что Россия воспринимается как самобытная (distinctive).

Издание 2019 года швейцарского IMD World Competitiveness ranking (Мировой рейтинг конкурентоспособности), как и в 2018 г., ставит Россию на 45 место из 63.

Наконец, в знаменитом Всемирном Индексе Счастья (World Happiness Index), где в этом году лидирует Финляндия, а за ней Дания и Норвегия, Россия находится на 68-м месте.

Реакция зарубежных СМИ. Около 5000 журналистов было аккредитовано на ЧМ, в основном, естественно, спортивные комментаторы и фотографы, но также и репортеры общего профиля, и московские корреспонденты зарубежных общественно-политических СМИ. В освещении ЧМ-2018 в европейских массмедиа, по большей части одобрительном, был очень заметен нарратив ломки стереотипов.

Во время чемпионата медиаконтент был в основном визуальным, ключевое внимание было сосредоточено на самом футболе, на лучших моментах игр и эмоциях болельщиков. После окончания чемпионата пришло время аналитиков и колумнистов, подводящих итоги мегасобытия по всем параметрам. Многие комментировали изменение политического имиджа России в уже упоминавшейся парадигме *проекта одного человека*.

Многолетний корреспондент Би-би-си в Москве Стив Розенберг счел ЧМ-2018 «громким пиар-успехом» для Путина: «потрясающие новые стадионы, бесплатные железнодорожные поездки в города турнира и отсутствие агрессивных толп впечатлили приехавших болельщиков. Россия произвела впечатление доброжелательной и гостеприимной: очевидный контраст с авторитарным имиджем страны. Все иностранные болельщики, с которыми я говорил, были приятно удивлены» [12]. Однако в том же самом материале мегасобытие названо «кратким визитом в страну Оз», по окончании которого «задачкой для Кремля будет конвертировать краткосрочный пиар-успех в долгосрочный дипломатический эффект».

Guardian в остроумной колонке «17 вещей, которые мы узнали на ЧМ-2018 в России» включила в этот список пункт «Все еще нет лучшего способа отмыть репутацию режима». *Guardian* опубликовал и детальную аналитику:

«С Чемпионатом мира Россия наконец-то немного меняет свои послы. Сотни тысяч иностранцев видят, что у России есть приятные стороны. Годами для российских чиновников было проще кричать о русофобии, чем открыться и показать другую сторону страны. Может, это и временное явление, и оно не отменяет темных сторон, но его определенно стоит приветствовать».

Другая британская газета *Independent* в материале «Кубок мира помог России показать себя в лучшем виде — и мир улыбнулся в ответ» вторит этому месседжу.

«Конечно, это братание с Россией должно будет пройти проверку реальностью. Тут всё-таки идёт снег в другие времена года, никакой восторг болельщиков не может спрятать некоторые серьезные политические проблемы, а критики будут говорить, что президент Владимир Путин использовал чемпионат для очистки международного имиджа, который все больше становился имиджем парии. Но все-таки славным летом 2018 года Россия приняла свой лучший вид — и мир улыбнулся в ответ» [15].

Типичный подход международных СМИ может быть описан как «это была действительно прекрасная всемирная вечеринка, но не будем забывать о политической ситуации». Вот еще несколько заголовков после окончания ЧМ:

ESPN (США): *Наследие Кубка ФИФА в России нужно оценивать на уровне людей, а не политики.*

Forbes (США): *Кубок мира 2018: Победы России на поле и за его пределами.*

The Economic Times (Индия): *Нет 'хулиганской культуры': Кубок мира не запятнал, а улучшил репутацию России.*

The Advertiser (Австралия): *Забудьте игру на поле; Путин — настоящий победитель Кубка мира в России.*

The Telegraph (Великобритания): *У России никогда не получалось с туризмом — Кубок мира изменит ситуацию?*

Reuters (США): *Кубок мира по футболу — детокс для глобального бренда России.*

TV Mediaset (Италия): *Россия 2018, самый красивый Кубок мира, запоминаться истории.*

Изменения в восприятии себя. ЧМ-2018 — показательный пример феномена, когда позиционирование страны, принимающей спортивное мегасобытие, становится игрой на двух уровнях. Образ, проецируемый на зарубежную аудиторию, «интернализуется»: жители страны усваивают этот сгенерированный образ как новое восприятие самих себя (разумеется, если он им нравится). Комментарии в социальных сетях, наблюдения и многочисленные свидетельства показывают, что ЧМ-2018 усилил у россиян позитивное восприятие себя как страны, как нации. Удивительно удачное выступление национальной сборной и всеобщие похвалы Кубку мира дали повод праздновать и испытывать чувство национальной гордости. Как пишет Ю. Сапрыкин в широко цитируемой колонке в Esquire, «общество как будто обнаруживает, не без удивления, что ему не стыдно быть хорошим. Что русские — норм». В опросе ВЦИОМ 60% респондентов-россиян ответили, что ЧМ позитивно повлиял на имидж России в мире.

“Что дальше?”

Эффект от Кубка мира, как и от любого мегасобытия, краткосрочен. Германия после успешного проведения ЧМ-2006 поднялась в топ репутационного рэнкинга NBI в 2007 и 2008 годах, но ничего не делала для закрепления своего изменившегося имиджа, и люди быстро вернулись к своим прежним представлениям о Германии, как комментирует С. Анхольт. Постоянство, системность в выстраивании репутации и в транслировании ключевых сообщений, подтверждающих заслуженность этой репутации — необходимы для подкрепления достижений от мегасобытия. Например, Кубок мира стимулировал интерес к России как к туристическому направлению. Эксперимент с Fan-ID показал, что безвизовый въезд вполне способен увеличить турпоток в Россию. В качестве следующей меры по развитию туризма недавно принятый указ с 2021 года вводит упрощенную процедуру электронных туристических виз для жителей многих стран. Это можно назвать последовательной мерой.

Другой большой задачей по развитию сервиса должно стать повышение уровня знания английского. Многие опрошенные иностранные болельщики называли слабым понимание английского в России единственной сложностью в их в целом прекрасном опыте пребывания в городах Чемпионата.

Интересно, что на институциональном уровне Россия укрепляет свои позиции как глобального игрока туристической индустрии, проводя генеральную ассамблею UNWTO в Санкт-Петербурге в этом сентябре.

Надо отметить, что развитие туризма после исчезновения повода — задача сложная. Так, Бразилия с ее великолепной природой зарегистрировала лишь очень маленький рост турпотока после успешного проведения Кубка мира в 2014 г. После зимней Олимпиады 2014 года иностранные туристы и лыжники приезжают в Сочи, но в количестве, не позволяющем говорить о превращении региона в международный курорт.

ФИФА — так же, как и МОК во время Олимпийских игр, — руководствуется правилом отделения спорта от политики и каких бы то ни было национальных предрассудков. ЧМ-2018 был воспринят позитивно именно благодаря следованию этому правилу. Но сейчас Россия попадает в повестку западных СМИ и аналитические комментарии, прежде всего, как политически влиятельное государство, задействованное к тому же в нескольких конфликтных ситуациях.

Как отмечают Дж. Най и С. Анхольт, высокий статус страны не равен высокой степени ее привлекательности. Когда нация, насколько бы сильной и влиятельной она ни была, рассматривается через призму «нации-бренда», она должна быть *'user-friendly'*, потому что никакой бренд в силу своей природы не функционирует вне коммуникации со своей целевой аудиторией. Когда житель Перу, или Шотландии, или Японии слышит о России, суть возникающих у него вопросов прагматична и проста: «А лично для меня что в этом?». И задача России, как и любой страны, равнодушной к своему международному имиджу — предложить ответ на запросы прогрессивной части мирового сообщества — той, что привыкла к свободе передвижения, быстрым коммуникациям, высокому уровню сервиса и (во всяком случае, на бытовом уровне) доброжелательности в общении. Окончательно имиджевые итоги ЧМ-2018 можно будет подвести в среднесрочной перспективе (3–5 лет), когда станет понятно, как развивается въездной туризм, станут доступны более точные аналитические данные, и, возможно, когда следующий Кубок мира бросит вызов «самого красивому чемпионату в истории ФИФА».

2. Ростов-на-Дону

Литература

1. Anholt Simon (2007). *Competitive Identity. The New Brand Management for Nations, Cities and Regions* / Simon Anholt. — New York: Palgrave Macmillan.
2. Anholt Simon (2013). *Beyond the Nation Brand: The Role*

of Image and Identity in International Relations / Simon Anholt. — Exchange: The Journal of Public Diplomacy, (2013) 2, Iss.1, Art. 1.

3. Armenski T. (2016). Destination Branding Of European Russia: An Empirical Investigation Of The Web-projected Imagery / T. Armenski, U. Stankov, H. Choi. — Novi Sad: Faculty of Sciences, University of Novi Sad.

4. Bensinger K. How Russia won the World Cup / K. Bensinger. — The Guardian, 14.06.2018 <https://bit.ly/2t8idQJ>

5. Dinnie Keith (2007). Nation Branding And Russia: Prospects And Pitfalls / Keith Dinnie. — Accepted for Russian Journal of Communication, 2007.

6. Dinnie Keith (2008). Nation Branding. Concepts, Issues, Practice / Keith Dinnie. — London: Elsevier.

7. Expectations vs Reality in Russia | The Truth About the World Cup 2018 (video) <https://bit.ly/2TPnt8u>

8. FIFA Financial Report 2018. <https://bit.ly/2X6y6bo>

9. Kampmark B. Putin's Football Gambit: How the World Cup Paid Off / B. Kampmark. — Counterpunch <https://bit.ly/2ZcSecV>.

10. Official Emblem <https://www.fifa.com/worldcup/organisation/official-emblem/>

11. Russia. In: Best Countries by US News & World Report <https://bit.ly/31OGMI6>

12. Rosenberg S. Is Russia the real winner of World Cup 2018? BBC News. 14.07.2018 <https://bbc.in/2Pzkuxp>

13. Simons Gregory (2013). Nation Branding And Russian Foreign Policy / Gregory Simons. — Stockholm: Swedish Institute of International Affairs.

14. Simons Gregory (2015). Taking the new public diplomacy online: Russia and China / Gregory Simons. — Place Branding and Public Diplomacy advance online publication, March 2015.

15. The World Cup helped Russia put on its best face — and the world smiled back. The Independent. 14.07.2019 <https://bit.ly/2Zjlbnp>

16. Итоговый отчет Оргкомитета о ЧМ-2018 в России <https://rfs.ru/news/208313>

17. Концепция внешней политики Российской Федерации <https://bit.ly/2ZjF5f>

18. Ответы на вопросы журналистов по окончании финального матча чемпионата мира по футболу <http://kremlin.ru/events/president/news/58011>

19. Презентация исследования о влиянии ЧМ-2018 на развитие России <https://bit.ly/2KK8sIF>

20. Рейтинг репутации вузов Times, 2018 (Times Higher Education World Reputation Rankings) <https://bit.ly/2JisXpw>

Negative views of Russia predominate in the West

Views of Russia

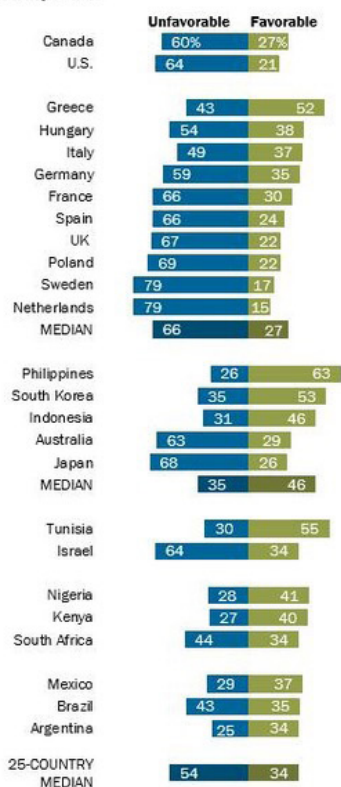

Рис. 1. Опрос Pew Research Center в 25 странах, весна 2018 г. Синим цветом отмечен процент респондентов, выразивших негативное отношение к России, зеленым — позитивное. (Источник <https://www.pewresearch.org/global/2018/12/06/image-of-putin-russia-suffers-internationally/>)

Рис. 2. Пост из Твиттера Йозефа Блаттера: «Горд быть частью впечатляющей презентации эмблемы Кубка мира – 2018 в Москве. Есть отрыв!» (Источник: <https://twitter.com/SeppBlatter>)

Рис. 3. Церемония награждения: один зонт, много «мемов» (Источник: AP Photo/Matthias Schrader)

Рис. 4. Производство впечатлений: яркий момент ЧМ-2018 был сфотографирован и использован вторично в виде огромного баннера. (Источник: РИА Новости)

Russia Rankings

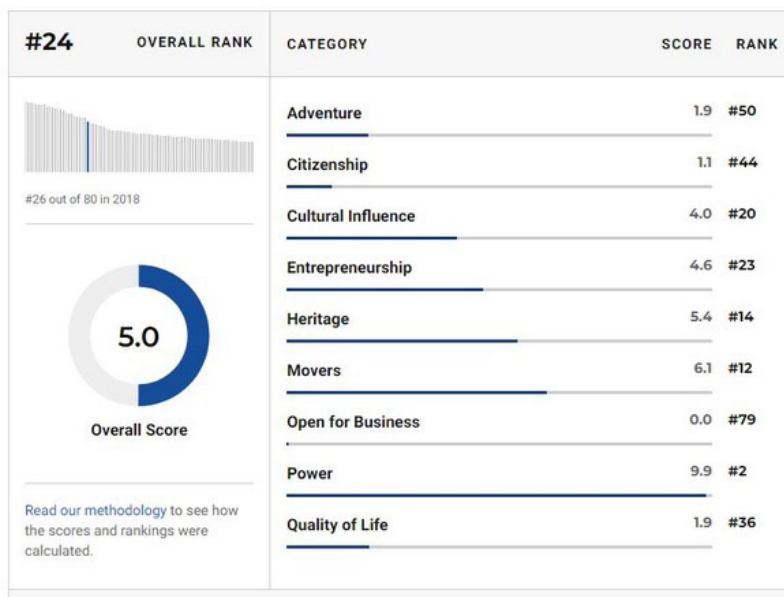

Рис. 5. «Лучшие страны» от US News & World Report. Максимальные баллы у России – в категории «Сила», 0 – в категории «Открытость для бизнеса». (Источник: <https://www.usnews.com/news/best-countries/russia>)

Дирекция Платоновского фестиваля не аккредитовала профильное издание

Читатели спрашивают нас, почему мы в этом году не пишем о Платоновском фестивале. Да потому что дирекция форума не аккредитовала наше СМИ. Заявка на аккредитацию, заполненная по форме, была выслана на указанный электронный адрес Платоновфеста ещё 19 мая, но там её... не получили.

Отказ в аккредитации на фестиваль профильному культурному изданию — событие неординарное. Редакцию, по-видимому, решили «наказать» за наглость иметь собственное мнение. В итоге читатели журнала «Культура ВРН» лишены объективной информации о фестивале. Прервалась многолетняя летопись форума, которую вело издание.

По сути, вызов брошен всем, у кого есть чувство собственного достоинства и профессиональная гордость. И это при том, что худрук фестиваля Михаил Бычков выступает в первых рядах борцов за свободу слова и творчества, даже на пикеты выходит. Создаётся впечатление, что он борется за свободу художника выражать собственное мнение и одновременно давит местную прессу, которая «недостаточно лояльна» лично к нему. Видимо, когда что-то или кто-то угрожает интересам Бычкова, игра в либерализм быстро заканчивается.

Нас в этой ситуации поддержали коллеги-журналисты, не потерявшие достоинства и профессионализма. Вот что написала Галина Дистерло — один из известных и уважаемых воронежских журналистов.

Зона, свободная от журналистики?

«Кто владеет информацией, тот владеет миром», — обмолвился полтора года назад Натан Родзилд. Действительно, один из главных признаков тоталитарного государства — сокрытие, умалчивание информации, цензура. Иными словами — нарушение обратной связи «народ-власть». Журналистика — это и есть институт обратной связи. Именно поэтому журналистику называют четвертой властью, способной напомнить чиновникам о том, что они не господа, а всего лишь слуги народа, а народу, что он «не тварь дрожащая, а право имеет».

А теперь поговорим о том, что происходит с этим институтом обратной связи у нас, в Воронеже. Разговор назрел давно, но сегодня, увы, в городе практически нет СМИ, готового предоставить площадку для подобной полемики.

Свобода слова — одно из немногих завоеваний 90-х. Уже к началу 2000-х СМИ стали трансформироваться в банальный способ получения прибыли. Но некий люфт для свободы слова все-таки оставался, ведь рекламу давали под качественный контент,

интересный и нужный людям.

В 2008–9 годах в Воронеже начали создавать так называемый медиахолдинг РИА «Воронеж». По сути, пресс-служба областной администрации стала полностью регламентировать деятельность СМИ города и области. К руководству творческими коллективами пришли менеджеры, бухгалтеры и пиарщики, стремление которых повысить самооценку привело к массовым увольнениям, тотальной редактуре, по сути — цензуре в одно лицо.

Материалы в СМИ становились похожи друг на друга как близнецы-братья. Новостной формат, как единственно понятный для новых руководителей и удобный для власти, стал превалировать. И очень скоро воронежским СМИ был поставлен неутешительный диагноз: свободная журналистика в Воронеже находится в маргинальном поле.

«Воронежская область становится регионом свободным от журналистики. Пиар съел журналистику целиком и полностью», — писал в мае 2009 года Святослав Иванов, ныне «экс», а тогда главный редактор воронежской общественно-политической газеты «Берег», созданной в 1990 году и по праву считавшейся одним из самых демократичных СМИ Воронежа. Сегодня эта газета слилась с безликой массой однотипных периодических изданий области. Да простят меня коллеги-журналисты.

Именно в те мрачные для воронежской журналистики времена ворвался в наш унылый провинциальный город Платоновский фестиваль. Это был глоток свежего воздуха. И казалось, что вот оно спасение! Мир не заканчивается отдельно взятым городком с его подкисшими проблемками, он огромный и счастливый. Город ожил на эти две недели, интерес к фестивалю был оглушительным. Мы, журналисты, пребывали тогда в эйфории от общения с умными, свободными и бесконечно талантливыми людьми, которых пригласил в наш город Михаил Владимирович Бычков, такой же умный, талантливый и свободный. И верилось, что теперь-то Воронеж очнётся ото сна...

Прошло достаточно времени, ситуация усугубилась. Информацию можно получить исключительно из рук пресс-служб. Минув эту структуру, ни с кем из служащих разговаривать нельзя, в противном случае человека тихо уволят. В кулуарах контор и учреждений поселился мрак, страх и безнадёга. «Я вам сейчас расскажу правду, а завтра моим детям нечего будет есть», — стандартный ответ воронежца на любой «неудобный» вопрос.

Так мы разучились думать, анализировать происходящее. Воронежские журналисты перестали

задавать неприятные вопросы. Нас кормят переваренной и удобной для кого-то информацией, а мы бессмысленно передаём её дальше. Вопрос «кому и зачем нужна такая журналистика?» остается риторическим. Теперь мы «информационно сопровождаем» директивы, спускаемые «сверху» в виде рассылок и пресс-релизов.

А что Платоновский фестиваль? Он по-прежнему ежегодно проходит в Воронеже, приезжает в наш город много талантливых и замечательных людей, но только свежестью и свободой от всего этого больше не веет. «Почему?» — не раз задавала себе этот вопрос. Если не можешь остановить движение — возглавь его. Тихой змеей вполз «эффективный менеджмент» и возглавил фестивальное движение.

Михаил Владимирович Бычков по-прежнему талантливый, умный, но свободным его назвать уже язык не поворачивается. Когда деньги перестают быть средством и становятся целью, это уже грустная история о Скупом рыцаре. От Платоновского повеяло тиной.

Результат не заставил себя долго ждать. В этом году, по comments, на фестиваль не были аккредитованы журналисты некоторых СМИ, в том числе журнала «Культура ВРН». Почему? На каком основании? Это частный корпоратив, или лавочка? Нет — это

мероприятие, которое финансируется, в том числе из карманов налогоплательщиков, воронежцев. Но журналистам указали на дверь. Что, нельзя? Могут увидеть что-то, о чем не стоит знать толпе? Или наказаны за то, что не в холдинге, а имеют свою позицию?

Платонов как писатель начинал с журналистики, его первые публикации в Воронежской газете «Коммуна» стали для него пропуском с большой мир литературы. Интересно, смог бы сейчас состояться Платонов? Думаю, что нет, но фестиваль его имени может стать поворотной точкой для всех нас. Нам всем красноречиво показали, чего стоит в Воронеже свобода слова, и наше место на задворках власти. Если журналистское сообщество в очередной раз безропотно проглотит эту унижительную пилюлю, значит можно смело констатировать, что Воронеж — зона, свободная от журналистики. Да, что там говорить — просто зона.

Юрий Данилов, Галина Дистерло

<https://culturavrn.ru/vrn/27517?highlight=%25D0%2593%25D0%2590%25D0%259B%25D0%2598%25D0%259D%25D0%2590%25B%25D0%2594%25D0%2598%25D0%25A1%25D0%25A2%25D0%2595%25D0%25A0%25D0%259B%25D0%259E>

Российские видеоблоги как современная гражданская журналистика

Журналистика — общественно важная профессия. Миссия хорошего журналиста — донести объективную информацию о социальной действительности до аудитории без искажений. Но важно понимать, что распространять информацию могут не только журналисты. Например, YouTube-площадка отлично подходит для того, чтобы любой человек мог доносить информацию до аудитории. Но может ли видеоблогер называться гражданским журналистом?

Существует два понятия гражданской журналистики, которые зародились в Америке. Первое — *Civic journalism* — появилось в доинтернетовскую эпоху и охватывает профессиональную журналистику, направленную на развитие гражданской активности читателей и вовлечение их в публичную жизнь; одновременно это связано с участием читателей в реализации редакционных проектов. Второе — *Citizen journalism* — подразумевает деятельность непрофессиональных авторов, осуществляемую в Интернете: в блогах, социальных сетях, посредством микроблогинга, а также на сервисах традиционных СМИ. Именно второе значение мы и будем иметь в виду в дальнейшем.

Рассмотрим темы, жанры, методы сбора информации, имидж видеоблогера в сравнении с подобными журналистскими составляющими. К примеру, «Видеоблогер Ян Лапотков на своем канале “ТОПЛЕС” рассказывает о галактике Андромеды, которая через миллиарды лет столкнется с Млечным Путем, о проектах Илона Маска и, приводя статистические данные, объясняет, почему погибнуть от рук террористов — не самое вероятное событие в жизни человека. Он пишет: “Я собираю информацию из источников и выдаю ее своему зрителю. Получается, я журналист, который в ответе за каждое свое слово”» [1].

Изучив темы видеоблогов, мы смогли сделать следующие выводы:

1. Периодичность зависит в основном от сложности постпродакшна (обработка отснятого материала: монтаж, озвучка, титрование, компьютерная графика и т. д.). Чем сложнее видеоролики, тем реже они выходят.

2. Чем продолжительнее ролики, тем реже они выходят.

3. Есть каналы, специализирующиеся на определенной тематике, но в основном в роликах происходит синтез тем, и иногда их сложно разделить.

Подобные выводы справедливы и для журналистского, в частности ТВ-контента.

Если говорить о жанровой составляющей видеоблогинга, то здесь нет определенной системы. Новости, аналитические видео, расследования, интервью и обзоры встречаются и в видеоблогинге, хотя

есть и специфические жанры, такие как летсплей, лайфхак, влог, челлендж, стрим, распаковка и т. п.

Главной фигурой в видеоблогинге, как и на традиционном ТВ, остается личность, человек в кадре или за кадром; и каждый такой ведущий разрабатывает свой имидж. «Представления о роли ведущего в отечественном телевидении за последние четверть века значительно изменились. Если раньше телеведущий был представителем той части общества, которая имела право появляться на экране в качестве субъекта высказывания, обладающего рядом профессиональных или специальных знаний, то сегодня мы видим на экране разные типы ведущих — организаторов диалога с аудиторией» [2]. То же можно сказать и о ведущем видеоблогинга.

Сбор информации идентичен и там и там: «Обычно работники массмедиа используют три самых распространенных метода: интервью, наблюдение, изучение документов (мы включим сюда еще один: эксперимент). Среди них наименее надежные — интервью и наблюдение, при использовании которых сильно проявляется субъективность журналиста и объектов его интереса, и ее трудно преодолеть. Однако большинство материалов все же готовится именно на основании бесед с людьми» [3]. Исключение состоит только в том, что у журналиста может быть доступ к закрытым базам данных.

Сделаем краткие выводы. Главный из них звучит следующим образом: видеоблогера можно назвать гражданским журналистом, но, к сожалению, не каждый видеоблогер таковым является. Это в первую очередь зависит от контента, который он создает, жанра, темы, методов сбора информации и достоверности этой информации. Если все эти пункты отвечают нужным требованиям, то блогер проходит по рангу гражданской журналистики. Явление блоггерства, способствующее росту конкуренции СМИ, полезно для журналистики в целом.

Глеб Зверев,
г. Воронеж

Литература

1. Зотова Н. Ни газет, ни телевизора, одни сплошные видеоблогеры: что смотрит новое поколение / Н. Зотова // Русская служба BBC. — Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-40099223> (дата обращения: 17.10.19).
2. Арапова Э. И. Имидж телеведущего / Э. И. Арапова // Вестник ВГУ. Филология. Журналистика. — 2014. — № 1. — С. 122.
3. Лозовский Б. Н. Методика сбора информации / Б. Н. Лозовский // Основы творческой деятельности журналиста / ред.-сост. С. Г. Корконосенко. — СПб., 2000. — С. 86.

Взаимодействие научного сообщества вуза со СМИ: популяризация науки

Одним из важнейших направлений взаимодействия между научным сообществом и общественностью является популяризация научных знаний и науки как одной из форм профессиональной деятельности. Р. Армон и А. Георгакопулу утверждают, что популяризация предполагает «реконтекстуализацию научных знаний для непрофессиональной аудитории в соответствии с предполагаемыми интересами и характеристиками этой аудитории» [1, р. 3]. Исследователи современных тенденций взаимодействия ученых со СМИ отмечают непреходящую «медиафобию» у большинства ученых, а также неодобрение ими активно занимающихся популяризацией науки ученых [2, р. 8]. Негативное отношение вызывают и журналисты, которых «часто обвиняют в стремлении “раздуть хайп” и исказить то, как занятие наукой выглядит на самом деле» [1, р. 3]. Интерес к науке у журналистов самими учеными объясняется поиском «горячей темы» или нуждой «закрыть дедлайн» [3, р. 23; 4, р. 4]. Журналисты в своем общении с учеными нацелены на выяснение того, насколько тревожный, спорный, забавный «выход» может быть у научного проекта, суммируемый вопросом «ну и что?» (so what factor) [2, р. 16]. По результатам двух опросов в Великобритании в 2013 г. (опросили 351 ученого из различных областей науки из 26 университетов; 624 политолога) выясняется, что для большинства ученых общение со СМИ является разовым событием в карьере. Согласно тому же опросу, в большинстве случаев обращение к ученым происходит со стороны самих представителей СМИ, в 25% случаев при посредстве пресс-служб университетов и лишь в 3% случаев общение со СМИ инициировали сами ученые [2, р. 10].

Ситуация с популяризацией науки в России исследуется в ряде работ, среди которых следует выделить публикации С. М. Медведевой и Н. В. Литвака. Был проведен ряд интервью (n = 24, с 13 учеными и 11 журналистами), которые показали, что между учеными и журналистами существует целый ряд барьеров, обусловленных институциональными, коммуникативно-культурными и психологическими причинами. Российские ученые, как и их западные коллеги, также не всегда могут учесть различия в способах коммуникации и интерес широкой аудитории; также испытывают некоторое недоверие к СМИ, хотя в российском случае оно включает и недоверие даже к научной журналистике. Однако более заметная разница между западной ситуацией и российской возникает по отношению к тематике. Несмотря на большую востребованность социально-политических знаний и оценок, именно по этому направлению научных коммуникаций журналисты сталкиваются с уклонением ученых от общения. Поскольку большинство ученых избегает общения со СМИ, то и представители СМИ предпочитают

обращаться к тем экспертам, которые уже имеют опыт общения с журналистами, однако мотивы этих «медийных» ученых определены скорее интересом их личного продвижения и даже «самопродажи» в качестве политической или коммерческой фигуры. Сами ученые не видят смысла в общении с широкой публикой и/или со СМИ и считают, что руководство вузов не воспринимает такое общение как работу, заслуживающую поощрения [5, с. 22].

Несмотря на эмпирическую значимость этого исследования, следует учитывать, что подход к проблеме популяризации науки, воспроизводит так называемую модель дефицита, унаследованную от эпохи Просвещения и подразумевающую, что популяризация — это прежде всего повышение научной грамотности экспертом [6, с. 52]. Однако сегодня положение науки и ученых в обществе существенно отличается от эпохи Просвещения. Во-первых, вследствие демократизации и медиатизации коммуникативной среды монополия на знание, на профессиональную экспертизу существенно размыва. Появляются интернет-проекты, позволяющие каждому побыть в роли эксперта, но в ситуации демократического обсуждения и критической проверки представляемых сведений или точек зрения. Благодаря современным международным информационным платформам обращение к российским ученым не является такой уж необходимостью для российских журналистов, которые могут черпать информацию в более приемлемой для них форме из других источников. Более того, роль самих журналистов и традиционных СМИ в «освещении научной деятельности» также перестает быть столь значимой, когда каждый при желании может наблюдать онлайн за проведением экспериментов, высадкой на Марс или погружением в глубины океана, комментировать, предлагать свои идеи и, что самое важное, быть услышанным, если эти предложения ценны.

Таким образом можно говорить о смене эпистемических культур: от классической к медиатизированной. В последней «новые медиа создали спрос на “хипстерскую науку”, интегрированную в программные платформы для смартфонов и “нарезанную” небольшими порциями в формате увлекательных видеороликов... Образ дружелюбной науки сменился образом гражданской и fan-науки, где границы между научным и ненаучным знанием размывы и медийная составляющая оказывается порой более важной, нежели научная» [6, с. 47].

**Алексей Фаюстов,
г. Екатеринбург**

Литература

1. Armon R. Popularization in action: small stories of scientific expertise / R. Armon, A. Georgakopoulou // Working papers in

«Urban Language and Literacies». — Paper 216. — London: King's College London. — 2017.

2. Fenton N. Birmingham, P. 'Sod Off and Find Us a Boffin': Journalists and the Social Science Conference" / N. Fenton, A. Bryman, D. Deacon, // *The Sociological Review*. — 1997. — Vol. 45. — № 1. — P. 1–23.

3. Orr G. Academics and the media in Australia / G. Orr // *Australian Universities' Review*. — 2010. — Vol. 52. — № 1. — P. 23–31.

4. Social scientists meet the media. Eds. C. Haslam,

A. Bryman. — London, New York. Routledge. — 2003.

5. Медведева С. М. Ученые и журналисты: в поисках взаимопонимания / С. М. Медведева, Н. В. Литвак // *Ученые записки ЗабГУ. Философия, социология, культурология, социальная работа*. — 2016. — № 3. — С. 15–25.

6. Абрамов Р. Н. Концептуализация феномена Popular Science: модели взаимодействия науки, общества и медиа / Р. Н. Абрамов, А. А. Кожанов // *Социология науки и технологий*. — 2015. — № 2. — С. 45–59.

Фронтовое небо рождало героев

О Великой Отечественной войне написано очень много. Здесь и небольшие брошюры о знаковых героических подвигах советских воинов на фронте и в тылу врага, выходившие в то время, когда война с фашистской Германией ещё шла, и фолианты — мемуары военачальников, красочные фотоальбомы с победными строками и окопная правда, научные исследования и публицистика, повести, рассказы, зарисовки... Да, в своё время были и идеологические препоны, «шлагбаумы от цензуры», но в целом о войне писали то, что и преобладало. К примеру, что на ней трудно было не встретиться со смертью, и обыденности этих встреч противопоставлялась светлая сторона жизни.

Война и Победа требуют глубокого осмысления фактов и процессов в комплексе, в развитии государства и общества и морально-нравственных традиций, заложенных в них. Вытягивание же нитей из полотна истории лишь приводит к искажению и играет на политическую сиюминутность. Не следует забывать, что история влияет на идеологию дня нынешнего, поэтому зачастую востребуется из неё то, что нужно сегодня, при этом о чём-то умалчивается, а что-то выводится на передний план. Обыгрываются частности, а стратегическое не замечается.

Действительно, непросто понять, как это Советский Союз выжил в окружении враждебных государств и сумел победить фашизм, почему к началу войны страна была не так подготовлена к ней, как хотелось бы, или почему эшелоны с зерном заминуты до начала войны шли в Германию. Этот последний факт вырван из исторической правды, оттого может возникнуть мысль о глупости и даже предательстве накануне войны. На самом деле факт преподнесен однобоко. Всё дело в следующем: согласно договорным обязательствам из Германии шли эшелоны со станками для военного оружия, в которых нуждался Советский Союз. Или: почему мы в предвоенное время открывали летные школы, например, в Липецке, в тот период территориально входившем в Воронежскую область, и в них занимались летным делом как советские, так и немецкие летчики? Мало кому известно, что Германия брала на себя затраты по созданию таких школ.

По фильмам, литературным произведениям мы хорошо знаем о том, как отступали наши войска в первые месяцы войны. Были и горечь, и уныние. Но почему-то почти ничего не сказано, что в первые дни войны на некоторых участках советские войска, контратакуя, переходили вражескую границу на десятки километров. Неоспоримый факт: война началась 22 июня 1941 года с нападения Германии. Но в стороне осталась военная акция Финляндии с выбросом десанта и минированием

водной глади 21 июня 1941 года...

Почему СССР отмечает День Победы 9 мая, а наши союзники в войне 8 мая? Казалось бы: что в истории какие-то 24 часа? А на самом деле здесь и знаковость, и политика сохранения Победы за советским народом, а не за теми, кто и сегодня умалчивает значение Победы и желает отобрать её у нашей страны.

Кто-то задаётся вопросом: когда советские солдаты шли в бой, что они кричали: «За Родину!» или «За Сталина!»? И то и другое! А нередко, идя в атаку, бойцы и офицеры шептали: «Спаси и сохрани». Звучало это и на русском, и на украинском, и на грузинском, и на иврите, и на других языках.

К истории надо подходить уважительно и изучать её по документам и воспоминаниям, по литературе, все подвергая осмыслению. В 2018 году вышло небольшое издание «Фронтной дневник (1943-1945)» Григория Луценко под редакцией внука автора — члена Союза писателей России Сергея Луценко [2, с. 2].

Автор дневника Григорий Семенович Луценко родился 16 февраля 1922 года на Украине, в Черниговской области, рано потерял отца, воспитывался в детском доме, затем учился в школе младших авиаспециалистов. Войну прошёл с первого до последнего дня. Даже после Победы 9 мая 1945 года он до 12 мая участвовал в боевых полетах в район Праги, где находилась большая немецкая группировка. Во время войны Луценко служил в авиационных войсках стрелком-радистом, воевал на семи фронтах, в том числе на Воронежском, совершил более ста боевых вылетов. Каждый из них — это поединок со смертью. Дважды был сбит самолёт их экипажа, трижды Григорий был ранен. Награждён орденами и медалями, в том числе медалью «За взятие Берлина». Эти данные подтверждает и сравнительно недавно появившийся сайт «Память народа» [3].

Из наградного листа к ордену красной звезды

«...Гвардии старший сержант ЛУЦЕНКО Г.С. горел желанием бить врага с воздуха. После усиленной и настойчивой подготовки сдал зачёты на отлично. В первых же своих боевых вылетах зарекомендовал себя отважным и смелым в бою. Связь с землёй и в воздухе держит отлично».

«...При выполнении боевых заданий был дважды сбит огнём ЗА¹ противника, но ни разу не бросил своего боевого поста, зорко следя за воздухом и отражая атаки врага. 3 сентября 1944 года».

К концу войны Луценко исполнилось только 23 года. Во время войны он встретил свою любовь. В 1943 году в системе обслуживания аэродрома работала Александра Комиссарова (1925-1997) из Павловска Воронежской области. С ней после войны Григорий создал семью, вместе они прожили более 50 лет.

1. ЗА — зенитная артиллерия.

Старшее поколение жителей Павловска хорошо помнит Григория Семеновича Луценко. Он оказался востребован и в мирное время, трудился на разных должностях, а с 1959 по 1982 год был секретарем Павловского районного Совета депутатов трудящихся. Он много раз избирался депутатом райсовета, пользовался у павловчан уважением. Его знали и сегодня вспоминают с теплом и добротой. Умер Григорий Семёнович 14 января 2005 года.

Читается дневник на одном дыхании. Фронтовые события он передаёт с максимальной правдивостью [1, с. 208]. Помните известный дневник Тани Савичевой о блокадном Ленинграде, где она буднично, день за днем описывала жизнь свою и своих близких в городе, окруженном врагом? Данный дневник стал убедительным знаковым фактом войны. Изучая дневник фронтовика, стрелка-радиста, инструктора, юноши, которому всего-то двадцать с небольшим лет, ощущаешь дыхание войны. Например, из записей узнаешь, что в боевые полеты приходилось отправляться за несколько часов четырежды!!!

Только вдумайтесь... И из каждого из них можно было не вернуться.

«30 ноября 1943, г. Красноград. 11.55–14.15

Итак, продолжается моя работа. Снова нас обстреливает крупнокалиберная артиллерия, пронизывают воздух «эрликаны». Пикируем, бомбы отрываются от самолёта, и через несколько секунд поднимаются черные столбы дыма и пламени, — это бомбили н/п Заозерье, что западнее г. Черкассы 30 км. На втором заходе под правой плоскостью разорвался снаряд, осколком перебило бензотрубку. Сели на фюзеляж севернее города Черкассы» [2, с. 21].

«16 апреля 1945, г. Шпроттау. 16.34–17.38

Четвёртый раз за день летим бомбить врага. Наши войска перешли в наступление, форсиро-

вали Одер и заняли плацдарм на левом берегу. Наносим в этом направлении, южнее г. Форст, бомбовые удары. Летим бомбить скопления живой силы и техники отходящего противника в населенном пункте Кикебуш, что южнее г. Котбус. Противодействие — до шести батарей ЗА» [2, с. 94].

«8 мая 1945, г. Шпроттау. 15.39–16.54

В третьем вылете не повезло нашему звену, — на обратном пути нас обстрелял «эрликон» и прямым попаданием сбил командира звена. В этом вылете мы шли на старом месте; бомбили н/п Градетице, что южнее города Герлиц. О судьбе экипажа командира звена неизвестно [2, с. 112].

«9 мая 1945, г. Шпроттау. 12.47–14.07

Война кончена, настал тот долгожданный день, в который верили многие тысячи людей. И вот, после войны, мы отправились в последний бой с врагом, который не захотел сдаваться. Летим бомбить н/п Либихен (на р. Эльба), севернее Праги. Домой все вернулись с ПОБЕДОЙ» [2, с. 113].

**Юрий Селявкин,
председатель программы «Культура
общества — основа нравственной
политики государства», член
Союза журналистов России.**

Список литературы:

1. «Воздух становился мал...»: фронтовые записки моего деда / подготовка, предисловие и публикация С. Е. Луценко // Подъём. — 2015. — № 11. — С. 208–220.
2. Луценко Г. С. Фронтовой дневник / Г. С. Луценко; под ред. С. Е. Луценко. — Воронеж: Научная книга, 2018. — 116 с.
3. Луценко Григорий Семенович. — URL: <https://painyataroda.ru/heroes/> (дата обращения 3.11.19).

100 лекций о русской литературе XX века

Опыт коллективной рецензии

«100 лекций о русской литературе XX века» — так называется проект Дмитрия Быкова, поэта, писателя, журналиста, лектора, киноcritика, сценариста, биографа Бориса Пастернака и Булата Окуджавы, лауреата множества литературных премий, преподавателя русского языка и литературы в школе, автора десятков книг, сборников стихов и статей в «Новой газете» и «Собеседнике». Вышедший двухтомник — результат совместной работы литератора и «Дождя». Генеральный директор этого телеканала Наталья Синдеева пишет в аннотации: «Больше двух лет ровно один раз в неделю Быков читал нашим зрителям лекции, постепенно двигаясь из прошлого в настоящее».

Каждая глава — это страница истории, увиденная глазами отечественных писателей и поэтов. Быков выбирал одно произведение, которое, по его мнению, было самым заметным литературным явлением в конкретном году, начиная с 1900-го года. Первый том называется «Время потрясений. 1900–1950 гг.», второй — «Время изоляции. 1951–2000 гг.». По сути, это своеобразная субъективная антология, сходная с проектом, который осуществил Евгений Евтушенко в перестроечном «Огоньке». Он готовил подборки стихотворений знаменитых и неизвестных поэтов XX века и давал свой краткий личный комментарий, характеризующий творчество выбранного им автора.

Понятно, что Быков опирался на ранее им созданное: имеются в виду сборники лекций по литературе из цикла «Календарь» в лектории «Прямая речь» (<https://ru-bykov.livejournal.com/1958951.html>), «Сто лекций с Дмитрием Быковым» (<https://www.youtube.com/playlist?list=PL4kgZXQNY1WoOkXnnn6Le9JKNWQ1o7vuj>), «Советская литература. Краткий курс» (<https://www.litmir.me/br/?b=237211&p=1>). Понятно и то, что автор, избрав публицистический формат текстов, последовательно утверждает свою позицию, свой взгляд не только на литературу, но и на общественно-политические процессы, протекавшие в течение столетия в России. Ведь не случайно он как-то проговорился: «Литература тайно управляет миром».

Кто-то считает литдеятельность плодovitого автора «недержанием текста», кто-то, напротив, восхищается продуктивностью современного критика и беллетриста (а Д. Быков и сам грешит писательством) — как говорится, лицом к лицу лица не увидеть... Поэтому обратимся к интернет-откликам читателей, слушателей и зрителей лекций Дмитрия Львовича — как его апологетов, так и критиков:

«Интересно очень. Не без сугубо личных оценок лектора.

Если вы, как и я, занимаясь домашними делами или в машине в дороге (особенно в пробке) стремитесь заполнить время какой-то новой информацией, то рекомендую вам (вот просто рекомендую) попробовать прослушать «открытые уроки по литературе» Дмитрия Быкова.

Сразу хочется отметить, что не являюсь поклонницей этого автора и не разделяю большинства политических высказываний этого человека. Но литературные уроки Быкова прослушала с большим интересом.

Нашла их на просторах Ютуба. Каждый урок посвящен отдельному автору, отдельной теме. Первый урок, с которого я начала свое знакомство с этим циклом, был посвящен роману Булгакова «Мастер и Маргарита». Трактовка, которую предлагал слушателям лектор, была несколько необычной. Впрочем, об этом романе сказано и написано уже так много и практически ничего одновременно. Однако сама лекция была очень интересной. Со многим можно не соглашаться. Но не скучно, интересно — это точно.

Формат видео — это формат урока. Учитель и ученики. Реальные подростки слушают лекцию и могут задавать вопросы. Иногда учитель обращается с вопросом к слушателям. Но этого взаимного общения мало. В основном, это монолог Быкова. Рассказчик он хороший, с огромным багажом прочитанного. И дети не могут, как это чаще всего бывает в школе, сообщить своему учителю нечто новое для него. Но это лишь формат видео.

Таких открытых уроков много. Понравился урок про Есенина. Удивило, что Быков уверен именно в самоубийстве поэта и отвергает версию убийства. Из запомнившихся тем: о Гоголе, о романе «Мертвые души», о Маяковском. Много... Очень интересно о Достоевском, о детективе вообще. Если бы дети в школах могли слушать такие рассказы своих учителей, думаю, заинтересованность в чтении была бы гораздо выше нынешней. Гораздо выше.

Конечно, всегда есть риск, что умный, хорошо образованный человек добавит в рассказ о писателе и времени, в которое тот творил, своих субъективных оценок и суждений. Личность учителя имеет огромное значение.

Но в любом случае, повторюсь, видеоцикл «Лекции по литературе «Открытый урок» — Дмитрий Быков», который доступен в Ютубе, это очень интересно. Рекомендую».

Подробнее на Отзовик: https://otzovik.com/review_8123556.html

«Лекции в основном о самом Быкове.

На каких-то лекциях Быкова я был, на одной из ночных очень выразительно храпел, а мои вопросы традиционно вырезают. Нехорошо это, гнусно. 200 кг понтов... Несмотря на то что в большей части я обычно с его трактовками согласен, воспринимается мною двойственно — с одной стороны, я ему очень благодарен за то, что экономлю время, ибо у меня просто его нет на изучение биографий некоторых авторов (кстати, в этом отношении мне гораздо проще, чем Быкову, потому что я, подобно доктору Лекеру, иду

от личности писателя, что предполагает детальное изучение его текстов, процессы же вокруг автора мне нужны постольку-поскольку.

Быков в худшем положении, ему нужно изучать сопутствующие, в части же лекций по поводу Сэлинджера или Оскара Уайльда я могу сказать, что это полнейший бред и ахинея. Оскара Уайльда я ему прощаю, ибо понять его может только второй Оскар Уайльд, но Сэлинджер на поверхности, причем на той, что должна быть гораздо более понятна Быкову, чем мне. Собственно, я не собираюсь перечислять все эти многочисленные лекции Быкова, хочу только сказать, что повального восхищения подобными трактовками не может быть по определению. Скажите мне на милость, как может непьющий человек оценить поэму Венедикта Ерофеева «Москва-Петушки»? Теоретик, пишущий о том, что сам никогда в глаза не видел?

Но сейчас времена гипермаркетов, поэтому у Быкова можно найти что угодно: от Гарри Поттера до какого-нибудь никому не нужного советского автора. О быковском совлите здесь. Разумеется, данный тип умело создает некую сопричастность людей: посетив его лекции можно возомнить себя неким культурным элементом, еще и модным, ибо матерятся со сцены далеко не все, но я бы разделил в данном случае — где здесь культура, а где контркультура. В общем, и это хорошо, что литература не принадлежит одному Быкову, иначе все бы тут же ударились в элитарное чтение, а самому лектору, чтобы выделяться на общем фоне, пришлось бы попутно танцевать, что плохо отразилось бы на его фигуре. Массу, знаете, лишний раз беспокоить не стоит.

Но уж коль пишу в данном случае о Дмитрие Быкове, то закончу этим. Человек пишет о Пастернаке целую книгу, мучается, хотя и понимает: это не его тема. Он любит, когда его стегают плеткой? Абсолютно те же самые ощущения у него и с Маяковским. Лев Толстой шел уже этим тернистым путем, имея рядом с собой постоянный раздражитель, но там была хотя бы равная борьба. Здесь же нечто от «Венеры в мехах»: представьте Софью Толстую, которая только и делает, что издевается над бедным графом. В общем, не мои это проблемы, однако подобный источник креатива не только не здоров, но и в своей основе не несет ничего ценного.

Кроме вышеозначенного, не собираюсь слушать лекций о Высоцком, ибо ничего там полезного не будет, в этом уверен заранее. Серебряный век меня тоже не особенно и не интересует. А, вот еще и Мопассан! Где Быков и где Мопассан?

Как вердикт: можно разделить лекции Быкова на две неравные части, где речь идет о теме и о том, как Быков что-то видел, воспринимал и где был, то последнее занимает примерно процентов девяносто. Это прекрасно, если быть быковским фанатом, а если нет?

Меня упрекнули, что я якобы не люблю Быкова, но пишу о нем длинные отзывы, но Быкова я люблю, поскольку он для меня критик. Его романы не читал и не собираюсь, но на блеклом фоне современной нашей литературы он чуть ли не единственный, кого вообще можно читать. Пусть и в виде подобных сомнительных лекций»

Подробнее на Отзовик: https://otzovik.com/review_7097241.html

«Поддача предмета с подтекстом.

Свято место пусто не бывает, и вот вам современный ликбез. Я теперь не удивляюсь, почему молодежь так мало читает. Сейчас можно книжку посмотреть, прослушать и на крайний случай для особо усердных прочесть краткое содержание. И дело в шляпе. Мир ускорился, времени не хватает в принципе ни на что. Я даже удивляюсь, как могу так расточительно тратить свое время на написание этого отзыва. А сейчас появилась новая форма подачи информации в сжатом виде, и этой формой оказалась старая добрая педагогика. Или точнее, как это в случае с Д. Быковым, преподавание или, что еще точнее, преподнесение. Речь его так же быстра и точна, как само время. Великолепный рассказчик, виртуозно жонглирует словами. Слушать реально в удовольствие. Молодец! Насколько нужна такая программа, многие, может, станут спорить. Но мне кажется, это то, чего действительно не хватало в частности мне и, думаю, многим другим.

Тем не менее информация подается под определенным углом. Не всегда Быков говорит объективно, часто совсем необъективно, а в угоду своей «партии», только ИНОГДА подтверждая свои слова цитатой из того или иного произведения. Но это незначительные погрешности. Вот где-где, а у Быкова работает закон «количества-качества», и все-таки плюсов намного больше. И в конце концов вижу только один сплошной плюс.

И еще Быкова слишком много в классе, там нет место ученику. Я бы не хотел себе такого учителя. Просидеть 1–2 урока с открытым ртом было бы интересно, но потом я бы стал уставать и в конце концов захотел бы высказаться. Думаю, после 5 урока я бы перестал приходить на его занятия и впал бы в тоску. Здесь, уж извините меня, педагогическая недоработка. Хотя... Я уже выше написал, здесь педагогикой пахнет слегка, и то, пожалуй, благодаря внешней атрибутике: доске и наличию мела (или маркера.) Не в этом суть!

Однако считаю программу нужной, а в данный исторический момент, если хотите, даже необходимой».

Подробнее на Отзовик: https://otzovik.com/review_8956102.html

*Подготовила Тамара Тулупова,
г. Воронеж.*

О массах и коммуникациях: амбивалентные заметки об «амбивалентных отношениях»

*Страшнов С. Л. Массовые коммуникации
и художественное творчество: амбивалентные
отношения. Статьи, обзоры, эссе/С. Л. Страшнов. —
Иваново: ИГУ, 2018. — 186 с.*

Есть книги, о которых хочется сказать: «Это для меня». К таким относится и одна из последних работ нашего коллеги из г. Иваново Сергея Леонидовича Страшнова. Она написана для всех гуманитариев, преподавателей и студентов, но в то же время и для нашей кафедры в частности, да и для всего нашего факультета... и для автора этих строк лично. Действительно, С. Страшнов много лет пишет одновременно о литературе и журналистике, будучи, как он подчеркивает, филологом широкого профиля, многоотраслевым в нашем цехе. Чем интересна рецензируемая книга? Почему надо обсуждать и сегодня такие, казалось бы, не особо злободневные, не горящие проблемы, как журнализм в поэзии, сходство медийных и художественных процессов, соотношение образности и факта в журналистике и литературе, массовая культура и массовая коммуникация и т. п.? Ответ на данный вопрос очень прост: каждая эпоха выдвигает на передний план культурного дискурса разные грани общественного бытия, конкретизирующие и оживляющие вневременную проблематику. Вопросы, затрагиваемые С. Страшновым, это вечные вопросы, неохладающая актуальность которых бодрит профессионалов и...нередко нагоняет скуку на любителей жарких газетно-журнальных споров о вечном.

Начнём разговор с цитаты: «... ощутив себя в ходе перестройки властителями дум, не только писатели, но и сотрудники редакций тем болезненнее пережили последовавшее вскоре резкое понижение давления — чуть ли не полную утрату публичным словом его результативности во властных структурах и доверия у населения» (с. 9). Действительно так: кто не знает о падении доверия к СМИ и потере идеалов высокой публицистики? Но в подтексте читается и другое. В доходчиво-простых словах С. Страшнова нам видится большой намек на утрату нашими СМИ тона гражданственности в условиях рыночных реформ. Намёк на противоречия властных структур и журналистики как части социального организма. Сам по себе рынок и госмонополизм в массмедиа не хуже былой партийной цензуры и коммунистической фанатерии. Напротив, он даёт реальный

шанс предприимчивым людям успешно торговать интересной, ранее скрываемой за семью печатями, информацией, тем самым одновременно просвещая и развлекавая массы потребителей. Но российский рынок имеет и другую сторону: госконтроль, с одной стороны, ведёт к ограничению плюрализма мнений, а с другой стороны, контроль монополий, акции которых в руках государства, диктует единомыслие в политике и косвенно стимулирует медиапотребление ради самоцельного развлечения и гедонистического идеала «красивой жизни». Этот поворот в массовом сознании совпал с удручающим пожелтением СМИ в нашем веке, с падением планки качества журнализма. Проблема современной журналистики, как она показана в рецензируемой книге, заключается в катастрофической утрате пассионарности, социокультурной энергии творцов и потребителей инфопродукта, т.е. в ментально-психологическом провале огромных масс населения. За последние два-три десятилетия, не без помощи изначально меркантильной (продажной!) и коммерциализированной журналистики (например, современные ведущие телеканалы с их позорными «ток-шоу»), случился духовный обвал, сопоставимый с нравственным падением народа в эпоху сталинизма! Мы наблюдали подобный спад интереса к социальности и в годы брежневского застоя, хотя и в гораздо более мягкой форме, чем в 1930–1950-е гг., но этот спад, сон разума и совести, предательство миссии журналистики и забвение истинно социального, а не ложно-риторического, пафоса в СМИ, к счастью, был прерван перестройкой, эпохальными сдвигами в стране и мире. Начался нормальный диалог с Западом...

Вот малюсенький личный пример на тему взаимоотношений власти и СМИ, навеянный книгой С. Л. Страшнова. В 1987 году, когда М. Горбачёв инициировал эпоху гласности, автор этих строк, вдохновившись всеобщим энтузиазмом, черкнул в запорожской газете заметку о плохой морковке, продаваемой в местных овощных ларьках. Через пару дней на кафедру литературы, во время моей лекции, звонит ректор университета, где я тогда подвизался, просит меня к телефону и задаёт вопрос: «Ты что

там написал?». Я отвечаю, что ничего такого, лишь о морковке... Ректор:

— Подойдешь на перерыве в мой кабинет. Первый секретарь горкома приезжает...

— А зачем??? (это эвфемизм, на деле мой вопрос был жестче)

— А кто его знает! (эвфемизм тоже понятный. — В. Х.). Сказал, что хочет побеседовать с автором статьи в «Запорожской правде»...

Вот такой резонанс и такая была реакция на выступление прессы.

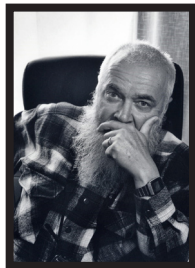
Кстати, визит в университет главы всех коммунистов индустриального мегаполиса Запорожье, перепугавший ректорат, для меня обернулся большой популярностью: разговор шёл спокойно-откровенный, нормальная морковка в ларьках через неделю появилась, а первый секретарь горкома, возглавивший позже местное отделение РУХа, получил через год-два на выборах в Совет народных депутатов дополнительные голоса...

Но вернемся к книге С. Страшнова. Он пишет: «Лингвисты давно заметили, что пуризм ведет к вырождению общепонятного, литературного языка, а обогащают его как раз просторечия и иные заимствования со стороны. Исходя из того, что культура — тоже норма, современные интеллигенты тем не менее интерпретируют ее подчас слишком ригористично, ратуя за канонизацию классики, а некоторые из соприродных себе СМИ превращая в подобие музеев и резерваций» (с. 42). Речь в статье «Проза и пресса для миддл-класса» идёт о языке СМИ и популярной литературы, но контекст более широкий: мы говорим о культуре, которая расположилась как бы между элитарной и массово-развлекательной стратами в духовной жизни технотронного общества. Естественно, деление сугубо условное: в жизни винегрет медиапотребления и чтения художественных текстов трудно разложить по полочкам. Но споры о языковой норме и её нарушении всегда свежи, несмотря на сетевые новации, слава Богу, в ходу ещё «бумажные» словари и энциклопедии, помогающие повысить нашу грамотёшку. Медиаобразование,

о котором автор рецензируемой книги много писал и ранее, это процесс пожизненный, тут хорошие медийные тексты, как и добротная литература, абсолютно незаменимы. Нет смысла спорить и о роли медийной и литературной критики: автору этих строк уже приходилось писать о трудах А. Короченского, который потратил много времени на доказательство тезиса о возрастании роли медиакритики в условиях массового нахлына плохой журналистики или неплохой, но мелкотравчатой репортёрской хроники, или хорошей «пиарналистики», или превосходной пропаганды, подминающей журналистику, скажем, на российском ТВ. Рассматривая функции медиакритики, С. Страшнов, на мой взгляд, недооценивает развлекательную, о которой писал, например, Р. Баканов. Цитируем С. Страшнова: «Р. Баканов добавляет к этому — правда, без достаточно веских на то оснований — еще и развлекательную» (с. 71). Он рекомендует ее убрать из списка «из пяти номинаций: функции информационно-ориентирующая, аналитическая, регулятивно-контролирующая, просветительская и рекламная» (с. 71). Тут хотелось бы защитить исследователя из Казани, идеи которого автор этих строк уже имел удовольствие рецензировать в «Акцентах». Во-первых, развлекательная функция (в разной мере, но все же) присуща любому виду творчества. Во-вторых, медиакритик обязан думать о потребителях, учитывать уровень их медиакомпетентности, который сегодня оставляет желать лучшего. В третьих, научно-популярная журналистика, о которой много писал Р. Баканов, сегодня не случайно тяготеет к глянцу, поэтому и медиакритики должны учесть опыт популяризации серьезных идей с помощью гедонистических стратегий продвижения товара на рынок.

В общем, книга об амбивалентных отношениях массовых коммуникаций и литературы, конечно же, стоит того, чтобы ее читать и публично обсуждать.

Виктор Хорольский
г. Воронеж

Колосов Алексей Алексеевич

30.08.1953 – 25.10.2019

После тяжелой болезни ушел из жизни наш товарищ, коллега, журналист, выпускник и преподаватель журфака ВГУ А. А. Колосов.

Журналист, репортер, фотохудожник Алексей Алексеевич Колосов родился 30 августа 1953 года в Магаданской области, на Колыме. Но детство его прошло на станции Хреновая, что в Бобровском районе Воронежской области. Дом, в котором он жил вместе с родителями, построенный еще в позапрошлом веке, до сих пор стоит прямо на перроне станции, стекла в его окнах строго по расписанию дребезжат в унисон грохоту от проходящих поездов. А в полукилометре от дома — пруд, где были выловлены первые в жизни караси, а еще полкилометра — и можно днями любоваться красавцами-рысаками знаменитого Хреновского конезавода, а дальше — прекрасный Хреновский бор... В общем, четверокласснику Леше Колосову было что запечатлеть на пленку подаренного за отличную учебу фотоаппарата «Смена».

С тех пор он не расставался с фотоаппаратом никогда и нигде. Визит в булочную по приказу супруги с камерой на груди — вовсе даже не анекдотическое преувеличение, а правда жизни. Впрочем, про-

фессиональным фотографом Колосов стал не сразу. По окончании восьмилетки поступил в Воронежский авиационный техникум, потом отслужил в армии. Но авиационная промышленность не дождалась в свои ряды дипломированного специалиста, зато редакция областной газеты «Молодой коммунар» заполучила фотокорреспондента (1974–77 гг.).

Учеба на заочном отделении факультета журналистики ВГУ сочеталась с работой в русскоязычных изданиях Киргизии, в редакциях Москвы и Вологды. Некоторое время Колосов преподавал на факультете журналистики. В отличие от большинства фотографов, нечасто обращающихся к слову, умел и любил писать, автор множества серьезных журналистских материалов.

Лауреат Всесоюзного конкурса, посвященного 150-летию фотографии, обладатель бронзовой медали ВДНХ (1985 г.), призер фотоконкурсов газет «Труд» и «Гудок». В последние годы — заместитель главного редактора вологодской газеты «Красный Север».

Светлая память!

**Коллектив факультета журналистики
Воронежского государственного университета**

Павел Пономарёв

Лев Кройчик. О наследии и наследниках

Из недавнего актуального в культурной жизни Воронежа: рабочая группа специалистов разрабатывает новое положение о ежегодных премиях Воронежской области по журналистике. Один из насущных вопросов: присваивать или не присваивать областному конкурсу по журналистике имя Льва Ефремовича Кройчика? Мнения разделились: в противовес выдвинутому предложению выдвигают пожелание не давать имена выдающихся людей премии Правительства Воронежской области...

I

Повод для интеллигентской дискуссии не заставил долго ждать: почти одновременно — 4 и 5 сентября — в телеграм-канале областного правительства и в группе в «Фейсбуке» воронежского Дома журналистов появляются аналогичные опросы: «за» и «против» присвоения имени Льва Ефремовича областному конкурсу по журналистике.

Тогда вашим покорным слугой по горячим следам был подготовлен материал информационно-аналитического характера, с привлечением экспертных мнений, для интернет-газеты «Время Воронежа». Не буду его пересказывать — скажу только, что большинство экспертов в медиасреде Воронежа высказались отрицательно против предлагаемой идеи.

Повторяю: против идеи — без перехода на личность.

Ибо опрос формата pro et contra в отношении конкретной личности — априори некорректен.

И все-таки воспроизведу несколько цитат — для ясности самой стратегии мышления экспертов в данной ситуации.

Первым в группе Дома журналистов на «Фейсбуке» против присвоения имени Льва Кройчика воронежскому конкурсу по журналистике высказался заместитель главного редактора интернет-журнала «7x7» Олег Григоренко:

— Мне кажется, конкурсу, который организуют областные власти, не надо присваивать ничего имени. Это конкурс, который организует областное правительство — не больше и не меньше. Вряд ли цели, которые ставил перед собой Лев Ефремович и как журналист, и как преподаватель, полностью совпадали с целями организаторов конкурса.

Правда, каковы именно были цели обеих сторон, мы можем только предположить. В положении «О ежегодных премиях Воронежской области по журналистике» цели конкурса не прописаны. Поговорить сегодня со Львом Ефремовичем о его целях журналиста и педагога мы — к сожалению — уже не можем.

Хотя это не совсем так.

II

Лев Ефремович оставил серьезное творческое наследие, одна из ключевых идей которого, — выстраивание диалога между автором и аудиторией

(читателем, зрителем, слушателем и т. п.).

Эта идея — главенствующая в творчестве Кройчика.

И эта идея, бывшая актуальной при жизни автора (не забывайте, что Лев Ефремович до последнего времени был одним из самых читаемых воронежских авторов), возможно, более актуальной становится именно сегодня.

Когда физический уход автора порождает его, автора, метафизическое бытие.

Иными словами (и пусть они не покажутся «высоким штилем») — порождает творческое бессмертие автора.

Как часто бывает — чтобы доказать свое бессмертие, художнику приходится умереть (парадокс творческого существования).

В свое время Лев Ефремович выработал десять максим творчества, с которыми лично мне довелось познакомиться на традиционной актовой лекции для первокурсников 1 сентября 2015 года.

Ключевая идея их: превращение собственного бытия в осознанное созидательное существование.

Сегодня, когда в силу необратимых жизненных процессов наступил тот момент, когда наш диалог с Учителем из физического акта превратился в акт духовный, позволю себе дерзость дополнить эти десять максим еще одной — не мной, вероятно, выработанной, но мной здесь и сейчас сформулированной (предположу, что Лев Ефремович, не выдвигавший вслух эту идею в силу противоречащего ей склада своего характера, тем не менее не мог — как любой большой художник, мыслитель, ученый — не думать о ней):

— творчество — постоянный акт умирания.

Что я имею в виду под этой мрачной, на первый взгляд (но только на первый), противоречащей философии Кройчика — философии жизнелюбия — формулировкой?

Именно ту самую нацеленность на бессмертие.

Не физическое (будем реалистами) — а творческое, эстетическое.

«Vita brevis, ars longa» (что с латыни переводится «жизнь коротка, искусство/наука длинна»), — сказал Гиппократ.

Двойной перевод использованного в афоризме греческого слова *techné*, которое обозначает и «науку», и «искусство», для Кройчика подходит как нельзя лучше.

Проще говоря, другая крылатая фраза, непонятно кому принадлежащая (а значит, не менее древняя): «Искусство бессмертно».

«Произведение искусства всегда претендует на то, чтобы пережить своего создателя»¹, — пи-

¹ Бродский И. А. Сын цивилизации // Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. СПб., 2001. Т. 5. С. 92.

шет Иосиф Бродский. И далее говорит о стихах, однако эти слова применимы, как мне представляется, к любому виду творчества (в широком смысле — искусства): «Перефразируя философа, можно сказать, что сочинительство стихов тоже есть упражнение в умирании. Но кроме чисто языковой необходимости побуждает писать не беспокойство о тленной плоти, а потребность освободить от чего-то свой мир, свою личную цивилизацию, свой несемантический континуум. Искусство — это не лучшее, а альтернативное существование; не попытка избежать реальности, но, наоборот, попытка оживить ее. Это дух, ищущий плоть, но находящий слова»².

В конечном счете итогом вышеприведенных мыслей является идея о конечном — посмертном — торжестве текста над автором³.

«Нет, весь я не умру».

Думаю, что идея эта (не спору — честолюбивая по своей природе, но признаем, что без честолюбия не возможен большой художник, мастер) волновала и Льва Ефремовича. Неспроста в последние отведенные жизнью полгода он так интенсивно работал сразу над четырьмя (!) рукописями своих будущих книг (увидеть, однако, хотя бы одну из них ему было уже не суждено).

Не просто спешил.

Не просто предчувствовал.

Не просто осознавал.

Но еще — задумывался над тем избитым, но вечным вопросом: что останется после меня?

И все-таки творческая биография Льва Ефремовича оказалась счастливой: он при жизни (и пусть опять эти слова не выглядят пафосно — Лев Ефремович не любил) был брендом журфака, университета. Города.

Не зря на втором этаже журфаковского корпуса, на стене возле кафедральных комнат, на одном из стендов, именуемых «Легенды журфака», есть фото и биография Льва Ефремовича.

Сейчас легенда окончательно становится легендой.

III

Лев Ефремович Кройчик был носителем таких жизненно необходимых — для окружающих в первую очередь, а потом уже для себя, носителя — человеческих качеств, как:

- честность;
- справедливость;
- порядочность;
- скромность.

Эти качества — после перехода их носителя в иное физическое состояние — трансформируются

² Там же

³ См.: Куллэ В. Поэзия и смерть: миллениарное обострение // Уйти. Остаться. Жить: Антология литературных чтений «Они ушли. Они остались» (2012–2016). М., 2016. С. 40.

в обратно пропорциональные относительно нас, современников, категории:

- благодарность;
- любовь;
- память.

Последнюю считаю главенствующей и итожающей процесс духовного осмысления, воскрешения, обессмерчивания личности, имени.

Часто теоретически глобальные проекты по увековечиванию значимой фигуры отличались мелко-масштабными (да просто — мелкими) практическими действиями.

В быту такое зовется «делание имени» — но не имени увековечиваемого, а имени иницируемого.

Проще говоря, кто первый предложил, тому и лавры.

В отношении же самого субъекта памяти говорят часто: «Ему это уже не надо».

А дело-то, собственно — на деле — в другом.

Роберт Рождественский давно вывел на этот счет формулу:

«Это нужно — не мертвым. Это надо — живым».

Феномен личности Льва Ефремовича Кройчика заключается в первую очередь, на мой взгляд, даже не в его талантах ученого, литературоведа, писателя, публициста, журналиста⁴.

Феномен этот наиболее характерно проявился в педагогике.

⁴ Дмитрий Орищенко, воронежский медиабизнесмен и медиаэксперт, владелец и руководитель воронежского ИА «Агентство Бизнес Информации» (Abireg.ru) выдвинул идею о том, что называть Льва Кройчика журналистом в нынешнем понимании этого слова не совсем правильно. Отталкиваясь от того факта, что Лев Ефремович был фельетонистом, на протяжении многих лет ведя свои колонки в разных изданиях Воронежа (а фельетон как журналистский жанр сегодня себя исчерпал), Орищенко приходит к выводу, что Кройчик был более литератором, нежели журналистом. Этот вывод, в частности, сыграл главную роль в формировании отрицательного мнения медиаэксперта относительно идеи о присвоении имени Льва Ефремовича конкурсу по журналистике. К слову, другой медиаэксперт — декан журфака ВГУ Владимир Тулупов — вообще называет тексты Кройчика, которые он публиковал в своих персональных рубриках в воронежских изданиях, не фельетонами, а эссе. В пользу своего довода Тулупов приводит основные жанровые признаки эссе, характерные для текстов Кройчика: ярко выраженная авторская позиция, опора на собственные эмоции и опыт, система авторских переживаний и умозаключений. В свою очередь напомню, что сам Лев Ефремович, как теоретик журналистики, разграничивал понятия «журналистика» и «публицистика», считая, что для первой характерно информационное обслуживание аудитории (проходящее зачастую без обратной связи), вторая же стремится в первую очередь к формированию авторской точки зрения, авторского «Я» в тексте, и обратная связь (диалог, иными словами) в данном случае — один из ключевых моментов. Эти идеи отчасти объясняют и творческую стратегию самого Кройчика, позволяя объективно оценивать его фигуру в рамках им же созданной творческой концепции.

В учительской, наставнической модели поведения Льва Ефремовича, позволившей ему не только воспитать несколько поколений специалистов (в частности, журналистов Черноземья) советского и постсоветского периода, но и сыграть ключевую роль в формировании индивидуальностей, личностей этих специалистов.

Лев Ефремович как-то сказал:

— Не всем быть профессионалами-журналистами — но пусть они будут хорошими людьми.

Самого же Кройчика называют патриархом, отцом-основателем современной воронежской журналистики (пусть и относительно современной, если проецировать на сегодняшний день).

Не спорю — снова пафосная лексика, и вышесказанное недолго — и главное, нетрудно — оспорить, вспомнив первое приходящее на ум имя знаменитого воронежского журналиста Василия Михайловича Пескова (главный аргумент в его пользу — это имя бесспорно общероссийского, а не только регионального масштаба).

Хотя и здесь — не все так однозначно.

Когда прошедшим летом я был на литературном фестивале в Твери, беседовал со мной корреспондент местной газеты — выпускник конца 80-х воронежского журфака.

Ученик Кройчика — куратора его группы.

Мир тесен?

А может, правда — раздвинуть рамки?

IV

И тем не менее тот факт, что Лев Ефремович Кройчик явился одним из основателей журналистского преподавания в Воронеже⁵, — фактически, одним из основателей современной воронежской школы журналистики — оспариванию не подлежит.

Во всяком случае ныне мы в полной мере имеем возможность, как выразился директор Издательского дома ВГУ, журналист и публицист Дмитрий Дьяков, «посмотреть на личность Льва Ефремовича Кройчика с позиции пространства и времени».

Воспользуемся этой возможностью — она того стоит.

Как минимум — для определения *своего* места в этих самых пространстве и времени, нас с вами объединяющих.

(Во всяком случае, то, что мы с вами современники Льва Кройчика — тоже факт, не подлежащий оспариванию.)

Не зря любимым словом нашего Учителя было отглагольное существительное «самотворение», в котором заложена не просто энергия творчества как

такового, но и энергия личной причастности к этому творчеству. Самотворение личности.

Иными словами — заниматься тем, что избрано в качестве главного дела собственной жизни.

«Чтобы выпрямиться, человек сначала нашел в себе точку опоры, а найдя ее, отбросил палицу, распрямился и понял, что можно жить, не прогибаясь, посреди окружающего его мира. Можно не бояться его. Так возникло чувство свободы. Так началось самотворение личности. С каждодневного вопрошания “Азь есмь?”. А если “Я есть!”, то что я собой представляю»⁶, — писал Лев Ефремович.

Я вновь обращаюсь к творческому наследию Учителя и обращаю на него — наследие, которое еще ждет своего наследника, — ваше внимание.

Изучить это наследие, осмыслить и — переосмыслить, показав научному, профессиональному и читательскому миру неизвестного Кройчика, поделившись с этим миром авторскими и собственно авторскими открытиями, — задача, которая представляется мне на ближайшее время чрезвычайно важной и актуальной.

Возвращаясь же к теме педагогики, вспомню интервью Льва Ефремовича, данное для фильма «Встреча с Учителем», снятого учебной телестудией факультета журналистики ВГУ в 2017 году. Тогда на вопрос авторов фильма «Какие качества вы хотели бы видеть в современных студентах?» Лев Ефремович ответил:

— *Первое: любовь к жизни.*

Второе: доброта.

Третье: здравый смысл.

Четвертое: достоинство — и по отношению к окружающему миру, и к себе самому.

И пятое: постоянная готовность к творчеству.

V

Да — наверное, современная отечественная журналистика — под давлением времени и сопряженных ему социальных факторов — изменилась и представляет уже не совсем то, на что ориентировался Лев Ефремович Кройчик как профессионал и педагог (и в этом смысле что ни говори — прав Олег Григоренко, видящий несовпадение профессиональных целей Льва Ефремовича и профессиональных целей организаторов областного конкурса по журналистике).

Но дело, как мне кажется, — не в этом.

Надо помнить, что по своей природе Лев Ефремович был романтиком и идеалистом.

Снобы скажут, что в современном мире — качества бесполезные, более того — вредные. (В первую очередь — для самого носителя качеств.)

Буду — сам, вероятно, как романтик и идеалист — спорить.

Во-первых, таковых всегда были единицы.

А во-вторых — если предаться истории — именно таковые делали погоду. Открытия. Революции.

⁵ С 1963 г. — преподаватель, старший преподаватель, доцент кафедры советской литературы, кафедры журналистики Воронежского государственного университета;

с 1989 г. — заведующий кафедрой истории журналистики (впоследствии — журналистики и литературы) ВГУ;

с 1989 по 1994 гг. — декан факультета журналистики ВГУ; наконец, с 2018 г. и до последнего дня — профессор-консультант кафедры истории журналистики и литературы ВГУ.

⁶ Кройчик Л. Е. Организация диалога в публицистике // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2018. № 1. С. 103

Меняли окружающий мир и окружающее мировоззрение. (Кстати, сверхзадача журналистики — не в этом ли?)

Жертвовали собой — но во благо других.

И всегда верили в лучшее.

Потому что любовь — к близнему, к дальнему, ко всему живому, человеческому, мировому, любовь всеохватная — неистребима.

Лев Ефремович был таким.

И верил в лучшее. (Во время нашего последнего — полноценного — разговора 14 марта 2019 года, за два дня до инсульта, понимая, что уходит, сказал мне: «А все-таки не хочется уходить. Дожить бы до мая — до моего юбилея...»)

И поэтому — времена пройдут, мода сменится, приоритеты сдвинутся (все это применимо к журналистике)...

Но что-то — останется.

Что-то разумное. Доброе. Вечное.

Что-то от Льва Ефремовича.

Не в этом ли высшая цель и сила памяти — нести частицу человека в себе?

Того человека — журналиста ли, литератора ли, художника ли, плотника ли, сантехника ли, комбайнера ли, менеджера ли, блогера ли — который был и будет во все времена, потому что в нем — то необходимое человечеству и постоянно им (несмотря на трудности, жестокость и обреченность) — возобновляющееся:

- любовь к жизни;
- доброта;
- здравый смысл;
- достоинство;
- готовность к творчеству.

P. S.

Да — для памяти уже много сделано.

Аудитория № 110 факультета журналистики носит имя Льва Ефремовича.

На базе университета создана комиссия по творческому наследию Льва Ефремовича.

Скоро в ВГУ появится новая именная стипендия — Льва Ефремовича.

Наонец и, наверное, самое главное: в течение этого года выходят последние работы Льва Ефремовича.

Книга воспоминаний «Тогда».

Книга «Усомнившийся Платонов», посвященная стихии комического в произведениях писателя.

Книга «“Дядя Ваня” А. П. Чехова на сцене Воронежского Камерного театра».

Монография «Актуальные проблемы теории публицистики».

(Последние две — скоро выйдут.)

Много сделано — но еще много надо сделать.

г. Воронеж

Литература

1. Бродский И. А. Сын цивилизации / И. А. Бродский // Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. / И. А. Бродский. — СПб.: Пушкинский фонд, 2001. — Т. 5. — С. 92–106.

2. Кройчик Л. Е. Организация диалога в публицистике / Л. Е. Кройчик // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. — 2018. — № 1. — С. 102–105.

3. Куллэ В. Поэзия и смерть: миллиарное обострение / В. Куллэ // Уйти. Остаться. Жить: Антология литературных чтений «Они ушли. Они остались» (2012–2016). — М.: ЛитГОСТ, 2016. — С. 36–49.

Лоцман в мире знаний и грёз

Владимир Алехин — в прошлом курсант летного отделения Липецкого УАЦ-филиал Армавирского Высшего военного авиационного училища лётчиков. Армия и авиация органично вошли в его жизнь. Военная тематика — главная составляющая его творчества.

Сначала он был военным корреспондентом газеты Уральско-Приволжского военного округа «За Родину», а затем посвятил свою жизнь литературному творчеству и спортивной журналистике. В 1978 году окончил факультет журналистики ВГУ. Работал сначала в районке Хлевенского муниципального образования, затем перешел в Издательский Дом «Липецкая газета». В настоящее время он, автор двадцати восьми книг, состоит в Воронежском отделении Союза военных писателей. Лауреат журналистской премии имени Александра Вермишева, лауреат литературного конкурса «Гравис».

Сегодня мы публикуем отрывки из книги Владимира Алехина «Лоцман в мире знаний и мире грёз».

*О вине подумаю, о хлебе,
О птенцах, собравшихся в полет,
О земле подумаю, о небе
И о том, что все это пройдет.
И о том подумаю, что все же
Нас кому-то очень будет жаль,
И опять, веселый и хороший,
Я умчусь в неведомую даль.*
Николай Рубцов

Однажды я написал послание майору Станиславу Грибанову, корреспонденту газеты «Красная звезда». Мне казалось, что ему будет интересно узнать, как я живу и как после отчисления из Высшего военного авиационного училища лётчиков проходит моя солдатская служба. В этом письме главное было — вопрос, вроде: как вы достигли такого таланта и как мне освоить журналистскую профессию? В общем, состоялось наше заочное знакомство.

Шло время, и я постоянно думал, ответит ли мне майор Грибанов или не ответит.

Однако то, что Станислав Викентьевич ответил мне — это была фантастика! Он прислал мне большое письмо на фирменном бланке, отпечатанном на машинке. Состоялся потрясающий разговор корифея военной журналистики с двадцатилетним юношей, мечтающим работать в газете.

Потом уже мы познакомились и подружились. Я стал для Грибанова вроде крестного ученика. Так оно и было.

В общем, в творчество я попал во многом благодаря Станиславу Грибанову, которого, если можно так выразиться, прорекламовала «Красная звезда».

Возможно, в какой-то мере будет правильно, если считать наш творческий союз стечением обстоятельств. Эти обстоятельства подкидывает воля случая. Когда я прочитал в «Красной звезде» репортаж за подписью Станислава Грибанова, я понимал: он мой наставник. Судьба свела нас не вдруг, не сразу, лишь годы спустя.

Выбор наставника не прост. Ему нужно доказать, заинтересовать, приложить усилия, чтобы им заинтересовались читатели. Это реально, если журналист без назойливости настойчив и его творческие труды приятны, нравятся читателям, и те сердцем и душой готовы их принять. Среди читателей есть юноши и девушки, мечтающие о профессии журналиста. Они ищут своих кумиров, публикующихся в газетах и журналах. Как часто они проходят мимо.

Говорят, удача приходит к тому, кто к ней хорошо подготовился. Это как песня и исполнитель. При этом, понятно, песня должна быть хорошая, зажигательная. Тогда исполнитель возьмет ее.

Готовиться — это, в моем понимании, значит работать над собой до того времени, как появится наставник. На своем опыте я убедился: такой человек непременно придет, если этого по-настоящему захотеть.

Я отдал предпочтение майору Грибанову, потому что видел в нем психологический тип, к которому принадлежал сам. Казалось, Станислав Викентьевич тот человек, способный дополнить мои потребности.

На долю читателей моего поколения таких военных журналистов, как Грибанов, выпало, увы, совсем немного. Это была необычайно яркая и выпуклая фигура.

В моем домашнем досье сохранились практически все публикации, напечатанные в «Красной звезде» и военных журналах, запечатлевшие его уникальный талант. Грибановские очерки, репортажи, корреспонденции я до сих пор читаю, перечитываю и, думаю, готов делать это бесконечно. Перечитывания не притупляют остроты восприятия материалов.

Я хорошо помню тот день, когда прочитал в «Красной звезде» его первый репортаж. Заворожил красивый язык автора, тогда еще военного летчика. Меня удивило то, что летчик публикуется в главном печатном издании военного ведомства.

Станислав Грибанов — ах, неповторимый Грибанов, сколь многому впоследствии мне, человеку, посвятившему жизнь журналистике, хотелось научиться у него: мастерству, стабильности. Материалы высокой пробы ему удавалось делать всегда. Я с нетерпением ждал, когда наш почтальон принесет мне очередной номер «Красной звезды» с очерком Грибанова. Ему не надо никому доказывать, что он лучший, ибо он был замеченным. Вернемся, однако, к его первой публикации в газете «Красная звезда». Он вышел под рубрикой «учения, полеты, походы».

«Солнце уже поднялось, но еще чувствовалась ночная прохлада. Дышалось легко, свободно. А через час по стоянке пробежал легкий ветерок, сдвинул с места первые песчинки и понес их в бесконечном вихре невесть куда.

— Сложная погода, — подумал Александр Яковенко.

— На всякий случай готовьтесь, — сказал ему идущий рядом капитан Машенцов.

Должны были состояться стрельбы ракетами по сверхзвуковой цели. Летчики и раньше потрясали воздух над полигоном грохотом мощного оружия, но это задание было особенно сложным. Поэтому подготовка проводилась под контролем «ракетного короля» полковника Дедикова. Ведь попасть иглой в иглу — ракетой в стреловидный самолет — нелегко. Короче, шли соколы, как писал поэт, «покорять ракетный гром».

На стоянке летчиков встретили инженеры, искусные мастера логарифмических линеек. Да, для обслуживания такой техники одних умелых рук уже мало, необходим точный расчет. Но в авиации есть золотое правило: «Доверяя, проверяй», — так что контроль — первейшее дело. Внимательно осматривает подвеску ракет летчик капитан Яковенко. Майор Кондратьев летит позже, но и он на стоянке. Дать совет, оказать летчикам помощь никогда не лишне.

— Вы послушайте, послушайте, как она играет, — говорит он капитану Яковенко о ракете. И хотя тот не силен в музыкальных тонкостях, но эту бодрую, мажорную гамму он усвоил безупречно.

— Маэстро, дайте ноту ля! — шутит Александр из кабины. Вслед за этим слышится ровный, монотонный гул.

— «Оркестр» настроен, — улыбается капитан Яковенко, и его звонкий голос летит по стоянке. — Все в порядке!

Неожиданно резко ухудшилась видимость. Толстое покрывало пепельных туч закрыло аэродром. Пара ошестившихся ракетами сверхзвуковых перехватчиков нырнула в их серую массу. Прошло несколько долгих минут, и яркий солнечный поток ударил в глаза, разбежался по приборам.

— Я — 590, за облаками, высота... — доложил капитан Яковенко, а через несколько секунд добавил: — Пара в сборе, отошел от точки, курс ...

Дальше действия развертывались все стремительнее, и все чаще раздавались голоса перехватчиков на командном пункте. Наконец доложили:

— На боевом...

Капитан Машенцов включил последние тумблеры, еще раз проконтролировал сигнальные лампочки, опустил указательным пальцем скобу на кнопку пуска ракет. Последовала короткая пауза и резкое, отрывистое:

— Горка!

Истребитель начал маневр для стрельбы. Сотни часов в воздухе, тысячи атак с пикирования и кабрирования, слева и справа, весь многолетний опыт вкладывает он в этот заключительный этап воздушного боя.

...Второе солнце рванулось из-под самолета. Колыхнулось небо. Горизонт упал на плоскость. Солнечный шар накрыл цель. Это сделал капитан Яковенко.

А перехватчики уже мчались вперед, и не вдруг разберешь: ракеты обогнали их или они ракету. Да только ясно было — подостлал звук-то, и здорово.

Еще не успели зарулить на стоянку капитаны Яковенко и Машенцов, как на полигоне отстрелялись летчики первого класса Кондратьев и Автухов. Но вдруг в эфир ворвались леденящие сердце слова:

— Остановился двигатель!..

Вот он, тот «особый случай» в полете, о котором всегда говорят командиры. На время прекратился радиообмен с другими экипажами, все внимание самолету, попавшему в беду.

Тишина всегда немного неожиданная и неприятная. Там, на огромной высоте, казалось, захватила весь мир, проникла в герметизированную кабину и всей тяжестью навалилась на плечи. Дыхание летчика и свист встречного потока, омывающего фонарь кабины, — единственные признаки жизни.

Остановился двигатель... Но человек не сдавался.

Майор Автухов готовится к запуску. Продуманы и экономны его движения. Еще несколько секунд падения, и самолет исчезнет в объятиях мрачных сырых туч. Но уже включен тумблер «запуск в воздухе». Дрогнули стрелки приборов, и вот всем телом летчик почувствовал дрожь двигателя. Жизнь машины спасена! Однако работа еще не окончена. Еще рано ослаблять внимание, еще нельзя сбросить перчатки и уставшей рукой вытереть едкий пот с лица. Самолет может захлебнуться в безмерной радости новой жизни, и летчик, не давая воли своим чувствам, не упуская ни одной мелочи, действует осторожно и уверенно. А рядом, готовый в любую минуту помочь хотя бы словом, летит ведущий — майор Кондратьев.

С земли поступают команды:

— Доверните влево на три градуса. Идете хорошо. До точки тридцать...

Много, много людей с тревогой следит за этим полетом. Но вот пробита облачность, впереди легла светлая полоса бетонки. Земля приняла самолет мягко, по-матерински бережно. Полет окончен. «Задание выполнено полностью», — запишет в полетном листе летчик, и только сердце сохранит в памяти минуты борьбы, еще одна зарубка останется на нем. Но без этого немислима жизнь в небе».

Уникальный талант, стиль, которому начинающим журналистам невозможно подражать, открыл в Грибанове еще и удивительную способность располагать своими публикациями к себе людей. Большинству из них повезло меньше, чем мне. Они открыли его для себя, если можно так выразиться, заочно. Мне довелось с ним познакомиться в его московской квартире. Но это произойдет позже. А в течение двух лет, перед нашей встречей, он учил меня журналистскому мастерству по переписке.

Моя служба в армии подходила к концу. На финишной прямой я все чаще задумывался о будущем,

стремился к цели, то есть к успеху в жизни. Я понимал: чтобы оказаться удачливым, нужно, прежде всего, правильно выбрать профессию. Это определяло положение в обществе — престижность, значимость, духовное удовлетворение, а также материальное благополучие. В общем, надо было получить профессию, которая создала бы соответствующий образ жизни. В детстве, когда в школе писали сочинения на тему: «Кем я хочу быть», считал, что по моим меркам авиация могла удовлетворить мои потребности. Говорят, что профессия ищет нас, а мы ищем ее.

Профессию летчика я буквально примерял на себе, казалось, нашел такую, которая наиболее соответствовала и моему желанию, и моим возможностям.

Я очень уважал дядю Колю, мужа моей тети. И хотя в браке они прожили недолго, тетя Поля умерла в возрасте двадцати шести лет, наши отношения с Николаем Федоровичем Золотаревым поддерживались и потом, когда он жил со второй женой. Дядя был фронтовиком. Старшина. Стрелок-радист на пикирующем бомбардировщике Пе-2 в знаменитом авиакорпусе, которым командовал дважды Герой Советского Союза генерал-майор Иван Семенович Полбин. На гимнастерке Николая Федоровича ордена Боевого Красного Знамени, Славы, Отечественной войны и Красной Звезды, медали. Для меня, мальчишки, тогда было пределом мечтаний примерить перед зеркалом авиационную фуражку с кокардой, золотой птичкой на тулье, которую дядя Коля иногда давал мне поносить.

Николай Федорович, вернувшись с фронта, работал шофером в колхозе. Водительские обязанности ему было выполнять трудно: после ранения, полученного в воздушном бою, он хромал.

— Когда мы возвращались с боевого задания, на линии фронта нас обстреляли немецкие зенитки, — рассказывал мне дядя Коля. — Снаряд попал в двигатель, самолет загорелся, и командир экипажа старший лейтенант Сарафанов приказал штурману и мне прыгать. Во время прыжка стабилизатор самолета ударил по колену. На этом война для меня закончилась.

Эпизоды из летной биографии, о которых Николай Федорович мне рассказывал, я, включив свою творческую фантазию и образное мышление, излагал на рисунках. Учебу в школе я не любил, хотя предметы, за исключением русского языка, мне давались легко. Я не стремился получать высокие оценки. Не было стимула, да и выделяться в ребячьей среде не хотел. Учился, как все: не отставал и не забегал вперед. Зато рисовать любил и этому увлечению уделял много времени. В художники-профессионалы не стремился, но живописные военные, чаще воздушные, бои, изображал с удовольствием. Обычно красноезвездный самолет летел ввысь, а воздушный пират с черной свастикой падал, оставляя в небе темный дымный шлейф, вниз. Тогда моему поколению и в голову не приходило, что нас может кто-то победить в войне. Мы были убеждены: советский героический народ самый сильный в мире.

Дядя Коля иногда смотрел мой школьный дневник. Убедившись в том, что я не слишком усердствую в познании школьной программы, он однажды хлопнул ладонью по столешнице:

— Так дело не пойдет. Знаешь, мы сделаем с тобой вот что...

Он выдержал паузу и изложил свой план. Проект заключался в организации и проведении большой военной игры.

— Ты, скажем, получаешь пятерку в школе. Мы будем считать, что ты, таким образом, сбил в воздушном бою немецкий истребитель. Четверка в дневнике — это сбитый бомбардировщик. Тройки в счет не идут. Ну как, подойдет?

Идея дяди Коли мне очень понравилась, и я с радостью ее подхватил:

— Принимается!

С тех пор так и повелось. В конце учебной недели я показывал Николаю Федоровичу свой дневник. Он подсчитывал количество «сбитых самолетов», после чего мне полагались награды — конфеты, значки, книжки, открытки.

Моими школьными успехами дядя Коля был доволен. С юморком он говорил: мол, скоро на твоём боевом счету «сбитых самолетов» станет побольше, чем у Кежудуба и Покрышкина. Молодец!

Николай Федорович следил не только за моей успеваемостью в школе, но и помогал укреплять здоровье. Настаивал, чтобы я закалялся, активнее занимался спортом. Подчеркивал:

— Алкоголь не употребляй и не кури. Вижу, тебе нравится авиация. Может так случиться, что после школы захочешь поступить в военное училище. Но для этого нужно иметь хорошее здоровье. После войны я хотел поступать в летное училище, да вот, видишь, нога подвела.

Многое из того, к чему подвигал меня мой дядя Коля, осуществилось. В целом, при общении со мной он не произносил патетических, высокопарных фраз, а говорил по делу, контролировал мое поведение и поступки. Когда требовалось, предостерегая от ошибок и нежелательных поступков.

Став взрослым, я иногда задумывался над тем, что двигало Николаем Федоровичем, почему он принял такое активное участие в моем воспитании? Только ли родственные связи способствовали этому? Я приходил к выводу: он в отличие от других не хотел, да и не умел жить исключительно личными интересами, не сосредотачивался на заботах только о себе. Он был моим наставником.

В ожидании ответа от Станислава Грибанова я думал о своем будущем. Военная карьера не сложилась, а потому теперь надо было выбирать профессию на гражданке.

Я был реалистом. Требовалось найти профессию по душе. Это немало, это уже полдела. Но даже в этом случае нужно было еще и освоить ее. Человек, если он ремесленная посредственность, со временем будет тяготиться работой, ему придется тянуть лямку и отсчитывать время до пенсии. Мне хотелось выйти

за пределы заданного стереотипа, добиться проникновения в профессию, то есть удовлетворять и себя, и ее.

Когда я читал очерки военного летчика Грибанова в центральной газете, органе Министерства обороны СССР, ловил себя на мысли, что мог бы, как и он, попробовать себя в журналистике. Не в «Красной звезде», разумеется, а рангом пониже. Я начал писать заметки и посылать их в газету «За Родину» Уральско-Приволжского округа. Опусы выходили из-под моего пера сырыми, язык корявый. Но, к моему удивлению, их, подкорректировав в редакции, публиковали в окружной газете. А потом произошло и вовсе сенсационное событие.

— Молодой человек, мы внимательно следили за вашими публикациями в нашем печатном органе и, признаюсь, они нравятся нам, — сообщил мне начальник политотдела училища полковник Христенко и, пристально всмотревшись в меня, выдержал паузу. Я не понимал, куда он клонит. Полковник, нарушив молчание, буквально оглушил меня: Знаете наш постоянный корреспондент, который был связующим журналистским звеном между училищем и газетой «За Родину», уезжает служить в Группу Советских войск в Германию. На его месте постоянного корреспондента мы хотели бы видеть вас.

Такое престижное предложение, да еще и обращение на вы, все это подкупало, льстило. Как человек военный, я тут же взял под козырек. Позже полковник Христенко говорил, что во мне его подкупила особая журналистская устремленность, глубокая и тонкая наблюдательность. Все это находило непосредственное выражение в исполнении. При этом я ощущал чувство удовольствия. Мне нравилось необычное состояние, которое я испытывал при сборе материала и оформлении заметок. Во мне жило чувство настоятельной необходимости высказать через газету то, что волновало меня. Творческие решения приходили откуда-то извне, из подсознания, как бы из глубины мозга. Активный ум обеспечивал восприимчивость впечатлений, приводил к любознательности. Особая психологическая организация закладывала во мне фундамент новой жизни. Теперь я представлялся себе не прежним, другим. Во мне крепла уверенность, что на журналистском поприще я могу достичь успеха. Я рассчитывал на то, что майор Грибанов поддержит меня.

Эмоции и чувства способствуют достижению цели, осуществлению желаний. Они связаны с мотивацией.

Меня и Грибанова соединило духовное единство. Наши чувства, мысли как бы сосредоточились в едином фокусе и были направлены в общее русло. Из этой пары Станислава Викентьевича, правда, выделял его блестящий журналистский талант, высокая квалификация, индивидуальность и неповторимость. Далеко не каждого военного летчика приглашают для продолжения службы в «Красную звезду». Других доказательств не требуется. Научиться писать в газету вот так, как майор Грибанов, сочно, вкусно, мне очень хотелось. Однажды это сознание

меня схватило и больше не отпускало. Мозг взял эту мысль на вооружение.

Я ждал от Грибанова послания и терзался сомнениями. Москва далеко от Оренбурга. К Грибанову не придешь на квартиру и не заявишь с порога, мол, хочу, чтобы вы были моим наставником. Но захочет ли корреспондент «Красной звезды» стать моим репетитором по переписке и редким телефонным переговорам? Сомнения порой возникали, но я старался отгонять эти непрошенные мысли. Мне был нужен личный наставник. Я жаждал индивидуальных отношений. Много позже на неудачном опыте начинающих журналистов я с грустью понял: наставника на дороге не подберешь, как золотой самородок, и не найдешь по объявлению. Многие корифеи, получив заслуженное признание, утратили энтузиазм, потеряли вкус к творчеству, потухли. Они перешли в разряд «формальных ученых» и в учениках не нуждались. Ремесленникам, у которых отсутствует в душе горение, ученики тоже не нужны. Обидно, не правда ли?

Мысленно я сравнивал двух майоров: Грибанова и Савельева — моего летчика-инструктора в авиационном училище. Правда, Бориса Алексеевича я знал лучше. Энтузиаст, человек в летном деле по-настоящему творческий, он искренне заботился о своих подопечных. Савельев не жалел времени в освоении нами летной программы. Я усвоил простую истину: ученики нужны тем, кто сам горит и готов зажечь своим энтузиазмом тех, кто с ними рядом и кто в них нуждается. Искренне верил, что со Станиславом Грибановым я добьюсь ярких успехов в журналистике.

Теперь представьте мое состояние, когда в прекрасный день наш войсковой почтальон протянул, но придержал в своей руке большой конверт с фирменным логотипом газеты «Красная звезда», адресованное мне. Почтальон Женя попросил меня сплечь гопака и лишь после того, как я выполнил его волю, торжественно вручил послание майора Грибанова из Москвы. С этого дня вся моя жизнь пошла по-другому. Мой кумир поставил перед собой цель: сделать из меня профессионального журналиста. И мы начали работать. По переписке. Я отсылал Грибанову вырезки из окружной газеты, он анализировал их, отмечал хорошие моменты, указывал на недочеты, предлагал темы. Конечно, мне очень повезло, что на меня обратил внимание корифей военной журналистики и что он начал заниматься со мной. Терпеливо майор Грибанов работал с сырым материалом, имею в виду мои газетные публикации, и делал из меня профессионала. Мне не терпелось освоить специальность журналиста, ведь в это время с благословения начальника политотдела летного училища полковника Христенко я трудился военным корреспондентом окружной газеты «За Родину». Стремился делать и отсылать в редакцию хорошие материалы.

— Я решил, что абсолютно необходимо повысить прежде всего общую культуру журналиста, — призна-

вался позже Станислав Викентьевич, — выработать в тебе высокоразвитое чувство долга и ответственности, интуицию, умение вести беседы с людьми, героями будущих очерков, репортажей корреспондентий, четко представлять и анализировать их работу. А подкупил ты тем, что рвался в журналистику и непременно желал иметь наставника. Мне очень понравилось это твоё стремление к совершенству.

Конечно, мне очень посчастливилось, что в майоре Грибанове я нашел наставника. Не случись этого, я, скорее всего, никогда бы не стал тем, кем являюсь сейчас.

Майор Грибанов как бы впустил меня, своего подопечного, в свой эмоциональный мир, в свою творческую лабораторию, кухню. Эти чувственные, эмоциональные отношения ученые характеризуют творческим биополем наставника. Это особое воспитание, в котором мыслится глубокое личное общение. Здесь, старший, Станислав Грибанов, одновременно наставник, друг, союзник и идеал младшего, то есть мой идеал. Оба испытываем друг к другу чувство симпатии. Это общение между старшим мужчиной-наставником и юношей стало своего рода институтом воспитания. Оно восполнило то, чего не могли дать другие воспитатели-профессионалы, а потому стало исключительно значимым для обеих сторон. Этот феномен заставил меня быть умным к мыслительной деятельности.

В ходе нашей совместной работы Станислав Викентьевич напоминал, что творческая возбудимость — результат прямой зависимости от личной активности. Говорил:

— Нельзя научить человека. Он делает себя сам. Истина глаголет: сотвори себя. Стремись жить и работать более полной жизнью, чем средний индивид.

Иными словами: ищи в себе самобытность и уникальность — факторы творческого развития. В этом случае через твою активность мне легче влиять на твою деятельность. Чувство, которое я испытал, впервые прочитав в «Красной звезде» репортаж Станислава Грибанова «Испытание», оказалось заразительным. Его дополнил очерк «Королева», отчасти автобиографический, он оказал прямое следствие чувственного взаимодействия моего и Грибанова. Оно еще больше привязало меня к кумиру. Тогда это выразилось в выборе профессии военного летчика. Через романтическое отношение Грибанова к профессии военного летчика я получал удовольствие, мечтая поступить в авиационное училище и грезя полетами. Эмоции удовольствия и определили вскоре мой выбор. Романтика от Грибанова, придя извне, легко передалась мне и побудила к действию.

Очерк «Королева», опубликованный в «Красной звезде», не вписывается в строгие рамки жанра. Это феерия. Раскрепощенный свободный полет...

«Ее еще никто не видел. Говорить о ней не принято. Летчики открытый, душевный народ, любят смех, шутки, диковинные истории. А вот поди ж ты, сфотографируй его перед вылетом, чего доброго, такое

услышишь... Или, к примеру, «чертова дюжина». Редко встретишь самолет с этим номером. Раньше, говорят, по понедельникам ни о каких полетах и речи быть не могло. Ну, а брился перед заданием разве только нигилист какой.

Вот и о ней: молчат, и точка, потому как не принято. Изредка если молодой пилот залетится соловьем на лавочке в парке, так уж ему прощается: врет ведь все, но тут обстановка требует. Меж собой летчики, конечно, тоже делятся, однако никто ее по имени не называл. Строптив уж больно характер. Не любит, когда много говорят о ней, того и гляди, осерчает.

Так и храним бережно тайну о ней, о красавице нашей, королеве пятого океана. И все же, если желаете, расскажу вам одну историю.

В сосновом бору на Украине раскинулось небольшое местечко Святошино, если верить легендам, названное именем монаха, поселившегося там в прошлом веке. Есть там излюбленные места общественных собраний, стихийных сходок, смотров, гуляний. Лет десять с лишним назад таким центром в Святошино была «третья просека». Так вот, в то самое время неожиданно ярко вспыхнула на горизонте Святошина новая звезда, местная знаменитость Шурка Роль, попросту Пирт. Невысокий, коренастый, немного флегматичный паренек.

Жил Шурка сначала в детдоме, потом перебрался к дядьке. Нежности да ласки в детстве ему досталось немного: улыбнется утром солнцу, пригреет, вечером ветерок приголубит. А все, чего не было у парнишки, находил он в книгах.

Читал он много, и все без разбору: то Жюль Верна, то Энгельса, то Маяковского, то Сашу Черного. Больше всего стихи любил. В школе все классные сочинения по русскому языку писал только стихами — и ошибок меньше, и интересно. Однако подросток парень и задумался о месте в жизни. Мечтал Шурка стать журналистом, но случилось так, что судьба перепутала его планы.

Как-то после уроков в класс вошел мужчина в кожанке, представился ребятам и предложил желающим поступить в аэроклуб. Шурка записался так, на всякий случай. С того дня все колесом и пошло: уроки, тренировки в спортзале, лекции по авиации, снова уроки, да дома по хозяйству работа.

Но время берет свое. Позади уже десятый класс, наземная подготовка в аэроклубе. Ребята приступили к полетам. В воскресенье они приезжают в увольнение, идут по Святошину толпой, разговор за полверсты несется, промасленные пилотки у каждого, этак лихо сдвинутые чуть-чуть набекрень: знай, мол, наших! Ребят пьянит радость от ощущения молодости, от избытка рвущихся на волю сил. И заметней всех Шурка. Каждое движение отличается твердой, самоуверенной грацией, держится гордо, улыбается, как Ив Монтан: многозначительно и с легкой усмешкой.

А в аэроклубе дела все энергичней — начались полеты без инструкторов. И вот в один из обычных летных дней вылетел самостоятельно на Ут-2 курсант Роль Александр Федорович. Приехал он после этого самостоятельного вылета в увольнение, и вижу я, па-

рень как будто другим стал. Не то чтобы возмужал или там окрылился как, а не такой. Он и раньше с причудами был: то на «мостике любви», что на склоне Днепра, стойку на руках выжмет (там и на ногах голова кружится), то на перекладине в спортзале такое открутит, что другому мастеру не под силу, то где-нибудь вечером, в потемках, бросится перед девчонками на сальто, и все ему нипочем — будто так и надо. Ухмыльнется на восторженные возгласы ребят и пошел дальше.

Но тут вдруг словно кто-то вселился в него и в глазах темных вроде чертенята прыгают. Позвал меня на «третью просеку» пиво пить. «Железно, — говорит, — мужчина ты или нет?» Это номер! Раньше глотка воды лишнего в рот не брал, а тут вдруг и курить начал, и пиво.

Я, конечно, от всего отказался начисто — спортивную форму держу. А он, встретив какого-то командира звена, небрежно облокотился о ларек и давит здоровенную кружку, с шумом сдувая пену. Время от времени косится на нижнюю челюсть, оттягивая ее вниз. Я-то знал, в чем дело: Шурка давно где-то вычитал, что признак воли — квадратная челюсть, ну и присматривался — как она, не подкачает?

Разговаривают о полетах. Тот командир звена вспоминать воздушные бои начал — воевал когда-то. Слова больше все незнакомые, смысл не уловить сразу, но вижу, что и приятель этот зачумленный какой-то. Ведь и не пьяный вроде, и лысый уже, а в глазах, как заговорили о своем небе, такие же бесенята закрутились, словно на виражах глубоких.

Вдруг Шурка спрашивает, подчеркнуто нажимая на первое слово: «Командир. А взяли бы вы того человека на обучение? — и на меня большим пальцем тычет. Посмотрел лысый внимательно на мою фигуру, а я далеко не царь природы, улыбнулся и спокойно так говорит: «Что ж, приезжайте в понедельник вместе, попробуем». С тех пор вот уже второй десяток лет я имею некоторое отношение к авиации. Но тогда, только что сдав экзамены в университет на факультет журналистики и имея свободное время до занятий, я решил съездить ознакомиться с аэродромной жизнью, поскольку настоящий журналист должен знать все.

Вернулся домой только через неделю, притащив с собой в огромном комбинезоне неповторимые запахи аэродрома, такие же, как у Шурки, зачарованные глаза, и, конечно, ни в какой университет я больше не пошел. Но это к слову. В тот же первый день Шурка только потрясал меня своей неожиданно прорвавшейся эрудицией:

— А знаешь ли ты, малый, сколько приборов у современного пилота в кабине?

— Откуда же мне знать?

— Назови приблизительно.

— Ну семь.

— Тридцать пять.

И Шурка был доволен. Он повел меня к своему самолету, по-хозяйски устроился в кабине и сосчитал рукоятки, секторы, кнопки, рычаги своего царства. Тридцать пять предметов, которые надо проверять,

поворачивать, включать, нажимать. Наконец мы закончили аэроклубовскую программу и уехали в училище летчиков-истребителей. Иначе, конечно, не могло быть: ведь чем больше радиус известного, тем больше и длина окружности соприкосновения с неизвестным. Мы должны были найти это неизвестное.

В училище поначалу, конечно, скучали о своем Святошине, о близких. Письма отсылали на вес, преимущественно знакомым девушкам. Шурка что-то скрывал, забирался в угол и строчил стихи. Когда ребята приставали, чтоб почитал, «приобщил к поэзии», он совал обычные свои лирические, для массового тиража, вроде: Где ты ходишь, недотрога, огонек далекий мой? Вьется, кружится дорога, занесенная зимой. Молодые пилоты не особенно вникали в идейное содержание их — была бы рифма да любовь — и переписывали в блокноты. Но однажды мне попала в тумбочке тетрадь со знакомыми Шуркиным почерком, стихи в которой были посвящены какой-то таинственной незнакомке. В семнадцать лет трудно отличаться постоянством, и я знал, что она была третьей. Читать «секретных» посланий я, конечно, не стал, но поскольку все мои дела сердечные были и его, то обиду свою высказал:

— Нехорошо, Пирт, темнишь.

Улыбнулся Шурка неопределенно, будто не понял, о чем речь-то идет, и с тех пор словно что-то колдовское пробежало между нами. Вижу, старается он по-прежнему делиться и письмами от знакомых, и на тренировке готов вовремя помочь, подстраховать, и незаметно пряников в тумбочку подложит, и все не то, асе скрывает что-то. Словом, стала та девица Шуркина кровным моим врагом.

Но наступила летная пора, и, увлеченный родной и полюбившейся мне воздушной стихией, позабыл я мелочные обиды, тем более что друг клялся, будто действительно никакой тайны у него не было. И снова мы думали и говорили с ним только об одном — о небе. Чувство глубокой привязанности, настоящей нежности крепло у нас с каждым полетом.

И вот однажды заканчивалась жаркая летная смена. Шли на посадку последние самолеты. Неожиданно, словно откуда то из-за угла, будто тысячи бочек сбросили с кучевых облаков, раздался гул турбины. И в следующую минуту все рассмотрели, как в небесную синеву крутой горкой пошел, бешено вращаясь, маленький стреловидный истребитель. Внутренне что-то мне подсказало: Шурка... Глянул — рядом стоит наш командир звена капитан Кудрин и внимательно следит: чем же кончится этот цирк? Все это было серьезным нарушением правил. Тем временем мой приятель, как ни в чем не бывало, разворачивается на аэродром и кидает комплекс сногшибательных фигур. Командир звена, стиснув фуражку, только и сказал сквозь зубы:

— Слабак. Кадушки какие-то лепит!

И ушел со старта. Пилот тем временем поднялся на почтенную высоту и благонаравно пролетел над аэродромом. Я облегченно вздохнул. Как мне показалось, ему помогло только сердобольное привидение, охраняющее бесшабашных летчиков.

Ну, а на следующий день, как положено по одному из методов подготовки, курсант Роль получил арестантскую записку с автографом командира звена.

Обидно, конечно, сидеть на гауптвахте, когда товарищи летают, но и мы все ждали, когда кончится его воспитательный срок, чтобы выяснить причину хулиганства, именуемого несколько поэтически — «воздушным».

Словно понимая наше удивление, Шурка прислал командиру звена записку. Тот осторожно развернул ее и прочитал: «Вот говорят, что юность — веселая пора. Сплошные песни до утра. Прогулки пешком через весь город со школьницами в бело-розовых выпускных платьях. Но разве для нас? Как равный вошел я в слетенье лучей, громов и высот...»

Капитан Кудрин улыбнулся, дочитал стихотворение и аккуратно сложил листок бумаги вчетверо. К «делу» курсанта Роль мы не возвращались. Но как-то мягко, ласково светились в тот вечер глаза нашего командира, и молодые люди, словно перенимая великое таинство неба, внимательней обычного слушали его ежедневные указания. От их чуткого слуха не скрылось то, как дрогнул голос старого летчика, когда он читал Шуркины стихи, их острые глаза заметили, как, волнуясь, расправлял он записку. Тогда, кажется, понял и я, кому отдал Шурка свои самые сильные чувства. Но закончено училище. Последняя наша встреча. Смутные разговоры о будущем, о строевой части. Что нас ждет? Ясно одно: мы — летчики, наша жизнь отдана небу. Мы разъезжаемся в разные места, и огромный мешок офицерского приданого перебирается с нами с одной станции на другую.

Первые письма. Эзоповым языком говорим о трудноватой холостяцкой жизни. Но лишь бы летать, лишь бы небо! И Шурка продолжает идти опасной и трудной дорогой летчика, подгоняемый неутомимым желанием жить напряженно, бороться и познавать. Чуть не в каждом письме сообщает он свой налет. А на фотографиях — смеющийся летчик, от скрученных вдвое и без того толстых его унтов, летной шапки, держащейся на критических углах, висящего ниже колена планшета веет чем-то от лихой поры рождения авиации. Шальные Шуркины глаза, смотрящие куда-то вверх, словно таят вызов самим небесам: да знаете ли вы, сколько приборов у современного пилота в кабине? 35? Ха-ха! 250!

С радостью читаю в газете заметку о первых успехах лейтенанта Александра Роль. И вдруг — тревожное, страшное известие: «Я не летчик...». Судьба снова соединяет нас — мы служили в соседних гарнизонах, и я узнаю подробности Шуркиной беды.

Избыток юношеского пыла, маленькая небрежность в полете, казалось бы, пустяк — чужая плохо подогнанная кислородная маска, и человек теряет сознание в воздухе. Потом многочисленные комиссии, рапорты, административные выводы и заключения. Да, Шурка был чрезвычайно молод, непростительно молод...

Над планшетом командного пункта склонился штурман старший лейтенант Роль. Знакомые позы, команды теперь не для него. Он лишь от-

ветственное лицо за наведение, от четкости работы которого зависит успешное выполнение перехвата. Александр быстро осваивает новую специальность. «Второе призвание», — пишет газета о способном штурмане. Наконец мы встречаемся. Сидим у домика командного пункта, говорим о том, о сем. Я стараюсь не касаться разговора о летной работе. Он начинает первым:

— Ты знаешь, малый, я постоянно в одиночестве слышу какую-то странную музыку, похожую не то на «Элегию» Массне, не то на стонущий свист реактивных двигателей. Что делать?

— Перекрестись, — острою я, но Шурка хмурится и безразлично смотрит куда-то в бесконечность. Вечереет. На дивно призрачном, сапфирном небе загораются друг за другом звезды — фонарики Шуркиной тоски.

— Пиши стихи, — не унимаюсь я и философски заключаю бодрим, вдохновляющим восклицанием:

— Всё проходит.

Думая о чем-то своем, Александр молча кивает головой и, будто соглашаясь со мной, повторяет: «... стихи, стихи. Да, конечно, напишу. Я напишу ей поэму».

И мне становится неловко за мою беспомощность, за мою слабость, словно во всем случившемся виноват только я. Молча прощаюсь с Александром, не зная, что так надолго. Люди, послужившие в авиации, знают, что на любом аэродроме обязательно встретишь бывших сослуживцев или знакомых твоих знакомых. И всякий раз, узнав, что кто-то прилетел из тех краев, где служит капитан Роль, я спрашиваю о нем.

Прошел не один год. Александр уже передает свой опыт молодым штурманам, сам освоил новейшую систему наведения; любой расчет, любая задача ему по плечу. И твердый, уверенный голос по-прежнему молодым громом летит в эфир.

Как всегда шумные, возбужденные, возвращаются после задания на землю летчики, принося с собой запах неба. Шурка смотрит, как стоят облака в их глазах, и ищет, — ищет в них понятный ему одному тайный смысл. Словно сжалившись, судьба поплевала на палец и перевернула очередную страницу. Александра приняли в академию. Командование назначает его начальником командного пункта. И вдруг!..

Вы верите в чудо? Оно ворвалось в его жизнь нежданно-негаданно, даже старушка-судьба ничего уже не могла поделать и отступила.

Совсем недавно от одного приземлившегося на нашем аэродроме летчика узнаю, что капитан Роль снова летает.

Он вернулся. Ведь вернулся к ней, к королеве нашей! Бросил всё: и звания, и заинтересованность материальную, и житейское спокойствие, и благополучие удачника. Капризная судьба удивленно пожала плечиками и проворчала: как безрассудно покидать теплую, уютную постель и холодным мрачным утром забираться в такой же холодный

самолет, идя навстречу радости, а иногда и опасности... но Александр не слушал ее слов. Он шел к своей королеве, как много лет назад, рядовым пилотом. Без оглядки на будущее, без спасительного благоразумия, с одним пламенным сердцем. Он живет жизнью, для которой рожден».

Очерки военного летчика Грибанова шли в «Красной звезде» без правки. Это уникальный случай в военной журналистике. Такое отношение редакция главного печатного органа Министерства обороны придавало уверенности капитану в том, что он выбрал правильный путь на случай, если придется уйти из истребительного полка и освоить новую профессию. Тогда из Военно-Воздушных Сил по сокращению летчиков целыми эскадрами увольняли в запас. Офицеры уходили с аэродромов в заводские цеха клепать да паять. Год был переломным в судьбе военнослужащих и в жизни всей страны.

Капитану Грибанову повезло. Он продолжал служить в 73-м гвардейском истребительном полку. Нес боевую вахту на грани двух миров в Группе Советских войск в Германии. Радостные события в его жизни все нарастали. Однажды командир полка распорядился построить полк. Грибанов подумал: «Очевидно, для какого-то важного сообщения». И не ошибся. Между тем полковник объявил:

— Капитан Грибанов, выйти из строя.

Отчеканив расставание, он повернулся, как положено, кругом и замер.

— Слушай приказ министра обороны! — объявил командир полка, обращаясь к Грибанову. — В честь юбилея газеты «Красная звезда» объявляю благодарность и награждаю золотыми именными часами ее автора капитана Грибанова Станислава Викентьевича. Маршал Советского Союза Малиновский.

Командир полка вручил летчику коробочку с часами, поздравил, как показалось Грибанову, с некоторым недоумением. Это и понятно. Во всей воздушной армии подобных приказов никогда не было. Приказы министра обороны, к слову, положено зачитывать перед строем полка и даже соединения. Но это было еще не все. Вскоре капитану Грибанову пришла телеграмма из Москвы. Ему предложили сменить сферу деятельности. В телеграмме был один вопрос: «Даете ли вы согласие на сотрудничество в «Красной звезде»?

Станислав был потрясен. Ведь газету делают профессионалы. А тут в коллектив военных журналистов приглашали человека из кабины самолета. Случай уникальный. Следовало иметь в виду, что главный орган военного ведомства подпитывался кадрами из армейских и окружных газет. Капитану Грибанову предлагали работу совершенно самостоятельную. Теперь он должен планировать свою работу и отвечать за нее.

С детства я рвался делать военную карьеру. Обстоятельства, как всегда, выше нас. Я вынужден был с небес опуститься на землю. Когда на моих плечах нарисовались голубые погоны с золотистыми кантами, никакая другая профессия мне была не нужна.

А тут приходилось задумываться о своем будущем уже в ином аспекте. Мысли о случайной профессии коробили. Следовало сделать шаг к такой профессии, которая определяла бы весь образ моей жизни. Ведь это основа на жизненном пути. Ошибешься в выборе и будешь не удовлетворен и жизнью, и собой, потянешь, как говорят в армии, лямку. Наступит пора разочарований.

Начальник политотдела училища Аркадий Христенко помог выбрать правильное направление. Коротко произнес:

— За точку отсчета возьми свой творческий интерес. На этой основе ты можешь стать профессионалом высокого класса. Дерзай.

Теоретически я знал, что близкие люди лучше понимают, чем ты дышишь. А после того, как я познакомился с майором Грибановым, человеком, активно выражающим себя в творчестве, то рядом с ним острее почувствовал свое призвание, — в одном из писем он обмолвился, мол, горестные воспоминания о прошлом — пустая трата времени. В настоящее время необходимо понять, какая именно жизнь тебе нравится, какой образ жизни ты готов примерить на себя. Остается реализовать себя в ней. Подумал: Грибанову хорошо так рассуждать, он классный журналист, уникален и неповторим. Ему было легче сменить профессию летчика на военного журналиста, не покалечив жизнь. Талант, как я полагаю, не заменить ни опытом, ни настойчивостью, ни трудолюбием, хотя и говорят, что в основе таланта девяносто процентов тяжелой работы. Важно самореализоваться в выбранной профессии. В моем случае — в журналистике.

В службе по призыву мне подфартило. Радиолокатор кругового обзора, где я служил оператором, располагался на отдаленной от гарнизона точке. Наш небольшой, дружный коллектив имел много свободного времени. Мне предстояло почти заново изучать при подготовке к поступлению на факультет журналистики гуманитарные дисциплины. Если на вступительных экзаменах в военном училище профилирующими предметами были математика, физика, то в университете нужно было сдавать литературу, историю, иностранный язык. Сочинение по русскому языку, естественно, было везде. Времени, однако, хватало и на службу, и на выполнение обязанностей военного корреспондента окружной газеты. Кстати, эта должность материально стимулировалась. Причем хорошо. Присылали гонорар, приближенный к месячному лейтенантскому окладу. В гарнизоне работала вечерняя школа, и я посещал уроки русского языка, русской литературы и немецкого языка.

Учеба меня полностью захватила. Мысленно сравнивал себя с рабфаковцами довоенных годов.

Старался и самостоятельно вникать в газетную теорию, чтобы поменьше нагружать своего наставника. Приобрел в Москве на редакторском факультете Военно-политической академии имени Ленина учебные пособия. Это «Актуальные проблемы освещения в печати вопросов боевой подготовки личного состава армии и флота». Пособие, ставшее, по сути,

моей настольной книгой. А еще были «Мастерство военного публициста», «Вопросы теории и практики редактирования материалов периодической печати», «Психолого-педагогические проблемы повышения эффективности обучения воинов-специалистов», «Воинский коллектив как объект системного анализа в журналистике», «Методы аналитической работы военного журналиста». Всего десять книг: больше я был озабочен тем, как эффективнее вести беседы с людьми, будущими героями газетных материалов, просил также Грибанова поделиться опытом сбора фактов. Словом, старался подкрепить вычитанную в учебных и академических пособиях теорию практикой. Станислав Викентьевич шел навстречу. При его содействии «творческий поток» был управляемым. Мой наставник знал цену слова, оперативной заметки, критического выступления и щедро делился своим опытом. Помогал мне успешнее реализовываться в выбранной профессии.

В редакции «Красной звезды» капитан Станислав Грибанов, которому исполнилось двадцать восемь лет, оказался самым молодым корреспондентом. Скидок на молодость ему не делали, но его прямой начальник Вячеслав Гриневский, отправляя его на задания, заявлял:

— Знаешь, ты заходи в кабинет к любой шишке и обращайся, приветствуй его, как положено, по уставу. А сели за стол — всё. Вы равны! Разговаривай с ним, задавай любые вопросы, спорь. Тут ты представляешь главную военную газету «Красная Звезда». Храни ее честь и авторитет.

План постоянного корреспондента на месяц был строг. Его невыполнение — исключалось. В план входило следующее: две авторские работы, а это проблемная или, как ее называли в редакции, постановочная статья и корреспонденция. Третий материал можно написать свой. Но, как вскоре убедился Грибанов, для газеты он был не очень интересен. Ему внушали: главное, чтобы выступали авторы, а это крупные воинские начальники с большими звездами на погонах. И прежде чем выдать свой материал, нужно было уложиться в план. Обязательная его отработка — закон. Иначе корреспонденту не начисляли гонорар.

Особая забота постоянного корреспондента по Группе Советских войск в Германии, как и его коллег из других военных округов, приходилась на отдел информации. Заметку не спланируешь. По заказу знамена не горят, люди не тонут. Носом землю рой, а информацию ищи.

От капитана Грибанова постановочные материалы ждали отделы: пропаганды, партийно-политической работы, боевой подготовки сухопутных войск, ВВС, ракетных войск и ПВО, отделы комсомольской жизни, науки, техники и вузов, культуры и быта, физкультуры и спорта, иностранный отдел. Объем печатляет.

Аналогичную работу довелось выполнять и мне, военному окружной газеты по Оренбургскому Высшему военному авиационному училищу летчиков. Понятно, что трудился я по отделу авиации. Опыт

Станислава Грибанова в этой связи пришелся мне весьма и весьма кстати. Замечу, что газета Уральско-Приволжского военного округа «За Родину» по формату была аналогична главному органу Министерства обороны «Красная звезда». Выходила она ежедневно и постоянно требовала харч, и чем больше, тем лучше. Я до сих пор храню заявки от редакторов отделов на подготовку соответствующих материалов.

Но это к слову. У капитана Грибанова горизонты были шире. Он рассказывал о своем дебюте. Первая статья была от командующего ВВС Группы Советских войск в Германии генерала Пстыго. Статья, как признался Станислав Викентьевич получилась, как первый блин — комом. При встрече Грибанов намекнул командарму, что ему хотелось бы получить записи, наброски к его, генеральской, статье в «Красной звезде». Иван Иванович, молодой еще человек, грозно изрек:

— Вам хочется, а мне не может! Кто летает, тот не пишет, а кто пишет, тот не летает!

В общем, капитан-корреспондент вышел из генеральского кабинета не солоно хлебавши. Но статью нужно было делать, ее уже запланировали в «Красную звезду». Что делать? Грибанов пришел к выводу: надо садиться и писать за него. Ему пришлось собирать материал со всех мероприятий, военных советов, где выступал генерал. А еще он понял, что ему не хватало знания обстановки в воздушной армии, фактов, чтобы можно было порассуждать и родить какую-то мысль. Вообще-то не какую-либо, а новую, свежую, экстраординарную.

Грибанов нашел идею. В Группе войск только что несколько офицеров ВВС удостоились звания «Заслуженный военный летчик». Эврика! Пришло твое время, капитан Грибанов! В своей статье он отметил заместителя командира полка по политической части. Генерал Пстыго на партийной конференции назвал его и похвалил. А когда Грибанов статью с примерами и рассуждениями принес генералу-командарму, то раздался гром среди ясного неба. Замполит, дескать, и летать-то не умеет, и заслуженного ему присвоили только ради поддержки авторитета политработников. Корреспондент пребывал в некоторой растерянности. Можно ли такое писать в газету, которую читает вся страна и с которой начинается свой служебный день министр обороны?

Грибанов признал еще одну свою ошибку. Рассуждения-размышления он изложил в свойственной для себя тональности. А тут выступал генерал, командарм. Уровень требовал упомянуть последний съезд партии, сослаться на бессмертные мысли ее вождя, обстоятельства требовали писать казенным языком, от которого при чтении скулы сводит. В конце концов статья генерал-полковника Пстыго была опубликована.

Наконец капитан Грибанов отправил в редакцию и корреспонденцию, авторами которой были три офицера — первый выпуск летчиков-инженеров. Корреспондент изложил всё в стиле, доступном для прохождения военной цензуры. Грибанов поднял в корреспонденции проблему,

которую разрабатывал исследовательский полк Липецкого авиационного Центра. Тогда на фирму «мига» исследователи отправили ряд замечаний, пожеланий, рекомендаций. Эти вопросы автор теперь вынес на суд читателей. Корреспонденция внесла свежую струю. На редколлегии ее отметили, признав лучшим материалом номера. По отмеченным выступлениям в «Красной звезде» оценивалась квалификация корреспондента.

Прошло немногим больше года, как капитан Грибанов пересел из кабины истребителя за письменный стол. Однако он оставался до самозабвения влюбленным в небо. Он так и продолжал представляться коллегам: военный летчик второго класса капитан Грибанов. Мысленно спрашивал себя, мол, летчик-то летчик, а вот каков из тебя получится журналист.

Страхи оказались напрасными. Краснозвездовцев удивляла его манера изложения материала. Очерки, корреспонденции, репортажи, вышедшие из-под его пера, отличились свежестью письма, смелостью мыслей и изобразительностью средств. Его коллеги поняли, что в краснозвездовский строй встал по-настоящему даровитый журналист. Он выработал свой неповторимый творческий почерк.

Отрывки из писем Станислава Викентьевича Грибанова как бы воспроизводят черточки его журналистского становления:

«Если бы мне не пришлось больше трудиться в редакции, то уже могу сказать, что на всю жизнь сохраню самые симпатичные чувства о тех людях, с которыми за это время успел познакомиться и поработать. Для меня это все очень здорово и необычно. Но больше всего, пожалуй, запомнилось чье-то вовремя сказанное корреспонденту напутствие: «Начали с аплодисментов — чем-то кончим?..» Хорошо было сказано. Я не так часто слышал столь необычные для меня пожелания и советы».

«Закрываю кабинет и сажусь за труды. Дальнейший план: спортсмены ГДР, корреспонденция Ершову и письмо летчикам-конструкторам. Всем мой низкий поклон».

«...Высылаю рапорт на отпуск. Есть у меня план поработать в этот месяц отпускной над одной повестью: об этой девушке-летчице Лиле Литвяк. Теперь уже неудобно отступать перед теми, с кем встречался, да кому столько писем переписал. Надо сделать. До свидания. Всем отделу привет».

«...По ночам мне снятся героические информации, утром, ото сна восстав, я думаю, что это очень опасно: кинуться куда-то за пятью строками, потерять уйму времени и упустить то, что давно сидит на кончике пера. Расточительно и бесхозяйственно».

«Времени в сутках совсем мало. Вчера лег в первом часу, зато сегодня встал позже, и голова гудит. Этак, вижу, ничего не натянешь, и хрен редьки не слаще. Надо научиться им распоряжаться. В выходной товарищ пригласил на рыбалку, и я было согласился, но как подошло время отправляться, сердце кровью облилось: за что четыре часа угробить?! Пришлось отказаться. Пока склероз не одолел, постараюсь без активного отдыха обойтись».

Как шла жизнь вдалеке от Москвы постоянного корреспондента «Красной звезды» в Группе Советских войск в Германии?

Утром капитан Грибанов приходил в свой персональный кабинет, вызывал водителя, он тут же приезжал на легковушке, припаркованной напротив окон Дома офицеров, а он выглядывал — как смотрится техника корреспондента «Красной звезды», приписанная ему для оперативных заданий самим начальником Генерального штаба Вооруженных Сил СССР.

Обколесив все аэродромы бывших «Люфтваффе», он уже знал — где, какие самолеты стоят, какие задачи выполняют полки, фамилии их командиров, но стоит ли говорить, что наиболее часто навещал он свой родной 73-й гвардейский. Да и его там встречали не как официальное лицо — представителя «Красной звезды». Ничего удивительного, что следом за корреспонденцией трех лейтенантов Грибанов написал очерк об одном из них. Рассказал о Владимире Ачакове, парнишке с доброй располагающей улыбкой, без пафоса, простым языком. Очерк быстро опубликовали в «Красной звезде». На первой полосе, с фотографией. Это у Грибанова получилось не хуже, чем у корифеев от фотожурналистики. Оперативность оперативного отдела удовлетворила и... насторожила. Станислава Викентьевича всегда тревожило сокращение и без того сжатых газетных строк. Он читал свой очерк и краснел от стыда. Ему казалось, что литправщик подверг текст переделке, чтобы посмеяться над автором. Он отредактировал его четко под учебное пособие к Уставу гарнизонной и караульной службы. По всему тексту летчики обращались друг к другу на «вы». Появились в очерке и другие ляпы. Нетрудно было представить негодование посткора. Он возмущался, но сдерживал себя. Не рановато ли ему, капитану, качать права и критиковать начальника с большими звездами на погонах? Единственное, что он сделал, долго не показывался в свой полк. Было стыдно.

Окольным путем Грибанов узнал, что правил его очерк один из членов редакционной коллегии. Один из многих комсомольских выдвиженцев, тот занял ответственную должность в главной газете Вооруженных Сил. Он понятия не имел, как самолет летает. Писатель Александр Куприн в авиации не служил, но смог рассказать о летчиках, как пилот-профессионал. К сожалению, грибановский шеф — не Куприн.

К моему удивлению выяснилось, что у капитана Грибанова в «Красной звезде» тоже были наставники. Два полковника, Алексей Кулаков и Анатолий Синев, старше его по возрасту и опыту работы в журналистике, этак ненавязчиво следили за молодым корреспондентом. Вот уж поистине: один в поле не воин. Когда они убедились, что Грибанов план выполняет, а его материалы на редколлегии отмечают, успокоились. Зато он внимательно и пристально присматривался к ним, внимательно вчитывался в их материалы, повышая таким образом свое журналистское мастерство.

Надежда Копылова

Из неопубликованного

Липа плачет под солнцем,
Серебрятся листья –
Одинокое соло
Непонятной тоски.
В праздник блеска и жара
Мироточит листва,
Осеняя прохладой
Сумасшествие дня.

Все в мире зыбко, преходяще,
Сегодня этак, завтра так,
И то, что важно в настоящем,
В безмерной вечности – пустяк.
Миг золотистый, миг бесценный
Исчезнет в гулкой темноте
И перейдет в простор вселенной
В небытие и бытие.
Пространства даль непредставима.
Волнует мысль, тревожит дух,
И истина несется мимо,
Даря восторг, даря испуг.

Картинка

Гроза прошла, стал четким горизонт. Светлеет
высыхающая галька,
Как будто детскою наивною рукой
Приклеена к волне притихшей чайка.

В. Ф.

Всего и нужно-то один звонок,
Чтобы согрел меня признаньем –
Признаньем в том, что я – цветок,
Расту вдали от твоего дыханья.
Расту вдали, и никогда
Моим корням не пересечь преграды
Земель и рек...
Но лепестка ты слышишь речь,
И большего уже не надо...

Почти романс

Я даже имени не помню твоего,
Но благодарности моей предела нет... Тяжелый
час, тяжелый день, тяжелый год. Твоим внимани-
ем нечаянно согрет.
Я даже имени не помню твоего,
Но тучи над тобой пусть разгоняет ветер,
И пусть взаимностью поделится с тобой Краса
осенняя и зимний вечер.
Я даже имени не помню твоего,
Но память возвращается все чаще
Лишь для того, чтоб до последних дней Благо-
словлять тебя на счастье

Никитинская, 47

И скоро домиком одним вдруг станет меньше
Здесь в детстве протекала жизнь моя... Трезор,
и огородик, и, конечно,
Свобода безнадзорного житья

И память уж обнесена забором,
И кран стоит, не дрогнет на ветру,
И старчески беспомощны глазницы.
В надеже на мгновенную судьбу.

Из Керченского цикла

Чайки кричали над стылой водой,
Живых уж пески отпевали:
Дерзкий десант, совсем молодой,
Нелюдей истребляли.
Морская вода заливала сполна,
Тянула на дно безвозвратно,
Ноябрьское дно изрешечено,
Тесно вам там, солдаты.
Живой, не живой. Но вовеки твоя
Дерзость ни сгинет в Лету:
Слезы сухие омоют тебя
На этом и том свете...
Пос. Эльтиген

Мисхор, 2019 г.

Испепеляюще прозрачный день,
А ветер все равно морочит сушу.
И кроны съехали, как шапки набекрень,
И чайки странный крик тревожит душу.

В. Ф.

Ну что? Конечно, не скучаешь.
А жаль. Надеюсь все же я:
Вдруг как-нибудь совсем случайно
Мелькнет мыслишка про меня.
Мелькнет и радугой внезапной
Твой день на миг развеселит.
И в разноцветье ярком, ясном
Душа струною прозвучит.
Струна одна. Но светел, строен
И гармоничен ее звук.
Нам две струны так не настроить.
Ты смог? Ну что же... В добрый путь.

Soydade* /из португальского/

Посвящение В. Ф.

Соудаджи, мой друг, соудаджи...
Нам не встретиться с тобой.
Но однажды, может быть, и тебе это слово
Вдруг подарит грусть.
Пусть не скоро соудаджи
Тебя вдруг охватит...
Не заплачешь,
Но захочется плакать...

*

Soydade /Соудаджи/ – непереводимое на русский язык слово. Означает состояние души, когда человек тоскует о чем-то дорогом, но безвозвратно утраченном.

Ж.

Как ключ, что к скважине замочной
Подходит враз, размер в размер,
И без нажима, поворотом.
Откроет и закроет дверь.

Так и душа моя с твоею
Без напряженья естества,
Без лишних слов, без принужденья,
Переплетается, едва

Глаза твои увижу, или
В пространствах всех земных широт
Твое произнесу лишь имя –
И боль, тревога – все пройдет.

Дождь пузырит море колкими иголками,
Солнце мир покинуло, будто навсегда,
Подо мною стелется то, что распузырилось,
Темная-претемная черная вода.
Разведу я темень легкими руками
И дождю подставлю плечи и лицо,

Пусть себе играет, если хочет гаммы,
С музыкой вселенской грустно и легко.
Над волной скромняшкой вслед летит другая,
Та, что захлебнется собственной водой.
И на ней медуза весело взлетает,
Распластавшись в пене всею пятерней.
Подтекст
Розовое облако надо мной повисло,
Подо мною стелется темная вода,
Шепчет что-то ветер, но почти не слышно,
Захлестнула шепот сизая волна.
Розовое облако надо мной исчезло.
Растворилось облако среди туч.
В темноте кромешной спряталась надежда,
Сквозь нее пробьется ль лунный луч?
Лунная дорожка вывела из мрака,
Галька колко, мокро ноги холодит,
Полотенце греет, отгоняя страхи,
Налетевший ветер душу молодит.

Да, и пух тополиный люблю.
Ну и что, что щекочет мне уши.
Без него и весна не весна,
Без него мне и гром не гремучий.
С ним дорога к тебе в серебре,
И душа молода и крылата,
И листва шелестит в вышине,
Сочиняет для лета сонату.

«Хочу, хочу вздохнуть дышать»

О поэзии Надежды Копыловой

Может ли поэзия затронуть сердца читателей в наше сложное время, полное трагедий катастроф, тревог за будущее нашей планеты? Эти вопросы я задавала себе, когда познакомилась со стихами Надежды Копыловой.

Почитала одно, два и не смогла остановиться, пока не закрыла последнюю страницу небольшого сборника «Коснуться вечности ладошкой земною» (Воронеж, 2018).

Вечные вопросы бытия, затерянность человека в безбрежности пространства, стремление заглянуть туда, за роковую черту... Каков он, тот неведомый нам мир, куда уже ушли родные, близкие? Связь с ними автор чувствует до отчаяния глубоко:

*Как буду любить их, когда с ними встречусь.
Одним дуновением я памяти метки Земного сотру.
Живу. Я живая.
А сердце трепещет – причастия просит
Другому Добру...*

Земное – это и природа, с которой у автора своя таинственная связь, когда погружаешься в нее на уровне подсознания. Вот почему мне дороги строчки про лес, что стоит «внезапно обнаженный и голос от смущенья с хрипотцой...», про ветер на исходе зимы, который «грусть швыряет в небо, чтоб

март грядущий не нашел», и про август, который «к сентябрю бросит в лапы-листья горсть рябины на мониста».

Поэзия всегда образное мышление. Сильные чувства требуют себя запечатлеть. На «земной ладошке» и печаль, и радость, и боль, и восхищение. И вопреки желанию автора чувства «загнаны до отчаяния», до хрупкости истончены:

*Моей души коснулась благодать
Цветка, восхода и заката,
И тайны тайн пушистого собрата:
Глядит, молчит, как будто бы сказать
Мне что-то хочет. Нет, мне не понять...*

Когда читаешь стихи, удивляют рифмы, вернее, иногда их отсутствие. Если текст рифмуют, чтобы назвать его стихами – это всегда видно. Понятно – над созданием его трудились. В поэзии Копыловой – чувства и полет мысли. Состояние души, что и есть поэзия, не уложишь ни в ямб, ни в хорей. Это, скорее всего, эмпатия, т. е. способность переживать чувства автора как свои собственные.

Обнаженность чувств особенно проявляется в любовной лирике. Цикл, названный «В. Ф.», хочется переименовать авторской же строчкой: «Моя любовь – тебе причастье». Читаются стихи без вся-

кого усилия и запоминаются почти сразу. Просто сердце как бы само собой откликается на строки: «Есть нечто высшее, редчайшее участие» – и ты как будто вступаешь в диалог, читая об ушедшей, такой давней и такой незабываемой любви:

*Есть у меня своя отрада:
Ночью, перед тем как засыпать,
Все крестить тебя, И надо, и не надо –
Все крестить и все благословлять.*

Наверное, единственный способ пережить разлуку – это писать и писать о ней. Иначе невозможно стать свидетелем таких откровений:

*Тебе завидовать не стану,
Сама завидую себе,
Той нежности, что без обману,
Той невозвратной высоте.*

Контраст пронзительно лирического и философского осмысления жизни – главное в поэзии Надежды Копыловой, ее отличительное качество.

С трудом закрываю последнюю страницу и вместе с автором продолжаю размышлять о конечности земного бытия, об ответственности за сущность всего, человечности и великодушии:

*Итог итогов прост.
Он выпрямил мой путь.
Я руку жму Добру.
Добру и только.*

Это основной лейтмотив и сквозной тезис творчества Надежды Копыловой.

Марина Цветаева была уверена, что для ее стихов «настанет свой черед». Думается, что для стихов Надежды Копыловой этот черед уже наступил.

**Галина Королёва,
журналист**

ПРАВИЛА

для авторов научно-практического альманаха «Акценты. Новое в массовой коммуникации»

Альманах принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленные в виде полных статей. Опубликованные статьи, а также статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Альманах выпускается в восьми номерах (4 ежеквартальных выпуска).

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Редакция не гарантирует обеспечение авторов опубликованных статей бумажным экземпляром издания, поэтому им рекомендуется скачивать PDF-версии с сайта факультета (<http://jour.vsu.ru/izdaniya-zhurnaly-i-prodolzhayushchiesya-izdaniya/almanah-akcenty>).

Статьи принимаются в электронном виде. Они должны быть сжато написаны, аккуратно оформлены и тщательно отредактированы.

Текст статьи должен быть набран через полтора интервала, с полями — 2,5 см с левой стороны, размер шрифта — 14 п. (Times New Roman Cyr).

Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы в бумажном и электронном виде (e-mail редакции: vlvtul@mail.ru):

1) текст статьи, подписанный всеми авторами, таблицы, иллюстрации и подписи к ним;

2) название статьи, аннотацию, ключевые слова, инициалы и фамилию авторов, место работы — **на русском и английском языках**;

3) сведения об авторах: их должности, ученые степени, телефоны и адреса электронной почты (**на русском и английском языках**);

4) цветное фото автора.

Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках [1], через запятую дается указание на страницы — [1, с. 165], через точку с запятой — другая ссылка (например, [1, с. 5; 2, с. 75]).

Кроме ссылок на литературу в тексте могут присутствовать сноски.

Список литературы дается в конце статьи с обязательной нумерацией и озаглавляется **ЛИТЕРАТУРА (прописные буквы)**. Список оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. **Библиографическое описание, ссылки располагаются в порядке цитирования.**

Редколлегия